

ASTANA
INTERNATIONAL
UNIVERSITY

ISSN 3106-9525
eISSN 3106-9533

VERITAS LEGIS JOURNAL

Nº2 (2) 2026

**Астана Халықаралық университеті
Международный университет Астана
Astana International University**

Veritas Legis Journal

№ 2 (2) - 2026

Жылына 4 рет шығады
Выходит 4 раза в год
Published 4 times a year

Астана - 2026
Astana - 2026

Бас редактор: Нурмагамбетов А.М.,

заң ғылымдарының докторы, Астана халықаралық университеті Құқық жоғары мектебінің
профессоры, Астана, Қазақстан

Бас редактордың орынбасары: Ахпанов А.Н.,

заң ғылымдарының докторы, Астана халықаралық университеті Құқық жоғары мектебінің
профессоры, Астана, Қазақстан

Редакциялық алқа:

Абдиров Н.М., заң ғылымдарының докторы, профессор (Астана, Қазақстан)

Аленов М.А., заң ғылымдарының докторы, Астана халықаралық университеті Құқық жоғары
мектебінің профессоры (Астана, Қазақстан)

Амандыкова С.К., заң ғылымдарының докторы, Астана халықаралық университеті Құқық
жоғары мектебінің профессоры (Астана, Қазақстан)

Андреева О.И., заң ғылымдарының докторы, Томск мемлекеттік университеті Заң
институтының директоры (Томск, Ресей)

Борчашвили И.Ш., заң ғылымдарының докторы, Астана халықаралық университеті Құқық
жоғары мектебінің профессоры (Астана, Қазақстан)

Жумагулов М.И., заң ғылымдарының докторы, Астана халықаралық университеті Құқық
жоғары мектебінің профессоры (Астана, Қазақстан)

Залесный Я., заң ғылымдарының докторы, Варшава университеті заң факультетінің
профессоры (Варшава, Польша)

Ибраев А.С., PhD, Астана халықаралық университеті Құқық жоғары мектебінің доценті
(Астана, Қазақстан)

Жамбаев Е.С., заң ғылымдарының кандидаты, Астана Халықаралық университетінің Құқық
Жоғары мектебінің доценті (Астана, Қазақстан)

Исабай Н., PhD, Астана халықаралық университеті Құқық жоғары мектебінің деканы (Астана,
Қазақстан)

Искакова Ж.Т., PhD, Астана халықаралық университеті Құқық жоғары мектебінің доценті
(Астана, Қазақстан)

Касимов А.А., заң ғылымдарының докторы, Астана халықаралық университеті Құқық жоғары
мектебінің профессоры (Астана, Қазақстан)

Малютин Н.С., заң ғылымдарының кандидаты, М.В. Ломоносов атындағы Мәскеу
мемлекеттік университетінің доценті (Мәскеу, Ресей)

Марко Г., PhD, Феррара университеті заң факультетінің профессоры (Феррара, Италия)

Примашев Н.М., заң ғылымдарының кандидаты, Астана халықаралық университеті Құқық
жоғары мектебінің профессоры (Астана, Қазақстан)

Сеилханов Ж.Д., Астана халықаралық университеті Құқық жоғары мектебі деканының
орынбасары (Астана, Қазақстан)

Сембекова Б.Р., заң ғылымдарының кандидаты, Қазақстан Республикасы Жоғары Сот
Кеңесі жанындағы Әділет академиясының Қылмыстық-құқықтық пәндер ғылыми-білім беру
орталығының директоры (Астана, Қазақстан)

Турлуковский Я., PhD, Варшава университеті заң факультетінің профессоры (Варшава,
Польша)

Тхабисимова Л.А., заң ғылымдарының докторы, Пятигорск мемлекеттік университеті заң
институтының профессоры (Пятигорск, Ресей)

Ударцев С.Ф., заң ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан Республикасы
Конституциялық Сотының судьясы (Астана, Қазақстан)

Шапак У., заң ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан Республикасы Парламент
Мәжілісінің депутаты (Астана, Қазақстан)

Жауапты редактор – т.ғ.к. Мырзабекова А.М.

Меншіктенуші: «Астана Халықаралық университеті» Жауапкершілігі шектеулі серіктестігі

Тіркеу: ҚР Мәдениет және ақпарат министрлігінің Ақпарат комитеті

Бастапқы есепке қою күні мен нөмірі: 16.01.2020 ж. тіркеу куәлігімен № KZ77VPY00019401

Екінші есепке қою: 16.09.2025 № KZ76VPY00129417

Мерзімділігі: жылына 4 рет

ISSN: 3106-9525 **ISSN (Online):** 3106-9533

Тақырыптық бағыт: құқықтану, ғылыми

Редакцияның мекенжайы: 010000, Қазақстан, Астана қ., Қабанбай бытыр даңғылы, 8

тел.: +7(7172) 47-62-10 (214), e-mail: vlj@aiu.edu.kz

© Astana International University

Главный редактор: Нурмагамбетов А.М.,

д.ю.н., профессор Высшей школы права Международного университета Астана, Астана,
Казахстан

Заместитель главного редактора: Ахпанов А.Н.,

д.ю.н., профессор Высшей школы права Международного университета Астана, Астана,
Казахстан

Редакционная коллегия:

Абдиров Н.М., д.ю.н., профессор (Астана, Казахстан)

Аленов М.А., д.ю.н., профессор Высшей школы права Международного университета Астана
(Астана, Казахстан)

Амандыкова С.К., д.ю.н., профессор Высшей школы права Международного университета
Астана (Астана, Казахстан)

Андреева О.И., д.ю.н., директор Юридического института Томского государственного
университета (Томск, Россия)

Борчашвили И.Ш. д.ю.н., профессор Высшей школы права Международного университета
Астана (Астана, Казахстан)

Жумагулов М.И., д.ю.н., профессор Высшей школы права Международного университета
Астана (Астана, Казахстан)

Залесный Я., д.ю.н., профессор юридического факультета Варшавского университета
(Варшава, Польша)

Ибраев А.С., PhD, доцент Высшей школы права Международного университета Астана
(Астана, Казахстан)

Жамбаев Е.С., к.ю.н., доцент Высшей школы права Международного университета Астана
(Астана, Казахстан)

Исабай Н., PhD, декан Высшей школы права Международного университета Астана (Астана,
Казахстан)

Искакова Ж.Т., PhD, доцент Высшей школы права Международного университета Астана
(Астана, Казахстан)

Касимов А.А., д.ю.н., профессор Высшей школы права Международного университета Астана
(Астана, Казахстан)

Малютин Н.С., к.ю.н., доцент Московского государственного университета имени М.В.
Ломоносова (Москва, Россия)

Марко Г., PhD, профессор юридического факультета университета Феррара (Феррара, Италия)

Примашев Н.М., к.ю.н., профессор Высшей школы права Международного университета
Астана (Астана, Казахстан)

Сеилханов Ж.Д., заместитель декана Высшей школы права Международного университета
Астана (Астана, Казахстан)

Сембекова Б.Р., к.ю.н., профессор, директор Научно-образовательного центра
уголовно-правовых дисциплин Академии правосудия при Высшем Судебном Совете
Республики Казахстан (Астана, Казахстан)

Турлуковский Я., PhD, профессор юридического факультета Варшавского университета
(Варшава, Польша)

Тхабисимова Л.А., д.ю.н., профессор юридического института Пятигорского государственного
университета (Пятигорск, Россия)

Ударцев С.Ф., доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда
Республики Казахстан (Астана, Казахстан)

Шапак У., доктор юридических наук, профессор, депутат Мажилиса Парламента Республики
Казахстан (Астана, Казахстан)

Ответственный редактор - к.т.н. Мырзабекова А.М.

Собственник: Товарищество с ограниченной ответственностью «Международный университет Астана»

Регистрация: Комитет информации Министерства культуры и информации РК

Дата и номер первичной постановки на учет: 16.01.2020 г. регистрационным свидетельством № KZ77VPY00019401

Вторичная постановка на учет: 16.09.2025 № KZ76VPY00129417

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 3106-9525 **ISSN (Online):** 3106-9533

Тематическое направление: юриспруденция, научная

Адрес редакции: 010000, Казахстан, г. Астана, пр. Кабанбай батыра, 8

тел.: +7(7172) 47-62-10 (214), e-mail: vlj@aiu.edu.kz

© Astana International University

Editor-in-chief: Nurmagambetov A.M.,

Doctor of Law, Doctor of Law, Professor, Higher School of Law, Astana International University,
Astana, Kazakhstan

Deputy editor-in-chief: Akhpanov A.N.,

Doctor of Law, Professor, Higher School of Law, Astana International University, Astana,
Kazakhstan

Editorial board:

Abdirov N.M., Doctor of Law, Professor (Astana, Kazakhstan)

Alenov M.A., Doctor of Law, Professor, Higher School of Law, Astana International University
(Astana, Kazakhstan)

Amandykova S.K., Doctor of Law, Professor, Higher School of Law, Astana International University
(Astana, Kazakhstan)

Andreeva O.I., Doctor of Law, Director of the Law Institute, Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Borchashvili I.Sh., Doctor of Law, Professor, Higher School of Law, Astana International University
(Astana, Kazakhstan)

Zhumagulov M.I., Doctor of Law, Professor, Higher School of Law, Astana International University
(Astana, Kazakhstan)

Zalesny J., Doctor of Law, Professor, Faculty of Law, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Ibrayev A.S., PhD, Associate Professor, Higher School of Law, Astana International University
(Astana, Kazakhstan)

Zhambaev E.S., Candidate of Law, Associate Professor at the Higher School of Law of Astana
International University (Astana, Kazakhstan)

Isabay N., PhD, Dean of the Higher School of Law, Astana International University (Astana,
Kazakhstan)

Iskakova Zh.T., PhD, Associate Professor, Higher School of Law, Astana International University
(Astana, Kazakhstan)

Kasimov A.A., Doctor of Law, Professor, Higher School of Law, Astana International University
(Astana, Kazakhstan)

Malyutin N.S., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Lomonosov Moscow State
University (Moscow, Russia)

Marco G., PhD, Professor, Faculty of Law, University of Ferrara (Ferrara, Italy)

Primashev N.M., Candidate of Legal Sciences, Professor, Higher School of Law, Astana International
University (Astana, Kazakhstan)

Seilkhanov Zh.D., Deputy Dean of the Higher School of Law, Astana International University
(Astana, Kazakhstan)

Sembekova B.R., Candidate of Legal Sciences, Director of the Research and Educational Center for
Criminal Law Disciplines, Academy of Justice under the High Judicial Council of the Republic of
Kazakhstan (Astana, Kazakhstan)

Turlukowski J., PhD, Professor, Faculty of Law, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Thabisimova L.A., Doctor of Law, Professor, Law Institute, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk,
Russia)

Udartsev S.F., Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Republic of
Kazakhstan (Astana, Kazakhstan)

Shapak U., Doctor of Law, Professor, Deputy of the Mazhilis of the Parliament of the Republic of
Kazakhstan

Responsible Editor - Candidate of Technical Sciences Myrzabekova A.M.

Owner: Limited Liability Partnership "Astana International University"

Registration: Information Committee of the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan

Date and number of initial registration: 16.01.2020 with registration certificate № KZ77VPY00019401

Secondary registration: 16.09.2025 № KZ76VPY00129417

Frequency: 4 times a year

ISSN: 3106-9525 **ISSN (Online):** 3106-9533

Subject area: jurisprudence, scientific

Address of edition: 010000, Kazakhstan, Astana, Kabanbay Batyr avenue, 8.

tel.: +7 (7172) 47-62-10 (214), e-mail: vlj@aiu.edu.kz

© Astana International University

МАЗМҰНЫ – CONTENTS – СОДЕРЖАНИЕ**Конституционное и административное право**

Гагиев А.К.

НАБЛЮДЕНИЕ НА ВЫБОРАХ КАК НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ВЛАСТИ НАРОДА..... 10

Рогов И.И.

ЭВОЛЮЦИЯ РОЛИ ПРЕАМБУЛЫ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В ПРАКТИКЕ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ 21

Кусаинова А.К.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ..... 31

Гражданское и гражданско-процессуальное право

Жаскайрат М.

TRANSFORMATION OF THE GOALS OF FAMILY JUSTICE: FROM DISPUTE RESOLUTION TO RESTORATION OF FAMILY RELATIONSHIPS..... 39

Трудовое право и право социального обеспечения

Рыскалиев Д.У., Нурахметова Г.Г., Сулейменова С.Ж.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ЖАҢА КОНСТИТУЦИЯСЫ: ЕҢБЕК ҚАТНАСТАРЫНДА ӨЛЕУМЕТТІК ӨРІПТЕСТІК ЖҮЙЕСІН, АДАМ КАПИТАЛЫН ДАМУ ТҒА БАҒЫТЫНДАҒЫ ТЕОРИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ТӘЖІРИБЕЛІК СҰРАҚТАР 49

Уголовное право, уголовный процесс, уголовно-исполнительное право

Прокопова А.А.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ПОДАЧУ ОБРАЩЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЭЛЕКТРОННОГО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА 60

Хан А.Л.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН И ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ «СОДЕРЖАНИЕ ПОД СТРАЖЕЙ» В ГЛАВНОМ СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ 69

Международное право

Акпарова Р.Н.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН О ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 78

Аленов М.А., Журунова М.К.

ЕАЭО МЕМЛЕКЕТТЕРІНДЕГІ ЕҢБЕКШІ-МИГРАНТТАРДЫҢ ЕҢБЕК ҚҰҚЫҚТАРЫН ҚОРҒАУДЫҢ ПРОЦЕССУАЛДЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТЕТІКТЕРІ..... 87

Конституционное и административное право

МРНТИ 10.15.37

DOI: <https://doi.org/10.62687/VLJ.2.2.2026.49>**НАБЛЮДЕНИЕ НА ВЫБОРАХ КАК НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ВЛАСТИ НАРОДА****А.К. Гагиев***

«Ингушский государственный университет»

*e-mail: akgagiev@yandex.ru

А.К. Гагиев – декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент; Заслуженный юрист Республики Ингушетия; e-mail: akgagiev@yandex.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-8528-0813>

Аннотация. В данной статье проведен комплексный анализ федерального и регионального законодательства, регулирующего институт наблюдения на выборах и референдумах. Исследование выявило противоречия и пробелы в законодательных актах, определяющих порядок назначения, полномочия и правовой статус наблюдателя. Особое внимание уделено проблемам практической реализации их прав и гарантий независимости. Автор предлагает рассматривать этот институт не только в узком контексте избирательного процесса, но и как составной элемент народовластия и механизм общественного контроля, способствующий легитимации результатов волеизъявления. В ходе исследования установлены системные дефекты действующего правового регулирования, включая коллизию между Федеральным законом № 67-ФЗ и Федеральным законом «Об основах общественного контроля», пробел в законодательстве Республики Ингушетия, связанный с отсутствием требований к минимальной численности инициативной группы как субъекта назначения наблюдателей, а также необоснованный ценз оседлости для наблюдателей на региональных и муниципальных выборах. Обоснована необходимость восстановления права групп избирателей на самостоятельное назначение наблюдателей, ранее предусмотренного утратившим силу Федеральным законом № 138-ФЗ. Автором критически оценивается сужение круга субъектов народовластия в избирательном процессе и предлагается расширить перечень стадий избирательного процесса, доступных для наблюдения, включив в него выдвижение, регистрацию кандидатов и предвыборную агитацию. На основе проведенного анализа сформулированы конкретные предложения по совершенствованию законодательной базы для повышения эффективности института наблюдения и укрепления доверия к избирательной системе в целом. Результаты исследования могут быть использованы в законотворческой деятельности, правоприменительной практике избирательных комиссий и учебном процессе по курсу конституционного и избирательного права.

Ключевые слова: референдум, свободные выборы, наблюдатель, общественный контроль, легитимность, избирательный процесс, правовой статус, избирательное законодательство, народовластие.

САЙЛАУДАҒЫ БАҚЫЛАУ ХАЛЫҚ БИЛІГІНІҢ ТІКЕЛЕЙ КӨРІНІСІ РЕТІНДЕ**А.К. Гагиев***

«Ингуш мемлекеттік университеті»

*e-mail: akgagiev@yandex.ru

А.К. Гагиев – «Ингуш мемлекеттік университеті» ФГБОУ заң факультетінің деканы, заң ғылымдарының кандидаты, доцент; Ингушетия Республикасының Еңбек сіңірген заңгері; e-mail: akgagiev@yandex.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-8528-0813>

Аңдатпа. Бұл мақалада сайлау мен референдумдағы бақылау институтын реттейтін федералды және аймақтық заңнамаға кешенді талдау жасалды. Зерттеу бақылаушының тағайындалу тәртібін, өкілеттігін және құқықтық мәртебесін анықтайтын заңнамалық актілердегі қайшылықтар мен олқылықтарды анықтады. Олардың құқықтары мен тәуелсіздік кепілдіктерін іс жүзінде іске асыру проблемаларына ерекше назар аударылды. Автор бұл институтты сайлау процесінің тар контекстінде ғана емес, сонымен бірге халық билігінің құрамдас бөлігі және ерік-жігердің нәтижелерін заңдастыруға ықпал ететін қоғамдық бақылау механизмі ретінде қарастыруды ұсынады. Зерттеу барысында қолданыстағы құқықтық реттеудің жүйелік ақаулары, соның ішінде № 67-ФЗ Федералдық заңы мен «Қоғамдық бақылау негіздері туралы» Федералдық заң арасындағы қақтығыс, Ингушетия Республикасының заңнамасындағы алшақтық, бақылаушыларды тағайындау субъектісі ретінде бастамашыл топтың ең аз санына қойылатын талаптардың болмауына байланысты, сондай-ақ аймақтық және муниципалдық бақылаушылар үшін отырықшы цензураның негізсіз болуы анықталды сайлауда. Бұрын күші жойылған № 138-ФЗ Федералды заңында көзделген сайлаушылар топтарының бақылаушыларды тәуелсіз тағайындау құқығын қалпына келтіру қажеттілігі негізделген. Автор сайлау процесінде халықтану субъектілерінің шеңберін тарылтуды сыни тұрғыдан бағалайды және кандидаттарды ұсыну, тіркеу және сайлау алдындағы үгітті қоса алғанда, байқауға болатын сайлау процесінің кезеңдерінің тізбесін кеңейтуді ұсынады. Талдау негізінде бақылау институтының тиімділігін арттыру және тұтастай сайлау жүйесіне деген сенімді нығайту үшін заңнамалық базаны жетілдіру бойынша нақты ұсыныстар тұжырымдалған. Зерттеу нәтижелері заң шығару қызметінде, сайлау комиссияларының құқық қолдану тәжірибесінде және конституциялық және сайлау құқығы курсы бойынша оқу процесінде қолданылуы мүмкін.

Түйін сөздер: референдум, еркін сайлау, бақылаушы, қоғамдық бақылау, заңдылық, сайлау процесі, құқықтық мәртебе, сайлау заңнамасы, халық билігі.

ELECTION OBSERVATION AS A DIRECT EXPRESSION OF THE PEOPLE'S POWER

A.K. Gagiev*

Ingush State University

*e-mail: akgagiev@yandex.ru

A.K. Gagiev – Dean of the Faculty of Law, Ingush State University, Candidate of Law, Associate Professor; Honored Lawyer of the Republic of Ingushetia; e-mail: akgagiev@yandex.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-8528-0813>

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of federal and regional legislation governing the institution of election and referendum observation. The study reveals contradictions and gaps in the legislative acts that define the procedure for appointing, the powers and legal status of an observer. Special attention is paid to the problems of practical implementation of their rights and guarantees of independence. The author suggests considering this institution not only in the narrow context of the electoral process, but also as an integral element of democracy and a mechanism of public control, contributing to the legitimization of the results of the vote. The study identified systemic defects in the current legal regulation, including a conflict between Federal Law No. 67-FZ and Federal Law "On the Fundamentals of Public Control," a gap in the legislation of the Republic of Ingushetia related to the lack of requirements for the minimum size of an initiative group as a subject for appointing observers, and an unjustified residency requirement for observers in regional and municipal elections. The study also substantiated the need to restore the right of voter groups to independently appoint observers, which was previously provided for in the now-defunct Federal Law No. 138-FZ. The author critically evaluates the narrowing of the circle of subjects of popular rule in the electoral process and proposes to expand the list of stages of the electoral process that are available for observation, including the nomination, registration of candidates, and election campaigning. Based

on the analysis, specific proposals have been formulated to improve the legislative framework in order to enhance the effectiveness of the observation institution and strengthen confidence in the electoral system as a whole. The results of the study can be used in legislative activities, the law enforcement practice of election commissions, and the educational process in the course of constitutional and electoral law.

Keywords: referendum, free elections, observer, public control, legitimacy, electoral process, legal status, electoral legislation, democracy.

Введение. Объектом настоящего исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе организации и проведения выборов и референдумов в Российской Федерации. Предметом исследования является институт наблюдения на выборах как форма непосредственного народовластия, включая его правовое регулирование, субъектный состав, полномочия наблюдателей и существующие законодательные коллизии в правовой системе России.

Согласно ст. 3 Конституции Российской Федерации (Конституция РФ, 2020: ст. 3), референдум и свободные выборы позиционируются в качестве высшей формы непосредственного выражения власти многонационального российского народа, что закладывает фундаментальную основу для понимания природы суверенитета в государстве. Развивая данный основополагающий принцип конституционного строя, ст. 32 Основного закона (Конституция РФ, 2020: ст. 3) закрепляет право граждан участвовать в управлении делами государства как непосредственно, путем прямого волеизъявления, так и через избранных ими представителей.

Целью настоящего исследования является переосмысление института наблюдения на выборах, обоснование его правовой природы как неотъемлемого составного элемента непосредственного народовластия, а также выявление коллизий и пробелов в федеральном и региональном законодательстве с последующей выработкой предложений по их устранению.

Актуальность темы обусловлена тремя аспектами. Во-первых, теоретическим: традиционная дихотомия прямой и представительной демократии не в полной мере отражает сложную природу избирательного процесса, оставляя вне классификации институт наблюдения. Во-вторых, практическим: легитимность формируемых органов власти напрямую зависит от прозрачности выборов, а институт наблюдения выступает ключевым верификационным механизмом. В-третьих, правотворческим: наличие коллизий между Федеральным законом № 67-ФЗ и Федеральным законом «Об основах общественного контроля», а также пробелов в региональном законодательстве требует научного анализа.

Научная новизна работы заключается в предложении квалифицировать наблюдение на выборах как форму непосредственного осуществления власти народом (ст. 3 Конституции РФ), а также в выявлении скрытых коллизий в правовом регулировании статуса субъектов общественного контроля при назначении наблюдателей и уникальной региональной специфики (на примере Республики Ингушетия), где инициативная группа как субъект назначения наблюдателей не имеет минимальной количественной определенности.

Обзор литературы по исследуемой проблеме показывает, что правовой статус субъектов наблюдения стал предметом научного анализа в работах правоведов, в частности Н.В. Гришина (Гришин, Линдерс, 2023), А.А. Плотникова (Плотников, 2020), В.И. Федорова (Федоров, 2024), Г.О. Вяткиной (Вяткина, 2023).

Однако их внимание было преимущественно сосредоточено на анализе роли наблюдателя в избирательном процессе как процессуальной гарантии. Исследований, рассматривающих наблюдение как непосредственный элемент конституционной модели народовластия, до настоящего времени не проводилось. Нерешенным на законодательном уровне остается вопрос о признании за группами избирателей права самостоятельного назначения наблюдателей, а также о необходимости устранения ценза оседлости для наблюдателей на региональных и муниципальных выборах.

В современной науке предпринимаются попытки осмыслить наблюдение с новых

позиций. Так, В.И. Федоров (Федоров, 2024) предлагает рассматривать общественное наблюдение как «новый механизм политического участия, построенный на базе сетевой структуры организации общества», обеспечивающий двустороннюю коммуникацию между государством и гражданами. Однако данный сетевой подход, при всей своей эвристической ценности, не квалифицирует наблюдение как форму непосредственного народовластия.

В свою очередь, Н.В. Гришин и А.М.Р. Линдерс выделяют три исторические формы международного наблюдения (легитимационная, демократизационная, постконфликтная), констатируя кризис института в 21-ом веке, но также не включают его в парадигму прямой демократии (Гришин, Линдерс, 2023). Таким образом, доктринальный пробел сохраняется.

Материалы и методы. Исследование проводилось в три этапа: на первом этапе осуществлён анализ нормативных правовых актов федерального и регионального уровня; на втором - выявлены коллизии и пробелы в правовом регулировании; на третьем - сформулированы предложения по совершенствованию законодательства. Материалом исследования послужили: Конституция РФ, 3 федеральных законов, 5 научных источников, также региональное законодательство.

Автором проанализированы законодательное регулирование и практика назначения наблюдателей. Подвергнута проверке гипотеза о квалификации наблюдения как формы непосредственного народовластия (ст. 3 Конституции РФ). Эмпирическую базу исследования составили разъяснения Центральной избирательной комиссии РФ, а также данные официальной статистики о количестве наблюдателей, участвовавших в избирательных кампаниях 2021–2024 годов. Применение методов анализа, синтеза, сравнения, аналогии, обобщения, абдукции, формально-юридического и системного толкования, правового моделирования позволило выявить коллизии в федеральном законодательстве, пробелы в законодательстве Республики Ингушетия и обосновать авторские предложения по их устранению.

Обсуждение. Выборы как комплексный институт представляют собой синтетическое правовое явление, в котором органично переплетаются элементы как представительной, так и прямой демократии: в части процедуры голосования как акта непосредственного волеизъявления они имеют природу прямого народовластия, в части формирования органов - служат основой для демократии представительной. Институт наблюдения, будучи формой непосредственного участия граждан в избирательном процессе, в полной мере относится к сфере прямой демократии, обеспечивая легитимность и достоверность отражения народной воли. Включение института наблюдения в научную парадигму непосредственного народовластия позволяет более полно раскрыть механизм реализации народного суверенитета.

В данном контексте уместно обратиться к теоретическому наследию Г. Еллинека, различавшего статическое и динамическое народное представительство: наблюдение, с этой точки зрения, относится к динамическим формам, поскольку предполагает активное процессуальное поведение граждан, а не пассивное ожидание результатов выборов (Филиппова, 2009).

Право российских граждан на участие в выборах подробно регламентировано в п. 28 ст. 2 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – ФЗ № 67) (Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, ст. 2). В той же статье применительно к статусу наблюдателя уточняется, что его полномочия заключаются только в наблюдении за процессом голосования, но не за другими избирательными процедурами. Очевидно, что в данном случае имеет место существенное сужение гражданского контроля. Представляется, что в сферу контроля должно входить не только голосование, но и более ранние этапы: выдвижение и регистрация кандидатов, а также предвыборная агитация.

Наблюдение на выборах представляет собой элемент непосредственного выражения власти народа. Отсутствие такой формы гражданского контроля чревато искажением результатов волеизъявления и дискредитацией института свободных выборов. Поскольку на

референдуме и выборах принимаются важнейшие решения, каждый гражданин заинтересован в независимом и объективном наблюдении. При этом следует подчеркнуть, что легитимность публичной власти напрямую зависит от доверия граждан к избирательным процедурам, а институт наблюдения выступает одним из ключевых механизмов формирования и поддержания такого доверия. Очевидно, что присутствие независимых наблюдателей является важным условием честных выборов, что формирует общественный запрос на расширение данного института.

Правовой статус наблюдателя предполагает наличие гражданства РФ, совершеннолетия и дееспособности. Закон устанавливает развернутый перечень лиц, которые не могут выступать в качестве наблюдателей (депутаты, выборные должностные лица, судьи, прокуроры, лица, признанные иностранными агентами, и др.). Это призвано обеспечить независимость и объективность контроля. Вместе с тем, закрытый перечень ограничений не гарантирует реальной независимости наблюдателя, если отсутствуют механизмы защиты от давления со стороны организаторов выборов. Представляется, что таким механизмом могла бы стать административная ответственность за воспрепятствование законной деятельности наблюдателя с более строгими санкциями, чем предусмотренные действующей статьей 5.6 КоАП РФ (КоАП РФ, ст. 5.6).

Однако, как справедливо отмечает А.А. Плотников, в действующем законодательстве «в качестве субъектов назначения наблюдателей уже не обозначены группы избирателей, не представляющие интересы участвующих в данной избирательной кампании кандидатов и списков кандидатов». При этом ранее, согласно утратившему силу Федеральному закону № 138-ФЗ, уведомление о направлении наблюдателя могло быть подписано не менее чем пятью избирателями, что, по оценке А.А. Плотникова, «имело неоспоримый демократический потенциал» (Плотников, 2020). Следовательно, мы наблюдаем сужение круга субъектов народовластия в избирательном процессе. Данная тенденция представляется особенно показательной в контексте конституционного провозглашения многонационального народа как единственного источника власти: исключение групп избирателей из числа субъектов назначения наблюдателей объективно снижает возможности для реализации народного суверенитета на уровне непосредственного волеизъявления.

Проведенный анализ норм федеральных законов о выборах Президента и депутатов Государственной Думы РФ показал, что ими не предусмотрено направление наблюдателей от иных общественных объединений. Более того, в избирательном законодательстве наблюдаются коллизии. Согласно п. 4 ст. 30 ФЗ № 67, общественные палаты вправе назначать наблюдателей на выборах (Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, ст. 30).

Однако п. 3 ст. 2 Федерального закона от 21 июля 2014 г. №212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (Об основах общественного контроля в Российской Федерации, ст. 2) определяет, что его действие не распространяется на общественные отношения, регулируемые законодательством о выборах и референдумах. Возникает вопрос: почему субъекты общественного контроля могут назначить наблюдателей на выборах, но не могут их направить для наблюдения за голосованием во время референдума? Представляется, что данная коллизия является следствием недостаточной координации между разработчиками двух федеральных законов и отсутствия единой концептуальной основы для регулирования общественного контроля в избирательной сфере. Для её устранения возможны два пути: либо исключение выборов из сферы действия ФЗ № 212 с одновременным внесением всех норм о наблюдении в ФЗ № 67, либо, напротив, прямое включение избирательных отношений в предмет регулирования ФЗ № 212 с соответствующим изменением его статьи 2.

Анализ положений ФЗ № 67 Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации и Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» выявил дифференцированный подход к субъектам назначения наблюдателей на выборах и референдумах. При проведении референдума Республики Ингушетия назначение

наблюдателей осуществляется инициативной группой или общественными объединениями (О референдуме Республики Ингушетия, 2013: ст. 5).

Особого внимания заслуживает норма указанного республиканского закона, согласно которой в случае, если инициатором референдума выступает общественное объединение, функции инициативной группы выполняет руководящий орган такого объединения. Законодатель не устанавливает требований к численности этого руководящего органа, т.е. соответствующее общественное объединение приобретает статус инициативной группы вне зависимости от количественной характеристики. Это отступление от общего подхода порождает правовую неопределенность.

С точки зрения теории права, отсутствие количественного критерия применительно к субъекту, наделяемому властными полномочиями по назначению наблюдателей, создает риск злоупотреблений и ставит под сомнение репрезентативность такого назначения. Представляется обоснованным предложить Народному Собранию Республики Ингушетия устранить данный пробел путем установления минимальной численности инициативной группы (руководящего органа общественного объединения) - например, не менее 10 человек, что корреспондирует общим подходам, закрепленным в иных избирательных законах.

Закон предписывает, что наблюдение на выборах в органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления может осуществлять только гражданин, обладающий активным избирательным правом именно на этих выборах (ценз оседлости). На наш взгляд, это необоснованное ограничение прав граждан по признаку места жительства, не согласующееся с принципом равенства всех перед законом и судом.

Цель обеспечения осведомленности наблюдателя о местной проблематике едва ли может оправдать полное исключение возможности наблюдения для граждан, не зарегистрированных по месту жительства на соответствующей территории. Альтернативой могло бы стать установление требования о предварительном ознакомлении наблюдателя с законодательством соответствующего субъекта РФ, что не связано с цензом оседлости. Кроме того, в современных условиях развития информационных технологий и цифровизации избирательного процесса информированность о местных проблемах перестала быть исключительной привилегией жителей соответствующей территории.

Проблема усугубляется тем, что, по данным Г.О. Вяткиной, федеральный законодатель передал вопрос о праве общественных объединений назначать наблюдателей на уровень субъектов РФ, «что привело к тому, что регионы начали отменять институт общественных наблюдателей». Как показывает анализ, лишь одна треть субъектов Российской Федерации предусматривает такое право на муниципальных выборах (Вяткина, 2023). Это создаёт неравенство прав граждан в зависимости от места жительства, что противоречит не только принципу равенства, но и самой идее народовластия.

В данной связи уместно поставить вопрос о необходимости возврата к единому федеральному стандарту в части права общественных объединений назначать наблюдателей на муниципальных выборах, что позволит преодолеть существующую региональную асимметрию и гарантировать гражданам равные возможности для осуществления наблюдения независимо от места проживания.

О заинтересованности граждан в участии в наблюдении свидетельствуют данные ЦИК России: на выборах депутатов Государственной Думы VIII созыва было направлено 413616 наблюдателей (Данные ЦИК России, 2026).

Столь же высокая активность граждан проявилась и на последующих выборах. Как указывает В.И. Федоров, на выборах Президента России в марте 2024 года на всех избирательных участках внутри страны было задействовано около 200 тысяч общественных наблюдателей, а в 2023 году - более 100 тысяч. Это подтверждает, что наблюдение является реально востребованной формой участия граждан в управлении делами государства, а не формальной процедурой (Федоров, 2024).

Эмпирические данные ВЦИОМ позволяют проследить эволюцию общественного восприятия института наблюдения и легитимности выборов в динамике. Согласно опросу,

проведённому в августе 2016 года, 43% респондентов полагали, что присутствие независимых наблюдателей на избирательных участках делает выборы более честными, тогда как 34% считали, что оно никак не влияет на результаты голосования, а 8% - что делает выборы менее честными (ВЦИОМ, 2016). При этом мотивация потенциальных наблюдателей носила двойственный характер: 30% опрошенных связывали участие с заработком, и только 19% - с достижением справедливости и честных выборов (ВЦИОМ, 2016). Готовность к личному участию в наблюдении также имела ограниченный характер: безусловно готовы были взять на себя обязанности наблюдателя 18% респондентов, тогда как доля категорически не готовых составляла 70% (ВЦИОМ, 2016).

Данные ВЦИОМ, полученные 17 сентября 2025 года, свидетельствуют о позитивной динамике в восприятии избирательных процедур. Согласно исследованию, 58% россиян заявили, что официальным результатам прошедших выборов можно доверять: 36% опрошенных полагают, что они полностью отражают волеизъявление избирателей, а 22% признают лишь незначительные нарушения, не повлиявшие на итоги голосования (ВЦИОМ, 2025). При этом уровень доверия коррелирует с электоральной активностью: среди тех, кто регулярно участвует в выборах, доля считающих выборы легитимными возрастает до 68% (ВЦИОМ, 2025). В контексте доступности избирательных процедур две трети граждан (68%) осведомлены о механизме «Мобильный избиратель», позволяющем голосовать по месту фактического нахождения. Кроме того, 66% респондентов положительно относятся к практике многодневного голосования, что на 5 процентных пунктов выше, чем годом ранее (ВЦИОМ, 2025).

Сопоставление приведенных выше данных позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на рост общего уровня доверия к выборам и признания их легитимности, институт наблюдения продолжает восприниматься обществом неоднозначно. С одной стороны, граждане осознают его важность для обеспечения честности избирательных процедур. С другой стороны, готовность к личному участию остаётся ограниченной, а мотивация часто связывается с материальным стимулированием. Это подтверждает, что совершенствование организационных форм голосования (многодневное голосование, «Мобильный избиратель») способствует повышению уровня доверия к выборам, однако не отменяет необходимости независимого наблюдения как ключевого верификационного механизма. Именно институт наблюдения призван обеспечить тот уровень прозрачности, который превращает формальное доверие к процедурам в обоснованное доверие к их результатам.

Приведенные данные свидетельствуют о наличии устойчивого общественного запроса на расширение форм непосредственного участия граждан в избирательном процессе, что должно учитываться при совершенствовании законодательства.

Представляется необходимым предоставить гражданам право осуществлять наблюдение на выборах по собственной инициативе (лично или группой избирателей). Ведь граждане России имеют право выдвигать свою кандидатуру на выборах Президента РФ в порядке самовыдвижения, но лишены права стать наблюдателем в таком же порядке. Данное противоречие трудно объяснить с точки зрения логики законодателя: если гражданин обладает достаточной степенью ответственности и правосознания, чтобы претендовать на высший государственный пост, то он тем более не может быть лишен права на осуществление наблюдения как менее ответственной и не связанной с принятием публично-властных решений деятельности. Более того, самовыдвижение кандидата предполагает сбор подписей избирателей, тогда как для назначения наблюдателя группой избирателей законодательство сегодня не предусматривает вообще никакой процедуры, что представляется неоправданным пробелом.

Кроме того, ст. 14 Конвенции о стандартах демократических выборов государств - участников СНГ от 7 октября 2002 г. (ратифицирована РФ) предусматривает право группы избирателей назначать наблюдателей (Конвенция СНГ, 2002: ст. 14). Данное международно-правовое обязательство Российской Федерации до настоящего времени не имплементировано в полном объеме в национальное законодательство. Пункт 4 ст. 15 Конституции РФ

закрепляет приоритет международных договоров Российской Федерации над национальным законодательством, однако отсутствие прямой отсылки в ФЗ № 67-ФЗ к указанному положению Конвенции создает препятствия для его непосредственного применения в правоприменительной практике. Выходом из сложившейся ситуации могло бы стать внесение изменений в ст. 30 ФЗ № 67-ФЗ, прямо закрепляющих право группы избирателей (например, в составе не менее 10 человек) на назначение наблюдателей на всех выборах и референдумах, проводимых на территории Российской Федерации.

Развивая изложенные аргументы, следует также обратить внимание на зарубежный опыт регулирования института наблюдения. В ряде стран постсоветского пространства (Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова) законодательство предусматривает более широкие возможности для назначения наблюдателей от общественных объединений и инициативных групп граждан. Представляется, что сравнительно-правовое исследование данных моделей могло бы стать перспективным направлением для дальнейших научных изысканий, а отдельные элементы этих моделей - быть реципированы в российское законодательство с учетом национальной специфики и сложившихся избирательных традиций.

Результаты. В ходе проведенного исследования получены следующие основные результаты.

Установлено наличие коллизии между п. 4 ст. 30 Федерального закона № 67-ФЗ, согласно которому общественные палаты вправе назначать наблюдателей на выборах (Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, 2002: ст. 30), и п. 3 ст. 2 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», исключающего отношения, регулируемые законодательством о выборах и референдумах, из сферы его действия (Об основах общественного контроля в Российской Федерации, 20014: ст. 2). Данная коллизия порождает правовую неопределённость относительно того, могут ли субъекты общественного контроля осуществлять наблюдение за голосованием на референдуме.

Также выявлен дифференцированный подход федерального законодателя к кругу субъектов, уполномоченных назначать наблюдателей при проведении выборов и референдумов. Наиболее отчётливо указанная дифференциация прослеживается на примере Республики Ингушетия. При проведении референдума в данном субъекте Федерации назначение наблюдателей допускается инициативной группой либо общественным объединением, причём в случае выступления общественного объединения в роли инициатора референдума его руководящий орган выполняет функции инициативной группы. При этом законодатель не устанавливает каких-либо требований к минимальной численности указанного руководящего органа, вследствие чего общественное объединение приобретает соответствующий статус вне зависимости от своей количественной характеристики, что обоснованно квалифицируется как правовая неопределённость, создающая риски неравенства субъектов избирательного процесса (О референдуме Республики Ингушетия, 2013: ст. 5).

Выявлено, что действующее законодательство закрепляет ценз оседлости для наблюдателей на региональных и муниципальных выборах, то есть, право на наблюдение предоставляется только гражданину, обладающему активным избирательным правом именно на данных выборах, то есть фактически проживающему на соответствующей территории. Данное требование представляет собой ограничение прав граждан по признаку места жительства, не согласующееся с конституционным принципом равенства всех перед законом и судом.

Зафиксировано сужение круга субъектов назначения наблюдателей по сравнению с ранее действовавшим правовым регулированием. Утративший силу Федеральный закон № 138-ФЗ предусматривал возможность направления наблюдателя при подписании уведомления не менее чем пятью избирателями. Как справедливо отмечает А.А. Плотников, указанное положение имело «неоспоримый демократический потенциал» (Плотников, 2020). В действующем Федеральном законе № 67-ФЗ группы избирателей в качестве самостоятельных субъектов назначения наблюдателей уже не обозначены. Данный результат согласуется с

выводом А.А. Плотникова об утрате «неоспоримого демократического потенциала», однако дополняет его указанием на отсутствие механизма восстановления права групп избирателей в действующем законодательстве.

Подтверждены данные о существенной региональной дифференциации в регулировании института наблюдения. Согласно анализу Г.О. Вяткиной, лишь одна треть субъектов Российской Федерации предусматривает право общественных объединений назначать наблюдателей на муниципальных выборах; в остальных регионах институт общественных наблюдателей фактически отменён (Вяткина, 2023). Это создаёт неравенство прав граждан в зависимости от места жительства.

Эмпирически установлена высокая востребованность института наблюдения. По данным ЦИК России, на выборах депутатов Государственной Думы VIII созыва было направлено 413616 наблюдателей; на выборах Президента России в марте 2024 года задействовано около 200 тысяч общественных наблюдателей, в 2023 году – более 100 тысяч (Федоров, 2024). Приведённые данные опровергают представления о формальном характере института и свидетельствуют о его реальной востребованности как формы участия граждан в управлении делами государства.

Наконец, выявлено ограничение предметных границ наблюдения. В соответствии с п. 28 ст. 2 Федерального закона № 67-ФЗ полномочия наблюдателя распространяются только на процесс голосования и не охватывают такие значимые стадии избирательного процесса, как выдвижение кандидатов, их регистрация и предвыборная агитация (Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, 2002: ст. 2). Указанное ограничение существенно сужает возможности гражданского контроля за ходом избирательной кампании.

В совокупности полученные результаты свидетельствуют о наличии в действующем правовом регулировании института наблюдения на выборах системных недостатков: коллизий, пробелов, необоснованных ограничений, препятствующих полноценной реализации конституционного принципа непосредственного народовластия.

Заключение. Подводя итог настоящему исследованию, необходимо в первую очередь констатировать, что наблюдение на выборах должно быть переосмыслено в доктрине конституционного права России: данный институт представляет собой не просто процессуальную гарантию избирательного процесса, а в первую очередь элемент непосредственного народовластия, органично встраивающийся в систему форм прямого волеизъявления граждан, предусмотренных ст. 3 и 32 Конституции Российской Федерации (Конституция РФ, 2020: ст. 3, 32). Такое доктринальное признание требует соответствующей рефлексии в науке и последующей нормативной конкретизации.

В ходе исследования установлено, что действующее законодательство Российской Федерации содержит ряд системных недостатков в регулировании института наблюдения на выборах. К их числу относятся: коллизия между Федеральным законом № 67-ФЗ и Федеральным законом «Об основах общественного контроля» в части определения правового статуса субъектов общественного контроля при назначении наблюдателей (Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, 2002: ст. 30; «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», 2014: ст. 2); правовая неопределённость, связанная с отсутствием требований к минимальной численности инициативной группы (руководящего органа общественного объединения) в законодательстве Республики Ингушетия при проведении референдума (О референдуме Республики Ингушетия, 2013: ст. 5); необоснованный ценз оседлости для наблюдателей на региональных и муниципальных выборах, ограничивающий права граждан по признаку места жительства; сужение круга субъектов назначения наблюдателей по сравнению с ранее действовавшим регулированием (группы избирателей утратили право самостоятельного направления наблюдателей) (Плотников, 2020); а также ограничение предметных границ наблюдения исключительно процедурой голосования без охвата стадий выдвижения, регистрации кандидатов и предвыборной агитации (Об основных гарантиях

избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, 2002: ст. 2).

Кроме того, выявлена значительная региональная асимметрия: лишь одна треть субъектов Российской Федерации предусматривает право общественных объединений назначать наблюдателей на муниципальных выборах, что создаёт неравенство прав граждан в зависимости от места жительства (Вяткина, 2018).

Важно подчеркнуть, что обозначенная проблематика не является сугубо внутрироссийской. Как показывают исследования Н.В. Гришина и А.М.Р. Линдерс, в современном мире наблюдение за выборами всё чаще подменяется «теневым рынком наблюдения», где авторитарные режимы научились фальсифицировать само наблюдение, приглашая малоизвестные группы, которые дадут положительную оценку фальсифицированным выборам (Гришин, Линдерс, 2024). Именно поэтому предлагаемая в настоящей работе концепция наблюдения как непосредственного выражения власти народа, а не как декоративной процедуры, приобретает не только теоретическое, но и практическое значение для сохранения легитимности выборов как в России, так и в международном контексте.

Результаты проведённого исследования позволяют сформулировать следующие предложения. Во-первых, представляется целесообразным предложить к рассмотрению и дальнейшему научному исследованию в рамках доктрины конституционного права Российской Федерации концепцию наблюдения на выборах в качестве элемента непосредственного осуществления власти народом. Во-вторых, рекомендуется инициировать реформу избирательного законодательства Российской Федерации, направленную на создание комплексного механизма обеспечения права граждан на осуществление наблюдения, включающую: закрепление за группой избирателей права назначения наблюдателей на всех выборах и референдумах в соответствии с Конвенцией СНГ (Конвенция СНГ, 2002: ст. 14); устранение ценза оседлости как ограничения для наблюдателей на региональных и муниципальных выборах; расширение перечня стадий избирательного процесса, на которых возможно присутствие наблюдателей (выдвижение, регистрация кандидатов, агитация); устранение коллизии между ФЗ № 67 и ФЗ «Об основах общественного контроля»; а также установление минимальной количественной определённости инициативной группы в законодательстве Республики Ингушетия. Областью применения полученных результатов выступают законотворческая деятельность на федеральном и региональном уровнях, правоприменительная практика избирательных комиссий и учебный процесс по курсу конституционного и избирательного права.

Литература

- ВЦИОМ, 2016 — Наблюдатели на выборах — эффективны или бесполезны? [Электрон. ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nablyudateli-na-vyborakh-effektivny-ili-bespolezny> (дата обращения: 16.06.2026). [Russ.]
- ВЦИОМ, 2025 — Выборы — 2025: легитимность, доступность, участие. [Электрон. ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-2025-legitimnost-dostupnost-uchastie> (дата обращения: 16.06.2026). [Russ.]
- Вяткина, 2018 — Вяткина Г.О. Независимое общественное наблюдение как залог честных выборов // Право: история и современность. 2018. № 3. [Электрон. ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezavisimoe-obschestvennoe-nablyudenie-kak-zalog-chestnyh-vyborov> (дата обращения: 14.05.2026). [Russ.]
- Данные ЦИК России, 2021 — Интервью Председателя ЦИК России Памфиловой Э.А. информационному агентству «Интерфакс» от 15.09.2021. [Электрон. ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru> (дата обращения: 13.05.2026). [Russ.]
- КоАП РФ, 2001 — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (ред. от 10.06.2026). [Электрон. ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». [Russ.]
- Конвенция СНГ, 2002 — Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках Содружества Независимых Государств (заключена в г. Кишиневе 07.10.2002) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 26. Ст. 2620. [Russ.]
- О референдуме Республики Ингушетия, 1997 — Конституционный закон Республики Ингушетия от 31.03.1997 № 3-РКЗ «О референдуме Республики Ингушетия». [Электрон. ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». [Russ.]
- Конституция РФ, 1993 — Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электрон. ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». [Russ.]
- Гришин, Линдерс, 2024 — Гришин Н.В., Линдерс А.-М. История международного наблюдения за выборами // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. [Электрон. ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-mezhdunarodnogo-nablyudeniya-za-vyborami> (дата обращения: 14.05.2026). [Russ.]

Плотников, 2020 — Плотников А.А. Общественное наблюдение на выборах как институт демократической избирательной системы // *Право и государство: теория и практика*. 2020. № 4 (184). [Электрон. ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennoe-nablyudenie-na-vyborah-kak-institut-demokraticeskoy-izbiratelnoy-sistemy> (дата обращения: 14.05.2026). [Russ.]

Об основах общественного контроля в Российской Федерации, 2014 — Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». [Электрон. ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». [Russ.]

Об основных гарантиях избирательных прав, 2002 — Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». [Электрон. ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». [Russ.]

О референдуме Российской Федерации, 2004 — Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» (ред. от 30.12.2021). [Электрон. ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». [Russ.]

Федоров, 2024 — Федоров В.И. Общественное наблюдение за выборами в России как сеть коммуникации государства и общества // *Власть*. 2024. № 3. [Электрон. ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennoe-nablyudenie-za-vyborami-v-rossii-kak-set-kommunikatsii-gosudarstva-i-obschestva> (дата обращения: 14.05.2026). [Russ.]

Филиппова, 2009 — Филиппова Н.А. Публичное представительство интересов как республиканский принцип: теория гражданского участия в осуществлении государственной власти Г. Еллинека // *Антиномии*. 2009. № 9. [Электрон. ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnoe-predstavitelstvo-interesov-kak-respublikanskiy-printsip-teoriya-grazhdanskogo-uchastiya-v-osushchestvlenii> (дата обращения: 17.06.2026). [Russ.]

References

VCIOM, 2016 — Nablyudateli na vyborah – effektivny ili bespolezny? [Elektron. resurs]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nablyudateli-na-vyborah-effektivny-ili-bespolezny> (data obrashcheniya: 16.06.2026). [Russ.]

VCIOM, 2025 — Vyборы – 2025: legitimnost', dostupnost', uchastie. [Elektron. resurs]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-2025-legitimnost-dostupnost-uchastie> (data obrashcheniya: 16.06.2026). [Russ.]

Vyatkina, 2018 — Vyatkina G.O. Nezavisimoe obshchestvennoe nablyudenie kak zalog chestnykh vyborov // *Pravo: istoriya i sovremennost'*. 2018. № 3. [Elektron. resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezavisimoe-obschestvennoe-nablyudenie-kak-zalog-chestnykh-vyborov> (data obrashcheniya: 14.05.2026). [Russ.]

Dannye CIK Rossii, 2021 — Interv'yu Predsedatelya CIK Rossii Pamiłovoj E.A. informacionnomu agentstvu «Interfaks» ot 15.09.2021. [Elektron. resurs]. URL: <https://www.interfax.ru> (data obrashcheniya: 13.05.2026). [Russ.]

KoAP RF, 2001 — Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnykh pravonarusheniyah ot 30 dekabrya 2001 goda № 195-FZ (red. ot 10.06.2026). [Elektron. resurs]. SPS «Konsul'tantPlyus». [Russ.]

Konvenciya SNG, 2002 — Konvenciya o standartah demokraticeskikh vyborov, izbiratel'nykh prav i svobod v gosudarstvah – uchastnikah Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv (zaklyuchena v g. Kishineve 07.10.2002) // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2004. № 26. St. 2620. [Russ.]

O referendume Respubliki Ingushetiya, 1997 — Konstitucionnyj zakon Respubliki Ingushetiya ot 31.03.1997 № 3-RKZ «O referendume Respubliki Ingushetiya». [Elektron. resurs]. SPS «Konsul'tantPlyus». [Russ.]

Konstituciya RF, 1993 — Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993; s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020). [Elektron. resurs]. SPS «Konsul'tantPlyus». [Russ.]

Grishin, Linders, 2024 — Grishin N.V., Linders A.-M. Istoriya mezhdunarodnogo nablyudeniya za vyborami // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2024. № 87. [Elektron. resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-mezhdunarodnogo-nablyudeniya-za-vyborami> (data obrashcheniya: 14.05.2026). [Russ.]

Plotnikov, 2020 — Plotnikov A.A. Obshchestvennoe nablyudenie na vyborah kak institut demokraticeskoy izbiratel'noj sistemy // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2020. № 4 (184). [Elektron. resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennoe-nablyudenie-na-vyborah-kak-institut-demokraticeskoy-izbiratelnoy-sistemy> (data obrashcheniya: 14.05.2026). [Russ.]

Ob osnovah obshchestvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii, 2014 — Federal'nyj zakon ot 21.07.2014 № 212-FZ «Ob osnovah obshchestvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii». [Elektron. resurs]. SPS «Konsul'tantPlyus». [Russ.]

Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav, 2002 — Federal'nyj zakon ot 12.06.2002 № 67-FZ «Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossijskoj Federacii». [Elektron. resurs]. SPS «Konsul'tantPlyus». [Russ.]

O referendume Rossijskoj Federacii, 2004 — Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 28.06.2004 № 5-FKZ «O referendume Rossijskoj Federacii» (red. ot 30.12.2021). [Elektron. resurs]. SPS «Konsul'tantPlyus». [Russ.]

Fedorov, 2024 — Fedorov V.I. Obshchestvennoe nablyudenie za vyborami v Rossii kak set' kommunikacii gosudarstva i obshchestva // *Vlast'*. 2024. № 3. [Elektron. resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennoe-nablyudenie-za-vyborami-v-rossii-kak-set-kommunikatsii-gosudarstva-i-obschestva> (data obrashcheniya: 14.05.2026). [Russ.]

Filippova, 2009 — Filippova N.A. Publichnoe predstavitel'stvo interesov kak respublikanskiy princip: teoriya grazhdanskogo uchastiya v osushchestvlenii gosudarstvennoj vlasti G. Ellineka // *Antinomii*. 2009. № 9. [Elektron. resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnoe-predstavitelstvo-interesov-kak-respublikanskiy-printsip-teoriya-grazhdanskogo-uchastiya-v-osushchestvlenii> (data obrashcheniya: 17.06.2026). [Russ.]

МРНТИ 10.07.01

DOI: <https://doi.org/10.62687/VLJ.2.2.2026.54>

ЭВОЛЮЦИЯ РОЛИ ПРЕАМБУЛЫ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В ПРАКТИКЕ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

И.И. Рогов*

Комиссия по правам человека при Президенте РК

*e-mail: Bakhagumi@mail.ru

И.И. Рогов — доктор юридических наук, профессор, экс-председатель Комиссии по правам человека при Президенте Республики Казахстан, Заслуженный деятель Республики Казахстан; экс-Председатель Конституционного Совета РК; г. Астана, Республика Казахстан; e-mail: Bakhagumi@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-7371-3714>

Аннотация. Преамбула Конституции Республики Казахстан закрепляет идеи народного суверенитета, гражданского мира и общественного согласия, приверженность идеалам свободы, равенства и согласия, а также стремление к построению демократического, светского, правового и социального государства.

Цель настоящей работы состоит в исследовании роли Преамбулы Конституции Республики Казахстан в практике первого Конституционного Суда Республики Казахстан (1992-1995 гг.), Конституционного Совета Республики Казахстан (1995-2022 гг.) и действующего Конституционного Суда Республики Казахстан, а также в проведении сравнительно-правового анализа с практикой Конституционного Совета Французской Республики и подходами Венецианской комиссии Совета Европы.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что значение Преамбулы Конституции Республики Казахстан в деятельности органов конституционного контроля последовательно возрастает и приобретает все более выраженное доктринальное и практическое содержание.

Таким образом, Преамбула Конституции Республики Казахстан выполняет важную функцию обеспечения ценностного, идейного и смыслового единства всей конституционной системы. Она служит ориентиром для толкования конституционных норм, способствует укреплению конституционной идентичности государства и оказывает влияние на развитие современной правовой доктрины.

В перспективе можно ожидать дальнейшего расширения роли Преамбулы в практике конституционного правосудия, особенно в связи с усилением ценностного подхода в новой 2026 года Конституции Казахстана, а, следовательно, и укреплением правозащитной направленности конституционного контроля и развитием ценностно-ориентированного подхода к толкованию Конституции (Конституция, 2026).

Ключевые слова: Преамбула, Конституция, Конституционный Совет, Конституционный Суд, постановления.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ КОНСТИТУЦИЯСЫ КІРІСПЕСІНІҢ КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ БАҚЫЛАУ ОРГАНДАРЫНЫҢ ПРАКТИКАСЫНДАҒЫ РӨЛІНІҢ ЭВОЛЮЦИЯСЫ: САЛЫСТЫРМАЛЫ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАЛДАУ

И.И. Рогов*

ҚР Президентінің жанындағы Адам құқықтары жөніндегі комиссия

*e-mail: Bakhagumi@mail.ru

И.И. Рогов — заң ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Адам құқықтары жөніндегі комиссияның бұрынғы төрағасы, Қазақстан Республикасының еңбек сіңірген қайраткері; Қазақстан Республикасы

Конституциялық Кеңесінің бұрынғы Төрағасы; Астана, Қазақстан Республикасы; e-mail: Bakhagumi@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-7371-3714>

Аңдатпа. Қазақстан Республикасы Конституциясының кіріспесі халықтық егемендік, азаматтық бейбітшілік және қоғамдық келісім идеяларын, бостандық, теңдік және келісім идеяларына берілгендікті, сондай-ақ демократиялық, зайырлы, құқықтық және әлеуметтік мемлекет құруға ұмтылысты бекітеді.

Бұл жұмыстың мақсаты Қазақстан Республикасы Бірінші Конституциялық Сотының (1992-1995 жж.), Қазақстан Республикасы Конституциялық Кеңесінің (1995-2022 жж.) және Қазақстан Республикасы қолданыстағы Конституциялық Сотының практикасындағы Қазақстан Республикасы Конституциясы кіріспесінің рөлін зерттеу, сондай-ақ Франция Республикасы Конституциялық Кеңесінің практикасымен және Еуропа Кеңесі Венециялық Комиссиясының тәсілдерімен салыстырмалы-құқықтық талдау жүргізу болып табылады.

Жүргізілген зерттеу Қазақстан Республикасы Конституциясы кіріспесінің конституциялық бақылау органдарының қызметіндегі маңызы дәйекті түрде артып, барған сайын айқын доктриналық және практикалық мазмұнға ие болып отырғанын атап өтуге мүмкіндік береді.

Осылайша, Қазақстан Республикасы Конституциясының кіріспесі бүкіл конституциялық жүйенің құндылық, идеялық және семантикалық бірлігін қамтамасыз етудің маңызды функциясын орындайды. Ол конституциялық нормаларды түсіндіру үшін бағдар ретінде қызмет етеді, мемлекеттің конституциялық бірегейлігін нығайтуға ықпал етеді және қазіргі құқықтық доктринаның дамуына әсер етеді.

Келешекте Конституциялық Сот төрелігі практикасындағы кіріспенің рөлін одан әрі кеңейтуді, әсіресе Қазақстан Конституциясының жаңа 2026 жылғы құндылық тәсілін күшейтуге, демек, конституциялық бақылаудың құқық қорғау бағытын нығайтуға және конституцияны түсіндіруге құндылыққа бағдарланған көзқарасты дамытуға байланысты күтуге болады (Конституция, 2026).

Түйін сөздер: Кіріспе, Конституция, Конституциялық Кеңес, конституциялық сот, қаулылар.

EVOLUTION OF THE ROLE OF THE PREAMBLE TO THE CONSTITUTION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN IN THE PRACTICE OF CONSTITUTIONAL CONTROL BODIES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

I.I. Rogov*

Human Rights Commission under the President of the RK

*e-mail: Bakhagumi@mail.ru

I.I. Rogov – Doctor of Law, Professor, former Chairman of the Human Rights Commission under the President of the Republic of Kazakhstan, Honored Figure of the Republic of Kazakhstan; former Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan; Astana, Republic of Kazakhstan; e-mail: Bakhagumi@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-7371-3714>

Annotation. The preamble to the Constitution of the Republic of Kazakhstan enshrines the ideas of national sovereignty, civil peace and social harmony, commitment to the ideals of freedom, equality and harmony, as well as the desire to build a democratic, secular, legal and social state.

The purpose of this work is to study the role of the Preamble to the Constitution of the Republic of Kazakhstan in the practice of the first Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan (1992-1995), the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan (1995-2022) and the current Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan, as well as to conduct a comparative legal analysis with the practice of the Constitutional Council of the French Republic and the approaches of the Venice Commission of the Council of Europe.

The conducted research allows us to state that the importance of the Preamble to the Constitution of the Republic of Kazakhstan in the activities of constitutional control bodies is

consistently increasing and acquiring more and more pronounced doctrinal and practical content.

Thus, the Preamble to the Constitution of the Republic of Kazakhstan performs an important function of ensuring the value, ideological and semantic unity of the entire constitutional system. It serves as a guideline for the interpretation of constitutional norms, helps to strengthen the constitutional identity of the state and influences the development of modern legal doctrine.

In the future, we can expect a further expansion of the role of the Preamble in the practice of constitutional justice, especially in connection with the strengthening of the value approach in the new Constitution of Kazakhstan in 2026, and consequently, the strengthening of the human rights focus of constitutional control and the development of a value-based approach to the interpretation of the Constitution (Constitution, 2026).

Keywords: Preamble, Constitution, Constitutional Council, Constitutional Court, resolutions.

Введение. Поводом к настоящему исследованию послужила информация французского эксперта Стефани Паважо, представленная в ходе юридического диалога, состоявшегося 10 апреля 2026 года в Институте «Сорбонна-Казахстан» и филиале Университета Лотарингии при Казахском национальном педагогическом университете имени Абая. В своем выступлении эксперт, в частности, обратила внимание на значение Преамбулы Конституции Французской Республики в деятельности Конституционного совета Франции.

Представленная информация вызвала интерес в контексте изучения аналогичных процессов в казахстанской правовой системе и послужила основанием для анализа роли Преамбулы Конституции Республики Казахстан в практике органов конституционного контроля.

Несмотря на сравнительно небольшой объем текста, Преамбула Конституции и равных ей законодательных актов традиционно рассматривается как концентрированное выражение конституционных (основополагающих) ценностей, целей и исторических оснований государственности. Именно в ней находят отражение фундаментальные представления о природе государства, его предназначении и приоритетах общественного развития.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили Конституция Республики Казахстан, нормативные постановления Конституционного Совета и решения Конституционного Суда Республики Казахстан, а также акты органов конституционного контроля зарубежных государств и научная литература по вопросам конституционного права. В исследовании использованы формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой и системный методы. С их помощью проанализированы правовая природа преамбулы Конституции, особенности ее применения в практике органов конституционного контроля Казахстана и зарубежных стран, а также тенденции развития соответствующих правовых подходов.

Результаты и их обсуждение. Преамбула Конституции Республики Казахстан закрепляет идеи народного суверенитета, гражданского мира и общественного согласия, приверженность идеалам свободы, равенства и согласия, а также стремление к построению демократического, светского, правового и социального государства.

Вместе с тем в конституционно-правовой науке и судебной практике продолжает сохраняться дискуссия относительно юридической природы преамбулы и степени ее влияния на процесс конституционного толкования.

Особую актуальность данный вопрос приобретает в условиях учреждения и развития института конституционного контроля, эволюции конституционного правосудия и постепенного усиления ценностного подхода к толкованию Конституции.

Цель настоящей работы состоит в исследовании роли Преамбулы Конституции Республики Казахстан в практике первого Конституционного Суда Республики Казахстан (1992-1995 гг.), Конституционного Совета Республики Казахстан (1995-2022 гг.) и действующего Конституционного Суда Республики Казахстан, а также в проведении сравнительно-правового анализа с практикой Конституционного совета Французской Республики и подходами Венецианской комиссии Совета Европы.

В теории конституционного права традиционно выделяются три основных подхода к определению юридической природы преамбулы.

Нормативный подход

Сторонники данного подхода рассматривают преамбулу как полноценную составную часть конституции, обладающую юридической силой наравне с другими конституционными положениями. Соответственно, положения преамбулы могут использоваться в качестве самостоятельного основания при разрешении конституционно-правовых споров.

Наиболее ярким примером такого подхода является практика Конституционного совета Франции после принятия решения от 16 июля 1971 года по делу «О свободе ассоциаций» (Décision, 1971).

Декларативный подход

Согласно данной позиции преамбула имеет преимущественно политическое, идеологическое и историческое значение и не обладает самостоятельным нормативным содержанием. В рамках такого подхода преамбула рассматривается прежде всего, как политико-правовая декларация, не создающая непосредственно юридических последствий.

Интерпретационный подход

Третий подход занимает промежуточное положение между двумя предыдущими. Согласно данной концепции преамбула не выступает самостоятельным источником права, однако играет важную роль при толковании конституционных положений, раскрытии смысла конституционных принципов и выявлении целей конституционного регулирования.

Именно этот подход традиционно преобладал как в казахстанской конституционно-правовой доктрине, так и в практике органов конституционного контроля Республики Казахстан.

Практика первого Конституционного Суда Республики Казахстан (1992-1995 гг.)

Анализ постановлений первого Конституционного Суда Республики Казахстан позволяет сделать вывод о преобладании в рассматриваемый период формально-нормативного подхода к толкованию Конституции.

Основное внимание уделялось буквальному содержанию конституционных норм и проверке соответствия нормативных правовых актов положениям Конституции Республики Казахстан 1993 года. При этом ссылки на Преамбулу Конституции в постановлениях Конституционного Суда фактически отсутствуют.

Характерным примером может служить постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 6 марта 1995 года по делу о проверке конституционности отдельных положений избирательного законодательства (известное дело по иску журналистки Татьяны Квятковской).

Разрешая данный спор, Суд исходил прежде всего из принципа верховенства Конституции и необходимости строгого соблюдения ее норм, не обращаясь к положениям преамбулы и не используя содержащиеся в ней ценностные ориентиры в качестве аргументов конституционно-правового характера.

Подобный подход свидетельствует о том, что на первоначальном этапе становления конституционного контроля в Казахстане Преамбула не рассматривалась как значимый элемент конституционной аргументации и практически не участвовала в процессе конституционного толкования. Исключением можно считать постановление о признании неконституционным акт парламента (Верховного Совета), утвердивший минимальный размер потребительской корзины. Конституционный Суд заявил, что указанный размер потребительской корзины не обеспечивает право человека на жизнь.

Практика Конституционного Совета Республики Казахстан (1995-2022 гг.)

В отличие от предыдущего этапа, Конституционный Совет формирует более развитую интерпретационную практику.

Ссылки на преамбулу, хотя и редко, но они встречаются.

Так, в нормативном постановлении от 28 октября 1996 г. № 6/2 Конституционный Совет исходил из необходимости системного толкования Конституции, как единого нормативного

правового акта (Нормативное постановление, 1996).

В нормативном постановлении от 21 декабря 2001 г. № 18/2 четко закреплено: «Провозглашенные в преамбуле ценности определяют содержание и направленность конституционных норм» (Нормативное постановление, 2001).

Иными словами, Преамбула Конституции Казахстана выполняла: интерпретационную и ценностно-ориентирующую функции, но не выступала самостоятельным основанием выносимых Конституционным Советом нормативных постановлений.

Практика Конституционного Суда Республики Казахстан (2023-2026 гг.)

Современная практика Конституционного Суда Республики Казахстан демонстрирует устойчивый переход к ценностно-ориентированному толкованию Конституции, при котором усиливается роль фундаментальных принципов и прав человека.

Постановления Конституционного Суда 2023 года.

Нормативное постановление от 21 апреля 2023 г. № 11 (по делу о проверке нормы Закона «О средствах массовой информации»). Суд прямо указывает на приоритет прав и свобод человека как основы правовой системы: «Права и свободы человека... признаются абсолютными и неотчуждаемыми и определяют содержание и применение законов». Дополнительно Суд подчеркивает: «Конституция закрепляет права и свободы человека... а также возможность их ограничения законом».

Мы видим, что хотя преамбула прямо не цитируется, именно она закрепляет приоритет прав и свобод как фундаментальную ценность, на которую опирается Суд.

Постановления Конституционного Суда 2024 года.

Нормативное постановление от 11 июля 2024 г. № 48-НП (по вопросам уголовного законодательства). В рамках данного дела Суд фактически применяет принцип соразмерности и защиты прав личности при оценке уголовно-правовых норм. Ключевой смысл (обобщенная позиция Суда):

ограничения прав допустимы только при их конституционной обоснованности и необходимости.

Нормативное постановление от 27 декабря 2024 г. № 59-НП (по вопросам уголовно-исполнительного законодательства).

Здесь Суд вновь исходит из необходимости системного анализа Конституции и действующего права, рассматривая нормы через призму их соответствия конституционным гарантиям прав человека. Иными словами, формируется подход, при котором нормы отраслевого законодательства оцениваются через конституционные ценности, то есть усиливается телеологическое толкование.

Постановления Конституционного Суда 2025 года Нормативное постановление от 7 февраля 2025 г. № 66-НП (по вопросам конституционности законодательства).

Суд продолжает линию на системное толкование Конституции и приоритет прав человека.

Нормативное постановление от 23 апреля 2025 г. № 71-НП (официальное толкование положений Конституции о гражданстве).

Суд рассматривает вопросы реализации конституционных прав (в частности, политических прав граждан) и подчеркивает необходимость их толкования в единстве с Конституцией.

При этом толкование осуществляется не изолированно, а в контексте всей конституционной системы.

Нормативное постановление от 25 июня 2025 г. № 72-НП (по уголовному законодательству). В этом постановлении Суд анализирует соответствие уголовно-правовых норм:

- праву на судебную защиту;
- гарантиям собственности;
- пределам ограничения прав.

Однозначно, это прямо связано с конституционными ценностями, закрепленными в том

числе и в преамбуле.

Дополнительное значение имеет Послание Конституционного Суда от 18 июня 2024 г. № ПКС-2, где указано:

«Обеспечение конституционной законности... является неперенным условием... защиты прав и свобод человека» (Послание, 2024).

А также Послание от 26 июня 2025 г. № ПКС-3, фиксирующее развитие конституционной законности (Послание, 2025).

Постановления Конституционного Суда 2026 года

Особый интерес представляет нормативное постановление Конституционного Суда от 18 мая 2026 года № 79-НП по делу о проверке конституционности отдельных положений Социального кодекса Республики Казахстан. В данном решении Суд специально подчеркнул, что Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы. Развивая данную конституционную установку, Суд отметил, что социальный характер государства выражается в обязанности создавать условия, обеспечивающие достойную жизнь и надлежащую социальную защиту каждого гражданина, включая лиц нетрудоспособного возраста. Особого внимания заслуживает указание Конституционного Суда на то, что права и свободы человека являются основополагающими при разработке и принятии законов и иных нормативных правовых актов. Тем самым Суд фактически рассматривает конституционные ценности не только как объект правовой охраны, но и как критерий оценки деятельности законодателя.

Нормативное постановление Конституционного Суда от 18 мая 2026 года № 80-НП по вопросам административной ответственности. В данном решении Суд вновь обращается к фундаментальным конституционным ценностям, связанным с обеспечением прав и свобод человека. Особое значение имеет сформулированная Судом правовая позиция о необходимости соблюдения разумного баланса общественных, государственных и частных интересов при ограничении права на личную свободу. Тем самым Конституционный Суд фактически использует категорию баланса интересов как самостоятельный критерий оценки конституционности правового регулирования.

В нормативном постановлении от 10 июня 2026 года № 85-НП Суд продолжил развитие данного подхода. Рассматривая вопросы, связанные с уголовным судопроизводством, Конституционный Суд вновь обратился к положениям статьи 1 Конституции о высшей ценности человека, его жизни, прав и свобод. При этом Суд подчеркнул, что обеспечение права на личную свободу и права на судебную защиту предполагает наличие эффективных государственных гарантий на всех стадиях уголовного процесса (Нормативные постановления, 2023–2026).

Тем самым права человека рассматриваются не только как декларативные конституционные положения, но и как реальные ориентиры для организации правосудия.

Разумеется, все рассмотренные категории прямо не указаны в тексте Преамбулы Конституции. Однако они логически вытекают из закрепленных в ней представлений о правовом государстве, свободе, общественном согласии и уважении прав человека (Конституция, 1995).

В совокупности анализ постановлений Конституционного Суда 2023-2026 гг. позволяет сделать вывод о дальнейшем укреплении ценностного подхода к толкованию Конституции. Хотя Преамбула по-прежнему не выступает самостоятельным нормативным основанием принимаемых решений, закрепленные в ней идеи и ценности все более заметно влияют на аргументацию Конституционного Суда и содержание формируемых им правовых позиций.

Аксиологическое измерение современного конституционного правосудия в Казахстане

Проведенный анализ позволяет говорить о формировании в современной практике Конституционного Суда Республики Казахстан нового этапа развития конституционного правосудия.

Его особенностью является постепенное смещение акцента от

формально-догматического толкования отдельных конституционных норм к аксиологическому восприятию Конституции как системы взаимосвязанных ценностей и принципов. При рассмотрении дел Конституционный Суд все чаще оперирует категориями справедливости, правовой определенности, соразмерности, социального государства, баланса публичных и частных интересов, прав человека и верховенства права. Указанные категории выступают уже не только объектом толкования, но и самостоятельными элементами конституционно-правовой аргументации.

В этой связи особое значение приобретает Преамбула Конституции Республики Казахстан. Не являясь непосредственным нормативным основанием постановлений Конституционного Суда, она постепенно приобретает значение своеобразного аксиологического фундамента конституционного правосудия. Через закрепленные в ней цели, идеалы и ценности обеспечивается смысловое единство конституционного текста, а также формируется общая направленность конституционно-правовой интерпретации.

Таким образом, можно констатировать постепенный переход от преимущественно нормативного восприятия Конституции к более широкому ценностному пониманию ее содержания.

Сравнительно-правовой анализ практики Конституционного совета Франции

Существенно иной подход к вопросу о юридической природе преамбулы демонстрирует французская конституционная модель.

На протяжении длительного времени Преамбула Конституции Франции 1958 года воспринималась главным образом как политико-правовая декларация. Однако ситуация принципиально изменилась после исторического решения Конституционного совета Франции от 16 июля 1971 года по делу «О свободе ассоциаций» (*Liberté d'association*). Именно в данном решении Конституционный совет признал юридическую силу Преамбулы Конституции и включенных в нее документов, прежде всего Декларации прав человека и гражданина 1789 года.

В результате была сформирована концепция так называемого «блока конституционности» (*bloc de constitutionnalité*), в состав которого вошли нормы и принципы, содержащиеся в Преамбуле Конституции и иных конституционно значимых актах. С этого момента положения Преамбулы стали использоваться в качестве самостоятельного основания для проверки конституционности законов.

Таким образом, во французской правовой системе Преамбула фактически приобрела самостоятельную нормативную силу и стала полноценным источником конституционного права. Именно данное обстоятельство отличает французскую модель от современной казахстанской практики.

Подходы Венецианской комиссии Совета Европы к роли преамбулы в конституциях современных государств (Venice Commission, n.d.).

Дополнительный интерес для исследования представляет анализ подходов Венецианской комиссии Совета Европы к вопросу о юридической природе и значении преамбулы конституции. В документах Комиссии, посвященных оценке проектов конституций и конституционных реформ различных государств, прослеживается достаточно последовательная позиция относительно места преамбулы в системе конституционного регулирования.

Венецианская комиссия исходит из того, что преамбула не всегда обладает прямой нормативной силой и не во всех государствах может служить самостоятельным основанием для принятия судебных решений.

Вместе с тем преамбула рассматривается как важнейший источник конституционных ценностей, целей и принципов, определяющих конституционную идентичность государства.

В ряде заключений Комиссии подчеркивается, что преамбула играет существенную роль при разрешении вопросов конституционного толкования, особенно в случаях наличия правовой неопределенности либо необходимости выявления целей и смысла конституционного регулирования.

В этой связи обычно выделяются три основные функции преамбулы.

Ценностная функция

Преамбула фиксирует фундаментальные ценности государства и общества, отражает исторические основания конституционного строя и формирует представление о конституционной идентичности страны.

Интерпретационная функция

Преамбула используется при системном и телеологическом толковании конституционных положений. Она помогает определить смысл конституционных принципов, выявить цели конституционного регулирования и обеспечить согласованное толкование различных положений Конституции.

Потенциальная нормативная функция

Практика отдельных государств свидетельствует о возможности постепенной нормативизации преамбулы через деятельность органов конституционного контроля. Наиболее известным примером, как уже отмечалось, является Франция. В определенной степени схожие процессы прослеживаются также в практике конституционных судов Германии, Италии и ряда других европейских государств.

Подходы Венецианской комиссии представляют особый интерес для Республики Казахстан, поскольку они позволяют рассматривать преамбулу не только как политико-правовую декларацию, но и как важный инструмент развития конституционного правосудия.

Соотнесение европейских подходов с казахстанской моделью конституционного правосудия

Сравнение казахстанской практики с подходами Конституционного Совета Франции и Венецианской комиссии позволяет сделать несколько наблюдений.

Во-первых, казахстанская модель не восприняла французский подход к признанию преамбулы самостоятельным источником конституционного права. Ни Конституционный Совет Республики Казахстан, ни Конституционный Суд Республики Казахстан не рассматривают Преамбулу как самостоятельное нормативное основание для признания нормативных правовых актов неконституционными.

Во-вторых, современная казахстанская практика демонстрирует все более активное использование закрепленных в Преамбуле ценностей при формировании правовых позиций органов конституционного контроля.

В-третьих, анализ практики Конституционного Суда Республики Казахстан в последние годы показывает постепенное усиление роли аксиологического подхода, что во многом соответствует современным европейским тенденциям развития конституционного правосудия.

Поэтому можно утверждать, что современная казахстанская модель занимает промежуточное положение между классическим интерпретационным подходом и моделью частичной нормативизации преамбулы через судебную практику.

Заключение. Проведенное исследование позволяет констатировать, что значение Преамбулы Конституции Республики Казахстан в деятельности органов конституционного контроля последовательно возрастает и приобретает все более выраженное доктринальное и практическое содержание.

На первоначальном этапе функционирования Конституционного Суда Республики Казахстан (1992–1995 гг.) обращения к положениям Преамбулы практически не встречались, что свидетельствовало о преобладании формально-нормативного подхода к толкованию Конституции. В период деятельности Конституционного Совета Республики Казахстан (1995–2022 гг.) была сформирована устойчивая практика использования Преамбулы в качестве источника конституционных ценностей, принципов и целей, лежащих в основе конституционного регулирования. При этом Преамбула стала рассматриваться как важный элемент системного толкования норм Основного Закона.

С образованием Конституционного Суда Республики Казахстан данный подход получил дальнейшее развитие. В современной практике все более заметную роль играют

аксиологические и телеологические методы конституционного толкования, позволяющие раскрывать содержание конституционных норм через закрепленные в Преамбуле ценности, идеалы и ориентиры государственного развития (Ударцев, 2015).

Сравнительный анализ показывает, что казахстанская модель отличается от французской правовой традиции, в рамках которой положения Преамбулы обладают самостоятельной нормативной силой и могут служить непосредственным основанием для признания нормативных актов неконституционными. В Республике Казахстан Преамбула по-прежнему используется преимущественно как интерпретационный инструмент. Однако практика Конституционного Совета и Конституционного Суда демонстрирует устойчивую тенденцию к усилению ее значения при обосновании конституционно-правовых позиций и раскрытии содержания конституционных принципов.

Особенно отчетливо данная тенденция проявляется в решениях Конституционного Суда последних лет, где такие категории, как права и свободы человека, социальное государство, правовая определенность, справедливость, соразмерность, пропорциональность и верховенство права, выступают ключевыми элементами правовой аргументации. Это позволяет говорить о формировании в Казахстане устойчивой аксиологической доктрины конституционного правосудия, основанной на признании фундаментального значения конституционных ценностей.

Таким образом, Преамбула Конституции Республики Казахстан выполняет важную функцию обеспечения ценностного, идейного и смыслового единства всей конституционной системы. Она служит ориентиром для толкования конституционных норм, способствует укреплению конституционной идентичности государства и оказывает влияние на развитие современной правовой доктрины.

В перспективе можно ожидать дальнейшего расширения роли Преамбулы в практике конституционного правосудия, особенно в связи с усилением ценностного подхода в новой 2026 года Конституции Казахстана, а, следовательно, и укреплением правозащитной направленности конституционного контроля и развитием ценностно-ориентированного подхода к толкованию Конституции (Конституция, 2026).

В связи с этим представляется целесообразным продолжить научный мониторинг и анализ решений Конституционного Суда Республики Казахстан для более глубокого изучения влияния Преамбулы на эволюцию национальной модели конституционного правосудия и развитие конституционного права в целом.

Литература

- Конституция, 1995 — Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года (с изменениями и дополнениями). [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> : 21.06.2026). [Russ.]
- Конституция, 2026 — Конституция Республики Казахстан от 15 марта 2026 года. [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000> (дата обращения: 21.06.2026). [Russ.]
- Ударцев, 2015 — Ударцев С.Ф. Конституция и эволюция общества. — Алматы, 2015. — С. 112–113. [Russ.]
- Нормативное постановление, 2001 — Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 21 декабря 2001 года № 18/2 «Об официальном толковании пункта 1 статьи 1 Конституции Республики Казахстан». [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S010000018> : 21.06.2026). [Russ.]
- Нормативное постановление, 1996 — Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 28 октября 1996 года № 6/2. [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S960000062> : 21.06.2026). [Russ.]
- Нормативные постановления, 2023–2026 — Нормативные постановления Конституционного Суда Республики Казахстан за 2023–2026 годы. [Электрон. ресурс]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/search/docs/dt=2023%7C2024%7C2025%7C2026&kv=1_06st = %24new%7Cupdva = %D0%9D%D0%9F%D0%9E%D0%A1(: 21.06.2026). [Russ.]
- Послание, 2024 — Послание Конституционного Суда Республики Казахстан о состоянии конституционной законности от 18 июня 2024 года № ПКС-2. [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2400000002> (дата обращения: 21.06.2026). [Russ.]
- Послание, 2025 — Послание Конституционного Суда Республики Казахстан о состоянии конституционной законности от 26 июня 2025 года № ПКС-3. [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2500000003> (дата обращения: 21.06.2026). [Russ.]
- Décision, 1971 — Décision n° 71-44 DC du 16 juillet 1971, Liberté d'association, Conseil constitutionnel de la République française. [Fr.]
- Venice Commission, n.d. — European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). Opinions and studies concerning constitutional identity, constitutional interpretation and constitutional justice. [Eng.]

References

- Konstituciya, 1995 — Konstituciya Respubliki Kazahstan ot 30 avgusta 1995 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami). [Elektron. resurs].

URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000>(*dataobrashcheniya* : 21.06.2026). [Russ.]

Konstituciya, 2026 — Konstituciya Respubliki Kazahstan ot 15 marta 2026 goda. [Elektron. resurs]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000> (data obrashcheniya: 21.06.2026). [Russ.]

Udarcev, 2015 — Udarcev S.F. Konstituciya i evolyuciya obshchestva. — Almaty, 2015. — S. 112–113. [Russ.]

Normativnoe postanovlenie, 2001 — Normativnoe postanovlenie Konstitucionnogo Soveta Respubliki Kazahstan ot 21 dekabrya 2001 goda № 18/2 «Ob oficial'nom tolkovanii punkta 1 stat'i 1 Konstitucii Respubliki Kazahstan». [Elektron. resurs]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S010000018>(*dataobrashcheniya* : 21.06.2026). [Russ.]

Normativnoe postanovlenie, 1996 — Normativnoe postanovlenie Konstitucionnogo Soveta Respubliki Kazahstan ot 28 oktyabrya 1996 goda № 6/2. [Elektron. resurs]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S96000062>(*dataobrashcheniya* : 21.06.2026). [Russ.]

Normativnye postanovleniya, 2023–2026 — Normativnye postanovleniya Konstitucionnogo Suda Respubliki Kazahstan za 2023–2026 gody. [Elektron. resurs]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/search/docs/dt=2023%7C2024%7C2025%7C2026kv=1106st=%24new%7Cupdva=%D0%9D%D0%9F%D0%9E%D0%A1>(*dataobrashcheniya* : 21.06.2026). [Russ.]

Poslanie, 2024 — Poslanie Konstitucionnogo Suda Respubliki Kazahstan o sostoyanii konstitucionnoj zakonnosti ot 18 iyunya 2024 goda № PKS-2. [Elektron. resurs]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2400000002>(data obrashcheniya: 21.06.2026). [Russ.]

Poslanie, 2025 — Poslanie Konstitucionnogo Suda Respubliki Kazahstan o sostoyanii konstitucionnoj zakonnosti ot 26 iyunya 2025 goda № PKS-3. [Elektron. resurs]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2500000003>(data obrashcheniya: 21.06.2026). [Russ.]

Décision, 1971 — Décision n° 71-44 DC du 16 juillet 1971, Liberté d'association, Conseil constitutionnel de la République française. [in French.]

Venice Commission, n.d. — European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). Opinions and studies concerning constitutional identity, constitutional interpretation and constitutional justice. [in Eng.]

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

А.К. Кусаинова*

Международный университет Астана

*e-mail: aiman_kusainova@aiu.edu.kz

А.К. Кусаинова – Международный университет Астана, проспект Кабанбай батыра 8, город Астана, Республика Казахстан, к.ю.н., доцент, профессор Высшей школы права; e-mail: aiman_kusainova@aiu.edu.kz; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2464-9619>

Аннотация. Внедрение искусственного интеллекта, развитие цифровых технологий, системный анализ больших данных приводят к актуализации вопросов защиты персональных данных, а также к совершенствованию правового регулирования отношений в данной сфере. В рамках настоящего исследования проведен анализ проблемных вопросов применения законодательства о защите персональных данных и его соответствия требованиям международного права.

Основной целью настоящего исследования является установление противоречий и пробелов, препятствующих реализации конституционных прав граждан и неприкосновенности их частной жизни, а также формирование предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере. Для достижения поставленных целей сформированы следующие задачи:

- проведение сравнительного анализа отечественной и зарубежной практики;
- исследование регулирования автоматизированной обработки данных, использования биометрии и трансграничной транспортировки персональных данных.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что действующее законодательство не в полной мере обеспечивает защиту прав граждан и не отвечает вызовам современных цифровых технологий. Выявлено отсутствие механизмов оценки воздействия защиты персональных данных, не регламентированы вопросы обработки биометрических и поведенческих данных. Все это связано с наличием отсылочных норм, которые не обеспечены механизмами их реализации, а также пробелами действующего законодательства в данной сфере.

В заключение сделан вывод о том, что для совершенствования системы защиты персональных данных необходимо сформировать комплексную риск-ориентированную модель правового регулирования в сфере защиты персональных данных. Ключевым направлением предлагается внедрение процедуры DPIA, установление правил трансграничной передачи данных, а также усиление институциональной роли уполномоченного государственного органа в области защиты персональных данных.

Ключевые слова: персональные данные, Республика Казахстан, искусственный интеллект, законодательство, трансграничная передача данных, оценка воздействия на защиту данных (DPIA), биометрия.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ДЕРБЕС ДЕРЕКТЕРДІ ҚОРҒАУ САЛАСЫНДАҒЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ МӘСЕЛЕЛЕРІ ЖӘНЕ ЗАҢНАМАНЫ ЖЕТІЛДІРУДІҢ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ

А.Қ. Құсайынова*

Астана халықаралық университеті

*e-mail: aiman_kusainova@aiu.edu.kz

А.Қ. Құсайынова – Астана халықаралық университеті, Қабанбай батыр даңғылы, 8, Астана қаласы, Қазақстан Республикасы, заң ғылымдарының кандидаты, доцент, Құқық жоғарғы мектебінің профессоры; e-mail: aiman_kusainova@aiu.edu.kz; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2464-9619>

Андатпа. Жасанды интеллектті енгізу, цифрлық технологиялардың дамуы және үлкен деректерді жүйелі талдау дербес деректерді қорғау мәселелерінің өзектілігін арттырып, осы саладағы қоғамдық қатынастарды құқықтық реттеуді жетілдіру қажеттілігін туындатып отыр. Осы зерттеу аясында дербес деректерді қорғау туралы заңнаманы қолданудың проблемалық мәселелері мен оның халықаралық құқық талаптарына сәйкестігіне талдау жүргізілді.

Зерттеудің негізгі мақсаты азаматтардың конституциялық құқықтары мен олардың жеке өміріне қол сұғылмаушылық құқығын толыққанды іске асыруға кедергі келтіретін қайшылықтар мен олқылықтарды анықтау, сондай-ақ осы саладағы заңнаманы жетілдіру жөнінде ұсыныстар әзірлеу болып табылады. Қойылған мақсаттарға қол жеткізу үшін келесі міндеттер айқындалды:

- отандық және шетелдік тәжірибеге салыстырмалы-құқықтық талдау жүргізу;
- деректерді автоматтандырылған өңдеуді, биометриялық деректерді пайдалануды және дербес деректерді трансшекаралық беруді құқықтық реттеу мәселелерін зерттеу.

Жүргізілген зерттеу қолданыстағы заңнаманың азаматтардың құқықтарын қорғауды толық көлемде қамтамасыз етпейтінін және қазіргі заманғы цифрлық технологиялардың сын-қатерлеріне толық жауап бермейтінін көрсетті. Атап айтқанда, дербес деректерді қорғауға әсерді бағалау тетіктерінің (DPIA) жоқтығы, биометриялық және мінез-құлықтық деректерді өңдеу мәселелерінің жеткілікті деңгейде реттелмегені анықталды. Бұл жағдайлар оларды іске асыру тетіктерімен қамтамасыз етілмеген сілтемелік нормалардың болуына, сондай-ақ аталған саладағы қолданыстағы заңнамадағы олқылықтарға байланысты.

Зерттеу қорытындысында дербес деректерді қорғау жүйесін жетілдіру үшін тәуекелге бағдарланған кешенді құқықтық реттеу моделін қалыптастыру қажеттігі туралы тұжырым жасалды. Негізгі бағыттар ретінде дербес деректерді қорғауға әсерді бағалау рәсімін (DPIA) енгізу, деректерді трансшекаралық берудің бірыңғай қағидаларын белгілеу, сондай-ақ дербес деректерді қорғау саласындағы уәкілетті мемлекеттік органның институционалдық рөлін күшейту ұсынылады.

Түйін сөздер: дербес деректер, Қазақстан Республикасының заңнамасы, жасанды интеллект, деректерді шекарааралық тасымалдау, деректерді қорғауға әсерді бағалау (DPIA), цифрландыру, биометриялық деректер, құқықтық реттеу.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND PROSPECTS FOR IMPROVING THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN IN THE FIELD OF PERSONAL DATA PROTECTION

A.K. Kussainova*

Astana International University

*e-mail: aiman_kusainova@aiu.edu.kz

A.K. Kussainova – Astana International University, 8 Kabanbay Batyr Avenue, Astana, Republic of Kazakhstan, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,

Professor at the Higher School of Law; e-mail: aiman_kusainova@aiu.edu.kz; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2464-9619>

Abstract. The implementation of artificial intelligence, the advancement of digital technologies, and the systematic analysis of big data have significantly increased the importance of personal data protection and the improvement of legal regulation in this field. This study examines the challenges associated with the application of personal data protection legislation and evaluates its compliance with international legal standards.

The primary objective of this research is to identify legal inconsistencies and gaps that hinder the effective realization of citizens' constitutional rights and the protection of their privacy, as well as to develop proposals for improving the existing legal framework. To achieve this objective, the following tasks were undertaken:

- conducting a comparative analysis of domestic and foreign legal practices;
- examining the regulation of automated data processing, the use of biometric data, and the cross-border transfer of personal data.

The findings indicate that the current legislation does not fully ensure the protection of citizens' rights and fails to adequately address the challenges posed by modern digital technologies. The study revealed the absence of data protection impact assessment mechanisms, as well as insufficient regulation of biometric and behavioral data processing. These shortcomings are largely attributable to the existence of referral provisions that lack effective implementation mechanisms, as well as legislative gaps in this area.

The study concludes that improving the personal data protection framework requires the development of a comprehensive risk-based model of legal regulation. Key recommendations include the introduction of Data Protection Impact Assessment (DPIA) procedures, the establishment of clear rules governing cross-border data transfers, and the strengthening of the institutional role of the authorized state body responsible for personal data protection.

Keywords: personal data, Republic of Kazakhstan, artificial intelligence, legislation, cross-border data transfer, data protection impact assessment (DPIA), biometrics.

Введение. Цифровизация на современном этапе общественного развития приобрела особенно динамичный характер. Внедрение искусственного интеллекта, системный анализ данных стал неотъемлемой частью государственного управления и частной жизни граждан. Персональные данные и вопросы их правового регулирования приобретают особое значение, они превратились не только в инструмент идентификации, но и объектом экономического развития. Как следствие возникают риски вмешательства в частную жизнь граждан и информационной безопасности.

Интерес к теме исследования обусловлен как технологическими изменениями, так и развитием государства по направлению в сфере цифрового развития. В Послании Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» (2025 г.) особое внимание уделено развитию цифровых технологий, внедрению искусственного интеллекта и разработке Цифрового кодекса. Широкомасштабная цифровизация невозможна без чётких механизмов защиты персональных данных граждан и обеспечения информационной безопасности страны. В настоящее время в стране зафиксировано более 43 случаев утечки персональных данных. Это свидетельствует о значимости данного вопроса и наличии рисков, которые подчеркивают необходимость научного исследования данного вопроса.

Правовое регулирование вопросов защиты персональных данных не соответствует современным темпам развития информационных технологий. Закона «О персональных данных и их защите» не отвечает вызовам цифровой безопасности. Изучение практики использования персональных данных и научной литературы свидетельствует о наличии проблем в сфере обработки биометрических данных и трансграничной передачи персональной информации.

Актуальность настоящего исследования заключается в необходимости дальнейшего

совершенствования действующего законодательства с учетом международного опыта и стандартов в области защиты персональных данных. Особое значение приобретают положения Общего регламента Европейского союза по защите данных (GDPR). Формирование эффективных механизмов защиты персональных данных становится важным условием устойчивого развития цифровизации и укрепления доверия граждан в стране.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе сбора, хранения, обработки и передачи персональных данных. Предметом являются правовые нормы и механизмы регулирования в указанной сфере.

Цель исследования заключается в исследовании и анализе существующих проблем правового регулирования в сфере защиты персональных данных и выработке предложений, направленных на совершенствование законодательства в данной области. С учетом поставленной цели поставлены следующие задачи:

- провести анализ действующее законодательство и определить имеющиеся в нём пробелы и недостатки;
- изучить международный опыт и современные стандарты в области защиты персональных данных;
- определить направления гармонизации национального законодательства с международными нормами;
- предложить меры по повышению эффективности правового регулирования и институциональных механизмов защиты персональных данных.

Материалы и методы. При подготовке исследования использовались системный, сравнительно-правовой, формально-юридический и аналитический методы, что позволило всесторонне рассмотреть проблемы правового регулирования в сфере защиты персональных данных и оценить существующие подходы к их решению.

Исследование основывается на предположении о том, что совершенствование национального законодательства с использованием риск-ориентированного подхода и его сближение с международными стандартами способны обеспечить более высокий уровень защиты прав граждан. Кроме того, реализация таких мер будет способствовать укреплению доверия к цифровой среде и повышению эффективности механизмов защиты персональных данных.

Результаты и их обсуждение. В настоящее время цифровизация затрагивает все сферы общественной жизни и государственного управления. В таких условиях особую значимость приобретает защита персональных данных, защита цифровых серверов и доверие к государственным институтам. Правовую основу регулирования отношений в данной сфере составляет Закон от 21 мая 2013 года «О персональных данных и их защите».

За последние годы существенно изменились способы сбора, хранения и использования информации. Активное распространение технологий анализа больших массивов данных, облачных платформ, биометрической идентификации и других цифровых решений поставило перед правовой системой государства новые задачи. В результате отдельные нормы уже не отвечают современным потребностям правового регулирования.

Анализ действующего законодательства и практики его применения показывает, что в сфере защиты персональных данных сохраняется ряд нерешённых вопросов. Одной из наиболее существенных проблем остаётся недостаточная адаптация правового регулирования к новым технологическим рискам, возникающим в условиях цифровой трансформации общества.

В основу действующего законодательства о защите персональных данных положен традиционный подход, который регулирует вопросы обработки информации, сбор, хранение, использование, распространение и уничтожение персональных данных. Такой подход на этапе принятия Закона «О персональных данных и их защите» соответствовал уровню развития цифровизации.

При этом, за последние годы широкомасштабная цифровизации полностью изменила технологию обработки данных. Появились автоматизированные системы анализа информации,

технологии профилирования, алгоритмы прогнозирования и другие цифровые инструменты, способные обрабатывать большой объем информации без участия человека. Наличие подобных технологий полностью меняет представление об обработке и защите персональных данных, предусмотренных в нынешнем Законе «О персональных данных и их защите».

Таким образом, между действующим законодательством и практикой использования современных технологий образовался большой пробел. Действующие механизмы не в полной мере учитывают новые риски, связанные с изменившимися подходами обработки персональных данных.

Отечественные исследователи обращают внимание на недостаточную урегулированность вопросов, связанных с использованием биометрических данных. В частности, действующее законодательство не содержит комплексных требований к идентификации и аутентификации пользователей, а также к созданию, хранению и защите биометрических баз данных. В результате возрастает вероятность несанкционированного доступа к таким данным, их неправомерного использования и утечки.

Сложившаяся ситуация свидетельствует о наличии разрыва между действующим правовым регулированием и фактической практикой обработки персональных данных. Особенно заметно это проявляется в условиях расширяющегося применения цифровых технологий, которые предполагают использование биометрической информации в самых разных сферах общественных отношений.

На необходимость совершенствования законодательства неоднократно указывали как представители научного сообщества, так и профильные эксперты. Так, по мнению Z. T. Iskakova и T. S. Kadyrzhanova, казахстанское законодательство не предусматривает достаточных правовых гарантий в вопросах идентификации и аутентификации физических и юридических лиц, включая регулирование биометрических баз данных. Авторы также выделяют утечки биометрической информации пользователей информационных систем в качестве одной из наиболее серьезных угроз в сфере защиты персональных данных (Iskakova Z. T., Kadyrzhanova T. S., 2022).

Данная проблема получила отражение и в более ранних аналитических исследованиях. В одном из экспертных отчетов, подготовленных в 2020 году, отмечалось, что граждане осознают значимость защиты своих персональных данных и цифрового следа. Вместе с тем авторы указывали на отсутствие четкого понимания того, каким образом действующее законодательство обеспечивает защиту от автоматизированного сбора, анализа и использования информации. Кроме того, внимание было обращено на недостаточную правовую регламентацию цифровых интерфейсов и платформ, в рамках которых сбор данных может осуществляться скрыто и оставаться непрозрачным для пользователей (А. Гусарова, С. Жаксылыков, 2022).

Таким образом, результаты отечественных исследований свидетельствуют о необходимости дальнейшего развития правового регулирования в сфере защиты персональных данных, прежде всего в части использования биометрических технологий и обеспечения.

Проблематика правового регулирования биометрических данных в последние годы перестала быть узкоспециальной темой и всё чаще выходит в центр научной дискуссии. Это во многом связано с тем, что действующее законодательство не успевает за темпами развития цифровых технологий и не даёт исчерпывающих ответов на вопросы, возникающие при использовании биометрической информации. В настоящее время отсутствуют единые требования, определяющие порядок идентификации и аутентификации пользователей, а также правила создания, хранения и защиты биометрических баз данных. На практике это повышает риск несанкционированного доступа к такой информации и её утечки. Биометрия уже давно вышла за пределы экспериментальных решений и активно используется в банковских сервисах, государственных платформах, системах безопасности.

Проблемные вопросы в данной сфере рассматриваются как отечественными, так и зарубежными исследователями.

Так, Z. T. Iskakova и T. S. Kadyrzhanova указывают, что действующее законодательство

не обеспечивает достаточного уровня гарантий в вопросах идентификации и аутентификации, включая регулирование биометрических баз данных. Отдельно подчёркивается, что утечка биометрической информации – это уже не гипотетический риск, а вполне реальная угроза, последствия которой могут затрагивать значительное число пользователей (Iskakova Z. T., Kadyrzhanova T. S., 2022).

Подобные выводы не являются единичными. Проведённый анализ в 2020 году свидетельствуют о том, что граждане в целом осознают ценность своих персональных данных и ответственно относятся к их защите. Между тем, существует правовая неопределённость, в частности насколько действующее законодательство действительно способно защитить пользователя в условиях автоматизированного сбора и обработки информации. Дополнительное беспокойство вызывает и то, что цифровые платформы зачастую работают «в фоновом режиме», и сам процесс сбора данных для пользователя остаётся непрозрачным (А. Гусарова, С. Жаксылыков, 2022).

Обязательный этап оценки воздействия на защиту персональных данных является обязательным в международной практике (Data Protection Impact Assessment — DPIA). Суть данного документа заключается в выявлении потенциальных рисков, выработке мер по их снижению и информирования компетентных органов и общественности. По мнению зарубежных исследователей Human-Rights Impact Assessment – это не формальная процедура. Она представляет собой важную стадию цифровых систем, в рамках которого анализируются риски возможного нарушения прав граждан (Christian Rathgeb, Pawel Drozdowski, 2021).

Для внедрения DPIA в правовую систему Республики Казахстан требуется проведение ряд мероприятий, в том числе нормативного и организационного характера. Необходимо адаптировать законодательные акты и разработать методические рекомендации в данной области, а также совершенствовать работу операторов. Все это является важным и первостепенным при внедрении DPIA.

Обработка биометрических и поведенческих данных без соответствующего правового регулирования создает проблемы их применения. По мнению международных экспертов отсутствие единых стандартов тестирования и обязательных аудитов приведут к смещению и дискриминационным эффектам.

Переход к комплексному риск-ориентированному подходу в области защиты персональных данных для Казахстана является актуальным. Законодательное закрепление базовых понятий, включая профилирование, автоматизированную обработку данных, биометрические и поведенческие данные, в том числе процедура DPIA/HRIA является основой для реализации данного подхода.

Системы искусственного интеллекта, биометрические технологии, как проекты с повышенными рисками, требует введения обязательной оценки воздействия DPIA/HRIA. Он может включать повышенные требования к защите информации, в том числе:

- обязательное шифрование и чёткие сроки хранения;
- запрет на массовую идентификацию в общественных местах без законных оснований;
- проведение регулярного аудита алгоритмов на предмет возможной дискриминации и смещения данных.

Для внедрения данных требований необходимо:

- разработать методические рекомендации по проведению DPIA;
- подготовить квалифицированных специалистов;
- расширить полномочия уполномоченного органа в сфере защиты персональных данных.

Таким образом, проблема заключается не в пробелах законодательства. Скорее речь идёт об отсутствии механизмов, позволяющих заранее оценивать и предотвращать риски, связанные с автоматизированной обработкой данных.

Похожая ситуация наблюдается и в вопросе трансграничной передачи персональных данных. Закон Республики Казахстан «О персональных данных и их защите» в статье 16 допускает такую передачу, если в другой стране обеспечен достаточный уровень защиты. При

этом пункт 5 этой же статьи делает отсылку к Закону «О связи», предполагая, что он должен уточнять порядок передачи служебной информации об абонентах и пользователях связи (Закон, 2004).

Но при обращении к Закону «О связи» (№ 567-ІІ от 05.07.2004 г.) становится видно, что таких уточнений там просто нет. В результате норма вроде бы есть, но по факту она ни на что конкретное не опирается. Получается формальная отсылка без реального содержания, из-за которой правоприменение становится неясным.

В результате возникает ряд проблем:

- отсутствие механизма позволяющего оценить, действительно ли в иностранном государстве обеспечивается надлежащий уровень защиты персональных данных;
- отсутствие утверждённых критериев или перечня стран, с которыми передача данных считается допустимой;
- не выработаны типовые договорные условия или технические меры, которые могли бы использоваться для защиты данных при их трансграничной передаче.

Целостный подход к трансграничной передаче данных отражён и регламентирован в праве Европейского союза (ст. 45–46 GDPR), которое предусматривает процедуры использования стандартных условий и корпоративные правила, что делает регулирование предсказуемым и понятным для всех участников. Полагаем, что в законодательстве Казахстана следует закрепить следующее:

- признания иностранных юрисдикций;
- формирование и регулярное обновление перечня стран, с которыми допускается передача данных;
- внедрение типовых договорных положений по аналогии со стандартными контрактными клаузулами ЕС;
- компенсирующие организационные и технические меры при трансграничной передаче данных.

Отдельного решения требует и существующая коллизия между Законом «О персональных данных и их защите» и Законом «О связи». Либо соответствующие положения должны быть наполнены конкретным содержанием, либо полномочия в этой части следует сосредоточить в рамках одного уполномоченного органа по защите персональных данных.

Заключение. Современная цифровая среда ставит перед Казахстаном задачу пересмотра подходов к регулированию персональных данных. Фрагментарные и в значительной степени декларативные нормы уже не отвечают текущим технологическим реалиям. На первый план выходит необходимость формирования целостной модели защиты данных – более гибкой, основанной на оценке рисков и ориентированной на реальные практики обработки информации.

Обновление законодательства предполагает сразу несколько направлений. Прежде всего, требуется пересмотреть понятийный аппарат, чтобы он отражал современные технологические процессы и был сопоставим с международной терминологией. Не менее важно внедрение механизмов оценки воздействия (DPIA/HRIA), а также закрепление обязательного аудита алгоритмических систем, которые всё чаще используются при обработке данных.

Отдельного внимания требуют вопросы устранения нормативных коллизий и отсылочных пробелов, в том числе между Законом «О персональных данных и их защите» и Законом «О связи». В сфере трансграничной передачи данных целесообразно предусмотреть прозрачные процедуры признания иностранных юрисдикций. Параллельно необходимо укреплять институциональную основу регулирования – повышать роль и компетенции уполномоченного органа, развивать механизмы профессионального комплаенса и формировать культуру цифровой ответственности.

В конечном счёте именно комплексный подход к реформированию законодательства позволит обеспечить более устойчивую защиту частной жизни граждан, укрепить гарантии их прав и адаптировать правовую систему к условиям цифровой экономики.

Литература

- Гусарова, Жаксылыков, 2020 — Гусарова А., Жаксылыков С. Защита персональных данных в Казахстане: статус, риски и возможности. — Soros Foundation Kazakhstan, 2020. — 51 с. [Электрон. ресурс]. URL: https://www.soros.kz/wp-content/uploads/2020/04/Personal_data_report.pdf (: 13.10.2025). [Russ.]
- Закон, 2004 — Закон Республики Казахстан от 5 июля 2004 года № 567-II «О связи». [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000567> (: 13.10.2025). [Russ.]
- Конвенция, 1981 — Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Страсбург, 28 января 1981 года; с изменениями от 15 июня 1999 года). ETS № 108. [Электрон. ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1034061 (: 13.10.2025). [Russ.]
- Общий регламент, 2016 — Общий регламент защиты персональных данных. Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation, GDPR). [Электрон. ресурс]. URL: <https://gdpr-text.com/ru/> (дата обращения: 13.10.2025). [Russ./Eng.]
- О персональных данных, 2013 — Закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 года № 94-V «О персональных данных и их защите». [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094/z13094.htm> (дата обращения: 13.10.2025). [Russ.]
- Послание, 2025 — Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию». [Электрон. ресурс]. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformatsiyu-885145> (дата обращения: 13.10.2025). [Russ.]
- Почему произошла утечка, 2025 — Почему произошла утечка персональных данных казахстанцев и как их защитить // Business FM. [Электрон. ресурс]. URL: <https://businessfm.kz/society/pochemu-proizoshla-utechka-personalnyh-dannyh-kazahstancsev-i-kak-ih-zashchitit> (дата обращения: 13.10.2025). [Russ.]
- Iskakova, Kadyrzhanova, 2022 — Iskakova Z.T., Kadyrzhanova T.S. Analysis of problems and challenges in the legislation of the Republic of Kazakhstan on the protection of personal data and international regulation // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия Право. 2022. С. 48–60. [Электрон. ресурс]. URL: <https://bullaw.enu.kz/index.php/main/article/view/24/5> (дата обращения: 13.10.2025). [Eng.]
- Rathgeb et al., 2021 — Rathgeb C., Drozdowski P., Damer N., Frings D.C., Busch C. Demographic Fairness in Biometric Systems: What do the Experts Say? // IEEE Technology and Society Magazine / arXiv. 2021. [Электрон. ресурс]. URL: <https://arxiv.org/abs/2105.14844> (дата обращения: 13.10.2025). [Eng.]

References

- Gusarova, Zhaksylykov, 2020 — Gusarova A., Zhaksylykov S. Zashchita personal'nykh dannykh v Kazakhstane: status, riski i vozmozhnosti. — Soros Foundation Kazakhstan, 2020. — 51 s. [Elektron. resurs]. URL: https://www.soros.kz/wp-content/uploads/2020/04/Personal_data_report.pdf (data obrashcheniya : 13.10.2025). [Russ.]
- Iskakova, Kadyrzhanova, 2022 — Iskakova Z.T., Kadyrzhanova T.S. Analysis of problems and challenges in the legislation of the Republic of Kazakhstan on the protection of personal data and international regulation // Vestnik Evraziyskogo natsional'nogo universiteta imeni L.N. Gumileva. Seriya Pravo. 2022. S. 48–60. [Electronic resource]. URL: <https://bullaw.enu.kz/index.php/main/article/view/24/5> (accessed: 13.10.2025). [Eng.]
- Konventsiya, 1981 — Konventsiya o zashchite fizicheskikh lits pri avtomatizirovannoy obrabotke personal'nykh dannykh (Strasbourg, 28 yanvarya 1981 goda; s izmeneniyami ot 15 iyunya 1999 goda). ETS № 108. [Elektron. resurs]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1034061 (data obrashcheniya : 13.10.2025). [Russ.]
- Obshchiy reglament, 2016 — Obshchiy reglament zashchity personal'nykh dannykh. Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation, GDPR). [Elektron. resurs]. URL: <https://gdpr-text.com/ru/> (data obrashcheniya : 13.10.2025). [Russ./Eng.]
- O personal'nykh dannykh, 2013 — Zakon Respubliki Kazakhstan ot 21 maya 2013 goda № 94-V «O personal'nykh dannykh i ikh zashchite». [Elektron. resurs]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094/z13094.htm> (data obrashcheniya : 13.10.2025). [Russ.]
- O svyazi, 2004 — Zakon Respubliki Kazakhstan ot 5 iyulya 2004 goda № 567-II «O svyazi». [Elektron. resurs]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000567> (data obrashcheniya : 13.10.2025). [Russ.]
- Poslanie, 2025 — Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazakhstana «Kazakhstan v epokhu iskusstvennogo intellekta: aktual'nye zadachi i ikh resheniya cherez tsifrovuyu transformatsiyu». [Elektron. resurs]. URL: <https://www.akorda.kz/ru/p-oslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformatsiyu-885145> (data obrashcheniya : 13.10.2025). [Russ.]
- Pochemu proizoshla utechka, 2025 — Pochemu proizoshla utechka personal'nykh dannykh kazakhstantsev i kak ikh zashchitit // Business FM. [Elektron. resurs]. URL: <https://businessfm.kz/society/pochemu-proizoshla-utechka-personalnyh-dannyh-kazahstancsev-i-kak-ih-zashchitit> (data obrashcheniya : 13.10.2025). [Russ.]
- Rathgeb et al., 2021 — Rathgeb C., Drozdowski P., Damer N., Frings D.C., Busch C. Demographic Fairness in Biometric Systems: What do the Experts Say? // IEEE Technology and Society Magazine / arXiv. 2021. [Electronic resource]. URL: <https://arxiv.org/abs/2105.14844> (accessed: 13.10.2025). [Eng.]

TRANSFORMATION OF THE GOALS OF FAMILY JUSTICE: FROM DISPUTE RESOLUTION TO RESTORATION OF FAMILY RELATIONSHIPS**M. Zhaskairat***

«Astana» International University, Astana, Kazakhstan

*e-mail: mira_m15@mail.ru

M. Zhaskairat – Candidate of Legal Sciences, Professor of the Higher School of Law of «Astana» International University; e-mail: mira_m15@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7293-8274>

Abstract. Contemporary processes of family transformation necessitate a rethinking of the goals of family law and family justice. This article examines current trends in the development of family justice through the lens of the changing social role of the family in modern society. The author proceeds from the premise that the contemporary crisis of the family should be understood not as a crisis of the loss of its social value, but rather as a crisis arising from the inconsistency between traditional models of family relations and the new demands placed upon the family as an environment for personal development and human well-being. The purpose of the study is to substantiate the transformation of the goals of family justice from the resolution of family disputes to the restoration of family relationships and family functioning. The research employs historical-legal, comparative-legal, systemic, and interdisciplinary methods. In addition, an analysis of contemporary foreign studies in the field of family justice and family mediation is conducted. The findings demonstrate that changes in the social mission of the family naturally lead to the transformation of the goals of family justice. Contemporary international approaches reveal a gradual shift away from a purely adversarial model of family dispute resolution toward a model focused on preserving family ties, reducing conflict, restoring communication, and ensuring the well-being of the child. The study concludes that there is a need for the further development of family-oriented conflict resolution mechanisms in the Republic of Kazakhstan, including family mediation, interdisciplinary cooperation among professionals, and the formation of a concept of family justice aimed at preserving the family's capacity to perform its social, psychological, and educational functions.

Keywords: family justice; family mediation; family conflict; family relationships; child well-being; restoration of family relationships; family functioning.

**ОТБАСЫЛЫҚ СОТ ТӨРЕЛІГІНІҢ МАҚСАТТАРЫН ТРАНСФОРМАЦИЯЛАУ:
ДАУДЫ ШЕШУДЕН ОТБАСЫЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРДЫ ҚАЛПЫНА КЕЛТІРУГЕ
ДЕЙІН****М. Жасқайрат***

«Astana International University», Астана, Қазақстан

*e-mail: mira_m15@mail.ru

М. Жасқайрат – заң ғылымдарының кандидаты, Астана халықаралық университеті Жоғары заң мектебінің профессоры; e-mail: mira_m15@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7293-8274>

Аңдатпа. Отбасы институтының қазіргі трансформациялық үдерістері отбасы құқығы мен отбасылық сот төрелігінің мақсаттарын қайта пайымдау қажеттілігін туындатады. Мақалада қазіргі қоғамдағы отбасының әлеуметтік рөлінің өзгеруі тұрғысынан отбасылық сот төрелігінің дамуының заманауи үрдістері зерттеледі. Автор қазіргі отбасы дағдарысын

оның әлеуметтік құндылығының жойылу дағдарысы ретінде емес, отбасының тұлғаның дамуы мен әл-ауқатын қамтамасыз ететін орта ретіндегі жаңа талаптарға дәстүрлі отбасылық қатынастар модельдерінің сәйкес келмеу дағдарысы ретінде қарастырады. Зерттеудің мақсаты – отбасылық сот төрелігі мақсаттарының отбасылық дауды шешуден отбасылық қатынастарды қалпына келтіруге және отбасының функционалдық қабілетін сақтауға бағытталған жаңа мазмұнға көшуін негіздеу. Зерттеу барысында тарихи-құқықтық, салыстырмалы-құқықтық, жүйелік және пәнаралық әдістер қолданылды. Сонымен қатар отбасылық сот төрелігі мен отбасылық медиация саласындағы заманауи шетелдік зерттеулерге талдау жүргізілді. Зерттеу нәтижесінде отбасының әлеуметтік миссиясының өзгеруі отбасылық сот төрелігі мақсаттарының трансформациясына заңды түрде алып келетіні анықталды. Қазіргі шетелдік тәсілдер отбасылық дауларды шешудің таза жарыспалы моделінен біртіндеп бас тартып, отбасылық байланыстарды сақтауға, қақтығыстар деңгейін төмендетуге, коммуникацияны қалпына келтіруге және баланың әл-ауқатын қамтамасыз етуге бағытталған модельге көшуді көрсетеді. Зерттеу қорытындысы ретінде Қазақстан Республикасында отбасына бағдарланған жанжалдарды реттеу тетіктерін одан әрі дамыту қажеттілігі негізделеді. Оларға отбасылық медиацияны дамыту, әртүрлі сала мамандарының пәнаралық өзара іс-қимылын күшейту және отбасының әлеуметтік, психологиялық әрі тәрбиелік функцияларын орындау қабілетін сақтауға бағытталған отбасылық сот төрелігінің тұжырымдамасын қалыптастыру жатады.

Түйін сөздер: отбасылық сот төрелігі; отбасылық медиация; отбасылық жанжал; отбасылық қатынастар; баланың әл-ауқаты; отбасылық қатынастарды қалпына келтіру; отбасының функционалдық қабілеті.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕЛЕЙ СЕМЕЙНОГО ПРАВОСУДИЯ: ОТ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРА К ВОССТАНОВЛЕНИЮ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

М. Жаскайрат*

«Astana» International University, Астана, Казахстан

*e-mail: mira_m15@mail.ru

М. Жаскайрат – кандидат юридических наук, профессор Высшей школы права «Astana» International University, Астана, Казахстан; e-mail: mira_m15@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7293-8274>

Аннотация. Современные процессы трансформации семьи обуславливают необходимость переосмысления целей семейного права и семейного правосудия. В статье исследуются современные тенденции развития семейного правосудия через призму изменения социальной роли семьи в современном обществе. Автор исходит из того, что современный кризис семьи представляет собой не кризис утраты ее социальной ценности, а кризис несоответствия традиционных моделей семейных отношений новым требованиям, предъявляемым к семье как среде развития личности и благополучия человека. Целью исследования является обоснование трансформации целей семейного правосудия от разрешения семейного спора к восстановлению семейных отношений и семейного функционирования. В работе использованы историко-правовой, сравнительно-правовой, системный и междисциплинарный методы исследования. Проведен анализ современных зарубежных исследований в области семейного правосудия и семейной медиации. В результате исследования установлено, что изменение социальной миссии семьи закономерно приводит к трансформации целей семейного правосудия. Современные зарубежные подходы демонстрируют постепенный отход от исключительно состязательной модели разрешения семейных споров и переход к модели, ориентированной на сохранение семейных связей, снижение конфликтности, восстановление коммуникации и обеспечение благополучия ребенка. Сделан вывод о необходимости дальнейшего развития семейно-ориентированных механизмов разрешения конфликтов в Республике Казахстан, включая семейную медиацию, междисциплинарное взаимодействие специалистов и формирование концепции семейного

правосудия, направленной на сохранение способности семьи выполнять свои социальные, психологические и воспитательные функции.

Ключевые слова: семейное правосудие; семейная медиация; семейный конфликт; семейные отношения; благополучие ребенка; восстановление семейных отношений; семейное функционирование.

Introduction. Modern family transformation processes require rethinking not only the content of family legal relations, but also the goals of family justice. Traditionally, the court's activities in the field of family relations have been focused on resolving a legal dispute between participants in family relations by determining their rights and obligations and making a binding decision. At the same time, the specificity of family disputes lies in the fact that after the end of the trial, family relations often continue to exist, especially in cases related to the upbringing of children, the exercise of parental rights and the fulfillment of family duties. In recent decades, there has been a tendency in foreign practice to expand the goals of family justice. The tasks of preserving parent-child relations, reducing conflict, strengthening the ability of family members to further interact and ensuring the well-being of the child are becoming increasingly important. In this regard, family justice is gradually moving beyond exclusively jurisdictional activities and is acquiring the features of an interdisciplinary system that combines legal, psychological and social mechanisms of influence on family conflict. It seems that these processes are associated with deeper changes in the understanding of the social value of the family. Historically, the family has primarily been a condition for human physical survival, providing material support, security, procreation, and the transmission of cultural traditions. However, the development of state and public institutions has led to the fact that a significant part of these functions has been partially transferred to other social mechanisms. Despite this, the family has not lost its importance, which indicates the preservation of its special social value. In modern conditions, the importance of the family is increasingly determined by its ability to create conditions for the development of personality, emotional well-being, socialization of the child and the formation of stable interpersonal relationships. In this regard, the modern crisis of the family should be considered not as a crisis of loss of its social value, but as a crisis of inconsistency of traditional models of family relations with new requirements for the family as an environment for personal development and human well-being. Changing ideas about the role of the family naturally leads to a transformation of the goals of family law and family justice. Previously, the main task was to resolve a legal dispute, but in modern conditions the importance of restoring family functioning, maintaining constructive relations between family members and creating conditions for the further implementation of family social functions is increasing. The purpose of this study is to identify current trends in the development of family justice and substantiate the transformation of its goals from resolving a family dispute to restoring family relations and family functioning.

Methods and methodology. The research material includes scientific publications by foreign and domestic authors on family justice, family mediation, family conflict resolution and the transformation of the family institution. Special attention is paid to the works of C. Garrow, N. Semple, M. Roberts, L. Parkinson, T. Dronzina, A. Ketani, J. A. Riera Adrover and other researchers. The methodological basis of the research was made up of general scientific and special legal methods of cognition. The historical and legal method is used to analyze the evolution of the social role of the family and the goals of family justice. The comparative legal method was used in the study of foreign approaches to family dispute resolution. A systematic approach allowed us to consider the family as a legal, social and psychological system. The interdisciplinary approach ensured the integration of legal, sociological and psychological concepts of the family and family conflict. The hypothesis of the study is that the modern family crisis is not a crisis of loss of its social value, but a crisis of inconsistency between traditional models of family relations and new requirements for the family as an environment for personal development, which leads to the transformation of the goals of family law and family justice.

Discussion. 1. Changing the social value of the family as a prerequisite for the transformation of family justice. The study of modern trends in the development of family justice is impossible without analyzing the transformation of the social role of the family. The change in the goals of

family law and family justice is not an isolated legal process, but a reflection of deeper changes in the understanding of the family, its functions and significance for man and society. For a significant part of human history, the family has been primarily a condition for the survival of the individual and the preservation of social community. In a traditional society, it was the family that ensured the material existence of its members, protection from external threats, economic activity, the birth and upbringing of children, the transmission of cultural norms and social roles. A person's economic, social, and personal security largely depended on their family and clan affiliation. This pattern was especially pronounced in traditional societies with strong family ties. In Kazakh customary law, the preservation of family and kinship relations was not only a moral value, but also a necessary condition for ensuring the safety, stability of the family and human survival. The conflict between relatives affected the interests of a much wider range of people than the direct participants in the dispute. That is why conciliatory practices, the participation of elders and the desire to preserve social ties occupied an important place in conflict resolution mechanisms. At the same time, the development of the state and public institutions has gradually led to the redistribution of a significant part of the traditional functions of the family. A modern person is able to receive education, medical care, social protection and financial support, regardless of belonging to a large family or clan. The state, the market and other social institutions have taken on many tasks that were previously solved exclusively within the family. From the point of view of formal logic, such processes should have led to a decrease in the importance of the family as a social institution. If the family is no longer the only source of material support, security, and social protection, then a gradual weakening of its role in human life would be natural. However, the actual development of society shows a different trend. Despite significant changes in economic and social conditions, the family retains the status of one of the most important social values and continues to play a decisive role in personal development. It is in the family that a person gets his first experience of interpersonal interaction, trust, responsibility, care and cooperation. In this regard, the steady preservation of the high social importance of the family indicates that its value is determined not only by the performance of economic or household functions, but also by the ability to provide conditions for the full development of personality and human well-being. It seems that this circumstance does not indicate a loss of the social value of the family, but a change in the foundations of this value. If traditional society needed the family primarily as a mechanism for ensuring human survival, then modern society needs the family as an environment for the formation and development of personality. In modern society, family functions related to emotional support, the formation of a personality's identity, the socialization of a child, the assimilation of moral values, the development of the ability to cooperate and build stable interpersonal relationships are of particular importance. It is in the family that a person first gets the experience of trust, acceptance, responsibility, mutual care and respect for the dignity of another person.

In this regard, it is possible to talk about the formation of a new system – forming function of the family - the function of creating conditions for the development of personality and human well-being. In contrast to the traditional understanding of the family as primarily an economic and social unit, the modern approach involves considering the family as a space for personal development, emotional security and the formation of human potential. Such a transformation is naturally accompanied by a change in the requirements for intra-family relations. While the traditional family model was largely based on the principles of hierarchy, subordination, and role distribution, the modern model is increasingly focused on recognizing the value of each family member's personality. There is a gradual transition from the object perception of family members to a subject-subject relationship model based on respect for the dignity of the individual, recognition of his interests and the ability to participate independently in decision-making. Of particular importance in these conditions is the rejection of violence as an acceptable way of organizing family relations. For a long time, various forms of physical, psychological, and economic coercion have often been perceived as a natural element of the intra-family hierarchy. The modern understanding of the family proceeds from the opposite approach, according to which violence is incompatible with the family fulfilling the function of personal development and ensuring human well-being. A family based on fear, suppression and coercion is not able to fully ensure emotional security, building trust and developing human potential.

In this regard, the modern crisis of the family should be considered not as a crisis of loss of its social value, but as a crisis of inconsistency of traditional models of family relations with new family functions. Modern society continues to need a family, but imposes qualitatively different requirements on it. Previously, the family was expected primarily to ensure survival and social stability, but today it is entrusted with the tasks of personality formation, ensuring emotional well-being, child development and creating conditions for a person's full self-realization.

If the traditional family provided mainly for the physical survival of a person, then the modern family provides conditions for personality formation, emotional well-being and human potential development. This is precisely what is changing the social mission of the family in the 21st century. Changing the social mission of the family naturally leads to a transformation of the goals of family law and family justice. If the family is considered not only as a legal structure, but also as a legal, social and psychological system that ensures personal development and human well-being, then the task of family justice is not only to resolve a legal dispute, but also to preserve the family's ability to perform these functions. This, in our opinion, explains the current trend of moving from a model of family dispute resolution to a model of restoring family relations and family functioning.

2. The modern crisis of the family: the crisis of the institution of the family or the crisis of the traditional understanding of its social value? The issue of the family crisis has occupied one of the central places in sociological, psychological and legal research over the past decades. The increase in the number of divorces, the decline in the birth rate, the spread of unregistered unions, the increase in the number of single-parent families and the trend of individualization of social life are often seen as evidence of the weakening of the family and its gradual loss of its social significance. However, such an assessment is far from indisputable. Despite the changing forms of family life, the family continues to be perceived as one of the basic social values. Moreover, issues of the quality of family relations, child welfare, parenting support, and the psychological climate in the family are becoming increasingly important socially. This circumstance allows us to raise the question of whether modern society is really facing a crisis of the family as a social institution. In our opinion, the ongoing processes are of a different nature. The modern crisis of the family is not a crisis of loss of its social value, but a crisis of inconsistency between traditional models of family relations and new requirements for the family as an environment for personal development and human well-being. If the traditional family was focused primarily on ensuring survival, preserving the family and maintaining social stability, then the modern family should provide a much wider range of tasks. She is expected to provide emotional support, psychological security, respect for the personality of each family member, promote self-realization, create a favorable environment for child development and create conditions for human well-being. Thus, the modern family is faced not with a decrease in social expectations, but, on the contrary, with their significant expansion. In fact, we are talking about a crisis of increasing demands on the family. Modern society assigns much more functions to the family than was typical for traditional models of family relations. This largely explains the contradiction between historically established mechanisms for organizing family life and new social demands. Relationship models formed in conditions of survival priority and hierarchy are not effective enough to achieve the goals of personal development, emotional well-being and partnership between family members.

In this regard, the family crisis can be characterized as a crisis of functional and value transition. Society no longer needs the family solely as a survival mechanism, but it has not yet developed sustainable models of family relations that fully meet the new challenges of personal development and human well-being. Consequently, the modern crisis of the family should be viewed not as evidence of the loss of its social value, but as a manifestation of a profound transformation of the very nature of the family. It is not so much the importance of the family that is changing, as the foundations of this significance. It is this circumstance that makes it necessary to rethink the goals of family law and family justice.

3. Foreign trends in the development of family justice: from dispute resolution to the restoration of family relations. Changing ideas about the social value of the family are naturally accompanied by a transformation of approaches to resolving family conflicts. If the traditional model of family justice was focused primarily on resolving a legal dispute and determining the rights and obligations

of the parties, then modern foreign studies demonstrate a gradual transition to a different paradigm, which focuses on the preservation of family relations, the well-being of the child and the restoration of the family's ability to continue functioning. One of the most noticeable trends is the departure from an exclusively adversarial model of legal proceedings. As K. Garrow notes, the traditional judicial process does not always allow for an effective response to the real causes of a family crisis, since it is mainly focused on the legal resolution of the case (Garrow C.E., *BYU Law Review*, 2018: 1277–1296). Meanwhile, family conflict often has a complex psychological and social nature associated with disruption of communication between family members, parenting crisis, addictions, violence, emotional trauma and other factors beyond the scope of the actual legal dispute. In this regard, K. Garrow suggests considering family justice as an interdisciplinary system of interaction between the court, social services, psychologists, medical specialists and local community resources (Garrow C.E., *BYU Law Review*, 2018: 1302–1320). According to the author, the effectiveness of family justice should be assessed not only through making a lawful decision, but also through the ability to ensure the restoration of the family, strengthening parent-child relations and the formation of family resilience (Garrow C.E., *BYU Law Review*, 2018: 1321–1330).

Similar trends are revealed by N. Semple in the study of the practice of dispute resolution on the upbringing of children. The author draws attention to the gradual change in the role of the judge in the family process (Semple N., *Conflict Resolution Quarterly*, 2012: 309–318). If traditionally a judge acted as a person who resolves a dispute by making a binding decision, then modern models of family justice involve a more active participation of the court in helping to resolve the conflict between parents. In some cases, judges use techniques close to mediation and facilitation, helping the parties focus on the interests of the child, reduce the level of confrontation and work out a mutually acceptable solution (Semple N., *Conflict Resolution Quarterly*, 2012: 320–327). N. Semple's conclusion about the transformation of the role of a judge from a subject who establishes the correctness of one of the parties to a kind of manager of a family conflict deserves special attention (Semple N., *Conflict Resolution Quarterly*, 2012: 328–332). In such circumstances, the effectiveness of judicial intervention is determined not only by the decision made, but also by whether parents are able to continue constructive interaction after the completion of the process. This approach indicates a gradual shift in emphasis from dispute resolution to conflict management and the preservation of family functioning.

Family mediation plays an important role in the transformation under consideration. M. Roberts' research shows that family mediation has emerged as an independent professional activity based on the principles of party autonomy, equality, respect and preservation of the participants' right to make decisions independently (Roberts M., *Conflict Resolution Quarterly*, 2005: 509–526). Unlike traditional court proceedings focused on determining the legal position of each of the parties, mediation proceeds from the need to preserve the ability of participants in a family conflict to further interact. Developing this idea, L. Parkinson emphasizes that the specifics of family disputes are determined by the ongoing nature of the relationship between their participants (Parkinson L., *Bristol*, 2011: 432). Even after the termination of the marriage, the parents retain overall responsibility for the upbringing of the child, and therefore reaching an agreement cannot be considered as the sole purpose of resolving the conflict. A more important result is the formation of a sustainable model of parental cooperation, which minimizes the negative consequences of conflict for children and ensures the realization of their interests. A close position is occupied by T. Dronzin, who considers mediation primarily as a mechanism for restoring communication between the parties to the conflict (Dronzina T., *Astana*: 130). According to the author, in modern conditions, the effectiveness of mediation is determined not so much by the fact of reaching an agreement, as by the ability of the parties to restore a constructive dialogue and create conditions for further interaction. In family conflicts, this aspect is of particular importance, since the legal conclusion of a dispute does not always mean the termination of family relations. These ideas have been significantly developed in research on issues of trust in family mediation. The research results of J. A. Riera Adrover, M. E. Quartero Castanier and H. H. Montagno Moreno show that trust is one of the key factors for the successful resolution of family conflicts (Ketani A., *Dispute Resolution Journal*, 2021: 113–124). The authors conclude that it is the restoration of trust between the parties to the conflict that contributes to the formation of cooperation, the achievement

of mutually acceptable solutions and the preservation of the ability to further interact.

A. Ketani, exploring the goals and content of the first meeting in family mediation, also notes the need to move from adversarial logic to the logic of understanding the interests of the parties and the needs of the child (Riera Adrover J.A. etc, *Negotiation and Conflict Management Research*, 2020: 151–162). Even at the initial stage of dealing with a conflict, attention should be focused not on finding the guilty party, but on identifying the causes of the conflict, the interests of the participants, and opportunities to restore constructive interaction.

Similar conclusions are contained in the study of P. McCarthy, B. Simpson, J. Corlion and J. Walker, devoted to the analysis of various models of family mediation in the UK. The authors conclude that the effectiveness of family mediation is determined not so much by the organizational form of service provision as by its ability to create conditions for constructive dialogue between the parties and maintain their further interaction, especially in the presence of common parental responsibilities (McCarthy P. etc, *Conflict Resolution Quarterly*, 1991: 317–328). Thus, family mediation is considered not only as a dispute resolution procedure, but also as a mechanism for maintaining family cooperation after the conflict is over. This idea was further developed in a study by G. Hurd, A. Lohan, J. Petch, J. Milich and A. Bickerdike, devoted to the effectiveness of family mediation in the context of mandatory referral of the parties to a conciliation procedure. The authors note that participation in family mediation contributes not only to reaching an agreement, but also to significantly reducing the level of mutual hostility, increasing the willingness of the parties to cooperate and forming more stable models of interaction between parents (Heard G. etc, *Conflict Resolution Quarterly*, 2024: 573–590). This conclusion confirms that the effectiveness of family mediation should be assessed not only by the number of agreements reached, but also by its impact on the further development of family relations. Of particular interest is the study of J. Smithson, A. Barlow, R. Hunter, and J. Ewing, in which family mediation is considered as a process of reconciliation of competing family values and moral attitudes of the parties to the conflict (Smithson J. etc, *Child and Family Law Quarterly*, 2011: 165–187). The authors emphasize that the subject of family mediation is not only the legal requirements of the parties, but also their ideas about justice, parental responsibility, the interests of the child and the future of the family. In this regard, family mediation is not just a way to resolve a legal dispute, but a mechanism for finding a balance between the legal, moral and social aspects of family relations.

Thus, the analysis of modern foreign studies allows us to conclude that a new model of family justice is being formed. The general trend is a gradual departure from the exclusively adversarial paradigm of resolving family disputes and a transition to a model focused on preserving family ties, reducing conflict, restoring communication and ensuring the well-being of the child. The focus is not only on the legal consequences of the conflict, but also on the family's ability to perform its social, psychological and educational functions after the dispute is over. It seems that this trend allows us to talk about the transformation of the goals of family justice: from the resolution of a family dispute to the restoration of family relations and the ability of the family to continue functioning as a legal, social and psychological system.

4. Prospects for the development of family justice in the Republic of Kazakhstan. The conducted analysis allows us to conclude that the transformation of the goals of family justice is an objective consequence of the change in the social role of the family in modern society. If the traditional model of family justice was focused primarily on resolving a legal dispute and protecting the subjective rights of participants in family legal relations, modern social processes require a broader understanding of the tasks of legal intervention in family conflict. For the Republic of Kazakhstan, this issue is becoming particularly relevant in the context of the ongoing State family policy aimed at strengthening the institution of the family, protecting the rights of the child and developing mechanisms for peaceful conflict resolution. At the same time, the current system of family dispute resolution largely retains the features of the traditional model of justice, in which the main focus is on determining the rights and obligations of the parties, while the causes of family conflict and its long-term consequences often remain outside the judicial review. It seems that the further development of family justice in the Republic of Kazakhstan should be carried out taking into account current trends in foreign practice.

At the same time, we are not talking about the mechanical borrowing of individual institutions or procedures. More important is the rethinking of the very purpose of family justice and the transition from a traditional jurisdictional model focused on resolving a family dispute to a restorative model aimed at preserving family relations, maintaining family functioning and ensuring the well-being of the child. Of particular importance in this regard is the development of family-oriented conflict resolution mechanisms. A family dispute is not only a legal conflict between the parties to a legal relationship, but also a complex socio-psychological process that affects all family members, especially children. Therefore, the effectiveness of legal intervention should be assessed not only through the legality of the decision, but also through its impact on the further functioning of the family, the preservation of parent-child relations and the prevention of repeated conflicts. One of the promising areas is the further development of family mediation as an independent mechanism for dealing with family conflict. The potential of family mediation lies not only in reaching an agreement between the parties, but also in creating conditions for restoring communication, developing constructive interaction skills and reducing the level of conflict between participants in family relations. These tasks are particularly important in disputes related to the upbringing of children, determining the order of communication with the child and the exercise of parental rights.

Along with the development of family mediation, it is important to expand the interdisciplinary approach to resolving family conflicts. Modern family disputes are often caused by a complex of interrelated legal, psychological and social factors, which cannot be overcome solely by judicial means. In this regard, a promising area is the development of cooperation between the court, guardianship authorities, mediators, psychologists, social workers and other specialists involved in providing assistance to the family. The idea of forming a family-oriented model of justice deserves special attention, in which not only the dispute itself becomes the object of legal influence, but also family relations that have been subjected to the destructive effects of conflict. This approach involves more active use of reconciliation procedures, parenting support programs, counseling and restorative practices aimed at preserving the child's well-being and reducing the negative consequences of a family crisis. It should be noted that certain elements of such a model are already being developed in the legal system of the Republic of Kazakhstan. The practice of mediation is expanding, mechanisms for protecting children's rights are being improved, and interaction between government agencies and non-governmental organizations and specialists in helping professions is developing. However, these processes do not yet form a unified concept of family justice, focused on the preservation of the family as a legal, social and psychological system.

In this regard, it seems reasonable to further scientific understanding of the goals of family justice and the development of conceptual approaches to its development. If the modern family is considered as an environment of personality formation, emotional well-being and human potential development, then family justice should be aimed not only at resolving a legal dispute, but also at preserving the family's ability to perform these functions even in conflict conditions. This, in our opinion, is the main perspective for the development of family justice in the Republic of Kazakhstan.

Conclusion. The conducted research allows us to conclude that modern family transformation processes have a direct impact on the development of family law and family justice. Changing the social purpose of the family, its functions and social role necessitates rethinking the goals of legal regulation of family relations and mechanisms for resolving family conflicts. An analysis of existing scientific approaches has shown that the widespread view of the modern family crisis as a crisis of the institution of the family itself does not fully reflect the essence of the ongoing processes. It seems that the modern crisis of the family should be considered not as a crisis of loss of its social value, but as a crisis of inconsistency of traditional models of family relations with the new requirements imposed on the family as an environment for personal development and human well-being. Historically, the family has primarily served the function of ensuring human survival, security, material support, and reproduction of the social community. However, the development of the state and other social institutions has led to the redistribution of a significant part of these functions. However, the family has not lost its importance. On the contrary, in modern conditions, its role as a space for personality formation, emotional security, child socialization and human potential development is increasing. As

a result of the research, the conclusion is substantiated that a change in the social mission of the family naturally entails a transformation of the goals of family law and family justice. If the traditional model of family justice was focused primarily on resolving a legal dispute and defining the rights and obligations of the parties, then the modern understanding of the family requires a broader approach to the tasks of legal intervention in a family conflict.

Particular importance in modern conditions are family mediation, interdisciplinary interaction of specialists, rehabilitation practices and other mechanisms focused on dealing not only with the legal consequences of conflict, but also with its social and psychological causes. These trends indicate the gradual formation of a new model of family justice based on prioritizing the interests of the child, maintaining parental cooperation and restoring constructive interaction between family members. For the Republic of Kazakhstan, these processes are of particular relevance in the context of State policy to strengthen the institution of the family and protect the rights of the child. It seems that the further development of family justice should be associated not only with improving family dispute resolution procedures, but also with the development of family-oriented mechanisms aimed at preventing the devastating consequences of family conflicts, preserving parent-child relations and supporting the family as an essential social institution. The scientific novelty of the study is to substantiate the position that the modern transformation of family justice is due to a change in the social mission of the family. If the traditional family provided primarily for human survival, then the modern family acts as an environment for the development of personality and human well-being. In this regard, the purpose of family justice is not only to resolve a family dispute, but also to restore the family's ability to continue functioning as a legal, social and psychological system. This trend, in our opinion, determines the promising direction of the development of family justice in the 21st century.

Литература

- Dronzina, 2013 — Дронзина Т. Основы конфликтного анализа и медиации: методическое руководство. — Астана: Фонд им. Фридриха Эберта; Исследовательский институт «Общественное мнение», 2013. — 130 с. [Russ.]
- Garrow, 2018 — Garrow C.E. Changing Family Courts to Help Heal and Build Resilient Families // *BYU Law Review*. 2018. Vol. 2018. Iss. 6. P. 1277–1330. [Eng.]
- Heard et al., 2024 — Heard G., Lohan A., Petch J., Milic J., Bickerdike A. Participation, Agreement and Reduced Acrimony through Family Mediation: Benefits for the Ambivalent Client in a Mandatory Setting // *Conflict Resolution Quarterly*. 2024. Vol. 41. No. 4. P. 573–590. DOI: 10.1002/crq.21426. [Eng.]
- Ketani, 2021 — Ketani A. The First Family Mediation Meeting: Purpose, Context and Proposals for Change // *Dispute Resolution Journal*. 2021. Vol. 76. No. 4. P. 113–124. [Eng.]
- McCarthy et al., 1991 — McCarthy P., Simpson B., Corlyon J., Walker J. Family Mediation in Britain: A Comparison of Service Types // *Conflict Resolution Quarterly*. 1991. Vol. 8. No. 4. P. 317–328. DOI: 10.1002/crq.3900080407. [Eng.]
- Parkinson, 2011 — Parkinson L. Family Mediation. Bristol: Jordan Publishing Limited, 2011. 432 p. [Eng.]
- Riera Adrover et al., 2020 — Riera Adrover J.A., Cuartero Castañer M.E., Montaña Moreno J.J. Mediators' and Disputing Parties' Perceptions of Trust-Building in Family Mediation // *Negotiation and Conflict Management Research*. 2020. Vol. 13. No. 2. P. 151–162. [Eng.]
- Roberts, 2005 — Roberts M. Family Mediation: The Development of the Regulatory Framework in the United Kingdom // *Conflict Resolution Quarterly*. 2005. Vol. 22. No. 4. P. 509–526. [Eng.]
- Seemple, 2012 — Seemple N. Judicial Settlement-Seeking in Parenting Disputes: Consensus and Controversy // *Conflict Resolution Quarterly*. 2012. Vol. 29. No. 3. P. 309–332. DOI: 10.1002/crq.21041. [Eng.]
- Smithson et al., 2011 — Smithson J., Barlow A., Hunter R., Ewing J. The Moral Order in Family Mediation: Negotiating Competing Values // *Child and Family Law Quarterly*. 2011. Vol. 23. No. 2. P. 165–187. [Eng.]

References

- Dronzina, 2013 — Dronzina T. Osnovy konfliktnogo analiza i mediatsii: metodicheskoe rukovodstvo [Fundamentals of Conflict Analysis and Mediation: Methodological Guide]. Astana: Fond im. Fridrikha Eberta; Issledovatel'skii institut «Obshchestvennoe mnenie», 2013. 130 p. [Russ.]
- Garrow, 2018 — Garrow C.E. Changing Family Courts to Help Heal and Build Resilient Families // *BYU Law Review*. 2018. Vol. 2018. Iss. 6. P. 1277–1330. [Eng.]
- Heard et al., 2024 — Heard G., Lohan A., Petch J., Milic J., Bickerdike A. Participation, Agreement and Reduced Acrimony through Family Mediation: Benefits for the Ambivalent Client in a Mandatory Setting // *Conflict Resolution Quarterly*. 2024. Vol. 41. No. 4. P. 573–590. DOI: 10.1002/crq.21426. [Eng.]
- Ketani, 2021 — Ketani A. The First Family Mediation Meeting: Purpose, Context and Proposals for Change // *Dispute Resolution Journal*. 2021. Vol. 76. No. 4. P. 113–124. [Eng.]
- McCarthy et al., 1991 — McCarthy P., Simpson B., Corlyon J., Walker J. Family Mediation in Britain: A Comparison of Service Types // *Conflict Resolution Quarterly*. 1991. Vol. 8. No. 4. P. 317–328. DOI: 10.1002/crq.3900080407. [Eng.]
- Parkinson, 2011 — Parkinson L. Family Mediation. Bristol: Jordan Publishing Limited, 2011. 432 p. [Eng.]
- Riera Adrover et al., 2020 — Riera Adrover J.A., Cuartero Castañer M.E., Montaña Moreno J.J. Mediators' and Disputing Parties' Perceptions of Trust-Building in Family Mediation // *Negotiation and Conflict Management Research*. 2020. Vol. 13. No. 2. P. 151–162. [Eng.]
- Roberts, 2005 — Roberts M. Family Mediation: The Development of the Regulatory Framework in the United Kingdom // *Conflict Resolution Quarterly*. 2005. Vol. 22. No. 4. P. 509–526. [Eng.]
- Seemple, 2012 — Seemple N. Judicial Settlement-Seeking in Parenting Disputes: Consensus and Controversy // *Conflict Resolution Quarterly*. 2012. Vol. 29. No. 3. P. 309–332. DOI: 10.1002/crq.21041. [Eng.]

Smithson et al., 2011 — Smithson J., Barlow A., Hunter R., Ewing J. The Moral Order in Family Mediation: Negotiating Competing Values // *Child and Family Law Quarterly*. 2011. Vol. 23. No. 2. P. 165–187. [Eng.]

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ЖАҢА КОНСТИТУЦИЯСЫ: ЕҢБЕК ҚАТНАСТАРЫНДА ӘЛЕУМЕТТІК ӘРІПТЕСТІК ЖҮЙЕСІН, АДАМ КАПИТАЛЫН ДАМУ БАҒЫТЫНДАҒЫ ТЕОРИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ТӘЖІРИБЕЛІК СҰРАҚТАР

¹Д.У. Рыскалиев*^{ID}, ²Г.Г. Нурахметова^{ID}, ³С.Ж. Сулейменова^{ID}
^{1,2,3}Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Алматы, Қазақстан
*e-mail: r.dauletbai@bk.ru

Д.У. Рыскалиев – «Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ» КЕАҚ, заң факультеті, азаматтық құқық, азаматтық іс жүргізу және еңбек құқығы кафедрасының доцентінің м.а., философия докторы (PhD); e-mail: r.dauletbai@bk.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3170-7642>

Г.Г. Нурахметова – «Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ» КЕАҚ, заң факультеті, азаматтық құқық, азаматтық іс жүргізу және еңбек құқығы кафедрасының қауымдастырылған профессоры, заң ғылымдарының кандидаты; e-mail: Nurahmetova.74@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7554-6268>

С.Ж. Сулейменова – «Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ» КЕАҚ, заң факультеті, азаматтық құқық, азаматтық іс жүргізу және еңбек құқығы кафедрасының профессоры, заң ғылымдарының докторы; e-mail: Saule.suleimenova@gmail.com; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6754-9255>

Аңдатпа. Қазақстан Республикасының жаңа Конституциясы, алғаш рет, еңбек қатынастарында әлеуметтік әріптестік жүйесін және адам капиталын дамытудың маңызды құқықтық негіздерін қалыптастырды. Мақалада Конституцияның 3, 10, 26, 27-баптарында бекітілген әркімнің еңбек ету құқығы, әлеуметтік қорғалуы, қауіпсіз және гигиеналық талаптарға сай еңбек жағдайларымен, қамтамасыз етілуі, адам капиталын дамыту қағидаттарының теориялық және тәжірибелік мәселелері зерттеуге алынды. Қазақстан Республикасы Президентінің 2021–2024 жылдардағы жолдауларында айқындалған адам капиталын дамыту, еңбек нарығын реттеу, әлеуметтік теңсіздікті төмендету және әлеуметтік әріптестікті нығайту міндеттері бойынша мәлімделген тұжырымдар талдауға алынды. Еңбек кодексінің, «Кәсіптік одақтар туралы», «Қоғамдық бақылау туралы» Заңдардың нормалары, БҰҰ-ның Экономикалық, әлеуметтік және мәдени құқықтар туралы Пактісі мен Азаматтық және саяси құқықтар туралы Пактісі, ХЕҰ-ның Конвенциялары негізінде кәсіподақтардың әлеуметтік әріптестік жүйесіндегі рөлі, ұжымдық шарттардың маңызы, еңбек дауларын шешудің келісім комиссиялары арқылы іске асырылуы талаптары және қызметкерлердің құқықтарын қорғау мәселелері зерттеледі. Ұйымдар деңгейінде еңбек жағдайларын құқықтық реттеудегі олқылықтар анықталып, әлеуметтік тұрақтылықты қамтамасыз ету және адам капиталын дамыту бағытында заңнаманы жетілдіру жөніндегі ұсыныстар берілді.

Түйін сөздер: әлеуметтік әріптестік, адам капиталы, еңбек қатынастары, кәсіподақ, ұжымдық шарт, еңбек жағдайлары, қоғамдық бақылау, келісім комиссиясы.

НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА, ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

¹Д.У. Рыскалиев*, ²Г.Г. Нурахметова, ³С.Ж. Сулейменова

^{1,2,3}КазНУ им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан

*e-mail: r.dauletbai@bk.ru

Д.У. Рыскалиев – PhD, и.о. доцента кафедры гражданского права, гражданского процесса и трудового права юридического факультета НАО «Казахский национальный университет имени аль-Фараби»; e-mail: r.dauletbai@bk.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3170-7642>

Г.Г. Нурахметова – кандидат юридических наук, ассоциированный профессор кафедры гражданского права, гражданского процесса и трудового права юридического факультета НАО «Казахский национальный университет имени аль-Фараби»; e-mail: Nurahmetova.74@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7554-6268>

С.Ж. Сулейменова – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, гражданского процесса и трудового права юридического факультета НАО «Казахский национальный университет имени аль-Фараби»; e-mail: Saule.suleimenova@gmail.com; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6754-9255>

Аннотация. Новая Конституция Республики Казахстан заложила важную правовую основу для развития системы социального партнерства и человеческого капитала в трудовых отношениях. В статье анализируются теоретические и практические аспекты положений Конституции (статьи 3, 10, 26, 27), закрепляющих право на труд, социальную защиту, безопасные условия труда и развитие человеческого капитала. Рассматриваются задачи, поставленные в Посланиях Президента Республики Казахстан 2021–2024 годов в области развития человеческого капитала, регулирования рынка труда, снижения социального неравенства и укрепления системы социального партнерства. На основе норм Трудового кодекса, Законов «О профессиональных союзах», «Об общественном контроле», Пактов ООН об экономических, социальных и культурных правах и о гражданских и политических правах, а также Конвенции МОТ исследовано роль профсоюзов в системе социального партнерства, значение коллективных договоров, механизмы разрешения трудовых споров через согласительные комиссии и вопросы социальной защиты прав работников. Выявлены пробелы в правовом регулировании отдельных социально-экономических вопросов на уровне организаций. Предложены рекомендации по совершенствованию законодательства в целях обеспечения социальной стабильности и защиты человеческого капитала.

Ключевые слова: новая Конституция, социальное партнерство, человеческий капитал, трудовые отношения, профсоюз, коллективный договор, условия труда, общественный контроль, согласительная комиссия.

THE NEW CONSTITUTION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES OF THE DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF SOCIAL PARTNERSHIP, HUMAN CAPITAL IN LABOR RELATIONS

¹D.U. Ryskaliev*, ²G.G. Nurakhmetova, ³S.Zh. Suleimenova

^{1,2,3}Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

*e-mail: r.dauletbai@bk.ru

D.U. Ryskaliev – PhD, Acting Associate Professor of the Department of Civil Law, Civil Procedure and Labour Law, Faculty of Law, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan; e-mail: r.dauletbai@bk.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3170-7642>

G.G. Nurakhmetova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law, Civil Procedure and Labour Law, Faculty of Law, Al-Farabi

Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan; e-mail: Nurahmetova.74@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7554-6268>

S.Zh. Suleimenova – Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of Civil Law, Civil Procedure and Labour Law, Faculty of Law, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan; e-mail: Saule.suleimenova@gmail.com; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6754-9255>

Annotation. The new Constitution of the Republic of Kazakhstan has established an important legal foundation for the development of the social partnership system and human capital in labor relations. The article analyzes the theoretical and practical aspects of the Constitution's provisions (Articles 3, 10, 26, 27), which enshrine the right to work, social protection, safe working conditions, and the development of human capital. It examines the objectives set out in the Presidential Addresses of 2021–2024 regarding human capital development, labor market regulation, reduction of social inequality, and strengthening of social partnership. Based on the norms of the Labor Code, the Laws “On Trade Unions” and “On Public Control”, the UN Covenants on Economic, Social and Cultural Rights and on Civil and Political Rights, as well as ILO Convention No. 131, the article explores the role of trade unions in social partnership, the importance of collective agreements, mechanisms for resolving labor disputes through conciliation commissions, and issues of protecting workers' rights. Gaps in legal regulation at the organizational level are identified, and recommendations are proposed for improving legislation to ensure social stability and protect human capital.

Keywords: new Constitution, social partnership, human capital, labor relations, trade union, collective agreement, labor dispute, public control, conciliation commission.

Кіріспе. Еңбек, еңбекпен байланысты әлеуметтік-экономикалық қатынастарды құқықтық реттеу саласында мемлекет пен қоғам үшін ең өзекті мәселелердің, міндеттердің бірі болып **ӘЛЕУМЕТТІК ӘРІПТЕСТІК ЖҮЙЕСІН** дамыту, осы бағытта заңнамалық талаптарды іске асыру болып табылады.

Бұл институттың маңызы орасан зор, өйткені еңбек, еңбекпен байланысты ұйымдастырушылық, әлеуметтік-экономикалық қатынастарға бүкіл қоғам, кәсіпкерлік субъектілері – жұмыс берушілер, олардың қауымдастықтары (одақтары) және барлық салалардың қызметкерлері, олардың кәсіптік одақтары қатысады.

ҚР жаңа Конституциясына енгізілген қағидалар, ережелер соңғы 5 жылда үнемі халықтың талқылауында болды. Адам капиталын, еңбек саласында әлеуметтік әріптестікті дамыту, әркімнің әлеуметтік қорғалуы, жұмыспен қамтылу, еңбек ету құқығының бекітілуі жөніндегі ережелер жаңа Конституциямыздың 3, 10, 26, 27 баптарында айқындалды (Конституция, 1995).

Алдын ала, осы баптарға қатысты Қазақстан Республикасы Президентінің әр жылғы жолдауларында бүкіл халықтың әл ауқатын жақсартуға бағытталған тұжырымдар мәлімделіп қажетті заңнамалық актілердің қабылдануларына, қолданыстағы заңнамалық актілерге өзгерістер мен толықтырулардың енгізілулеріне негіз болды:

- 2021 жылғы «Халық бірлігі және жүйелі реформалар – ел өркендеуінің берік негізі» Жолдауында пандемиядан кейінгі экономиканы қалпына келтіру, өңдеу өнеркәсібін дамыту, цифрландыруды күшейту, еңбек нарығында тиімді эко жүйе қалыптастыру, халықты жұмыспен қамтуды арттыру, ең төменгі жалақыны көтеру, адам капиталын дамыту, халықтың әл-ауқатын жақсарту мәселелеріне ерекше назар аударылды (Жолдау, 2021);

- 2022 жылғы «Әділетті Қазақстан. Біртұтас ұлт» Жолдауында еліміздің дағдылы, қарқынды дамуына бағытталған экономикаға көшу, осы бағытта өндірістік инфрақұрылымды, **адам капиталын дамыту**, халықтың әл-ауқатын арттыру міндеті қайта, жаңа форматта айқындалды (Жолдау, 2022);

- 2023 жылғы 1 қыркүйектегі “Әділетті Қазақстанның экономикалық бағыты” Жолдауында халықтың әлеуетін көтеруде экономикалық дамудың негізгі парадигмалары: **ӨНДІРІС, ЕҢБЕК КҮШІ, КАПИТАЛ, РЕСУРСТАР ЖӘНЕ ТЕХНОЛОГИЯ ЕКЕНДІГІ**,

осы бағыттағы жаңа экономикалық саясаттың жедел іске асырылуы барлық мемлекеттік органдардың, кәсіпкерлердің міндеті екендігіне басты назар аударылды (Жолдау, 2023);

- 2024 жылғы 2 қыркүйектегі “Әділетті Қазақстан: Заң және Тәртіп, Экономикалық өрлеу, Қоғамдық оптимизм” Жолдауында ӘЛЕУМЕТТІК ТЕҢСІЗДІКТІ ТӨМЕНДЕТУ, салық, басқа да заңнамалық актілердің кәсіпкерлікті дамытуға бағытталуы, өндіріс инфрақұрылымына көптеп инвестицияның тартылу қажеттілігі, орта кәсіпкерліктің экономикадағы үлесін 15%-ға дейін өсіру, осылай еліміздің өнеркәсіптік әлеуетін жылдам көтеру міндеті айқындалды (Жолдау, 2025).

Осы жолдаулар, ұлттық бағдарламалар ретінде, мемлекетіміздің жаңа бағытта дамуына қадам басқандығын танытты.

Материалдар мен әдістер. Зерттеудің әдіснамалық негізін Қазақстан Республикасының Конституциясы, Қазақстан Республикасының Еңбек кодексі, «Кәсіптік одақтар туралы», «Қоғамдық бақылау туралы» заңдары, сондай-ақ еңбек құқықтары мен әлеуметтік әріптестікке қатысты халықаралық құқықтық актілер, оның ішінде БҰҰ-ның Экономикалық, әлеуметтік және мәдени құқықтар туралы халықаралық пактісі, Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактісі және Халықаралық еңбек ұйымының конвенциялары құрайды.

Зерттеу барысында формальды-зандық, салыстырмалы-құқықтық, жүйелік талдау және құқықтық нормаларды талдау әдістері қолданылды.

Нәтижелер мен талқылау.

Ішкі саясат мәселелері. 2025 жылдың 5 қарашасында қабылданған Қазақстан Республикасы Президентінің №1081 «Қазақстан Республикасының ішкі саясатындағы негізгі қағидалар, құндылықтар және бағыттарды бекіту туралы» Жарлығы ең алдымен барлық деңгейдегі мемлекеттік органдарға арналған (Жарлық, 2025).

Оның негізгі мақсаты – ішкі саясат саласындағы жұмыстарды үйлестіру мен жүйелеу. Осы құжатта ішкі саясат саласындағы жұмыс қағидалары айқындалған: «Заң және тәртіп», «Тыңдайтын мемлекет», «Өртүрлі пікір – біртұтас ұлт», «Күшті Президент – ықпалды Парламент – есеп беретін Үкімет», «Адал азамат», «Таза Қазақстан».

Осы Жарлықта ішкі саясаттың басым бағыттары айқындалды:

Қоғамдық диалог, ұлтаралық қатынастар саясаты, дін саласындағы саясат, мәдени-гуманитарлық, отбасы, жастар және ақпараттық саясат. Осы құжат мемлекеттік органдардың ішкі саясат саласындағы жұмысын ұйымдастырудың негізі болып саналады.

Конституциямыздың 3-бабында айқындалғандай адам капиталы — бұл экономиканың, қоғамның, әр-бір ұйымның дамуының интенсивті, күрделі факторы. Осы ұғым: креативті еңбек ресурстарын, инновациялық жүйені, жоғары өнімділікке жету бағытында жинақталған әркімнің кәсіби дағдылығын, білімін қамтиды. Сонымен қатар, қызметкерлердің еңбек жағдайларын жақсарту, сапалы реттеу жүйесін, интеллектуалдық және ұйымдастырушылық еңбек құралдарын, әркімнің өмір сүру сапасын, тіршілік пен зияткерлік қызмет ортасын қамтиды. Осы аспектіде, бірден бір мәселесі болып, ҚР Әлеуметтік кодексінің 1-бабының 4) тармақшасына сәйкес жұмыс берушімен ұйымның ішкі құрылымын өзгерту жағдайында **біліктілігі жоғары қызметкерлер құрамын сақтау, оларды сапалы қолдану** міндеттіліктері айқындалған.

Осылай адам капиталын дамыту тұжырымдамасы мемлекеттің стратегиялық міндеті болып Конституциямыздың 3-бабының 2-тармағында бекітілді. Өте маңызды, ауқымды, тарихи шешім қабылданды.

Жаңа Конституциямыздың 1-бабына сәйкес мемлекеттің ең жоғары құндылығы – адам, оның өмірі, құқықтары мен бостандықтары. 27-бапта әр адамның еңбек етуге, қызмет пен кәсіп түрін еркін таңдауына деген құқығы бекітілген. Осы баптың 2-тармағына сәйкес «Қазақстан Республикасы қауіпсіздік пен гигиена талаптарына сай еңбек жағдайларына, еңбегі үшін қандай да бір **кемсітусіз сияқы алу**, заңға сәйкес **әркімнің әлеуметтік қорғалу құқығына кепілдік береді**». Осы баптың 3 және 4 тармақтарында көзделгендей заңнамада айқындалған тәсілдерді қолдана отырып әр адамның жеке және ұжымдық еңбек дауларын шешу, оның тынығу, жұмыс уақытының белгіленген ұзақтығына, яғни оның шегінің анықталуына, демалыс

және мереке күндеріне, ақы төленетін демалысқа деген құқығына заңнамамен айқындалған тәртіпте кепілдік беріледі.

Мемлекетімізде жария етілген «Жаңа Қазақстан» идеясы, ұлттық жоба нысанында адам капиталын дамытуға бағытталды. Көзделген мақсат – білім, ғылым жүйесін, технология мен экономиканы, әлеуметтік, құқық салаларын дамыту, қоғамды өркениетті елдер стандарттарына көшіріп елді, қоғамды дамыған мемлекеттер қатарына қосуды көздейді.

Қазақстан бұл мақсаттарға «Бірлік, Әділет, Даму», «Заң және Тәртіп» ұстанымдарын іске асыру арқылы ғана жетеді.

Еңбек саласында әлеуметтік әріптестік жүйесін дамыту, осы бағытта кәсіптік одақтардың мәртебесін анықтауда оларға қойылатын құқықтық талаптар Конституциямыздың 6-бабының 2-5 тармақтарында келесідей мәтінде айқындалған:

- мемлекеттің қоғамдық бірлестік ісіне, ал бірлестіктің мемлекет ісіне заңсыз араласуына, қоғамдық бірлестікке мемлекеттік органдардың функцияларын жүктеуге жол берілмейтіндігі;

- **қоғамдық бірлестіктің қызметінің қоғамдық тәртіпті бұзуға бағытталуына жол бермеу, ұлттық қауіпсіздікке нұқсан келтірмеуі, әлеуметтік және басқа да араздықты қоздыруға бағытталған қоғамдық бірлестікті құруға елімізде тиым салынатындағы;**

- елімізде басқа мемлекеттің **саяси партиясы мен кәсіптік одағының қызметіне жол берілмейтіндігі**, олардың құрылуында шетелдік заңды тұлғаның, шетел азаматы мен азаматтығы жоқ адамның қатысуы бар заңды тұлғаның, сонымен қатар **халықаралық ұйымның** қаржыландырылуына жол берілмейтіндігі;

- коммерциялық емес ұйымның шет мемлекеттен, халықаралық, шетелдік заңды тұлғадан, шетел азаматы мен **азаматтығы жоқ адамнан алатын ақша қаражатының қозғалысы, активтері туралы ақпараттың заңдарға сәйкес ашық әрі қол жетімді болу қажеттіліктері нақты айқындалған.**

1995 жылғы ҚР Конституциясында, әркімнің жұмыс пен кәсіп түрін еркін таңдау бостандығы жөнінде ғана ереже формалдық түрде айқындалған болатын. Ондай бостандық – қандай да бір тұлғаның мүмкіндігі, құқығы, сәйкесінше мемлекет пен жұмыс берушілерге қандай да міндеттерді жүктемейтіндігі айқын болды. Ұзақ уақыт бойы осындай қағидалардың қолданылып келгендігі баршамызға мәлім, мұндай сәйкессіздіктің себебі көптеген жағдайлармен түсіндіріледі, сонымен қатар экономикамыздың халықтың мүдесіне сай келмейтін тәсілдермен реттелгендіктерін, халықаралық құқық стандарттарында айқындалған талаптарға қайшы келетін актілердің болғандығын мойындауымыз керек.

Негізінде, Қазақстан Республикасымен әркім еңбек етуге деген құқығын дәріптейтін, осы құқықты қамтамасыз ету бағытындағы халықаралық құқық нормалары 2005 жылдың 21 қарашасында Қазақстан Республикасының Парламентімен бекітілген «Экономикалық, әлеуметтік және мәдени құқықтар туралы» Біріккен Ұлтар Ұйымының Пактісінің 6-бабында келесідей ереже айқындалған: осы Пактіге қосылған мемлекет әркімнің еңбек етуге деген құқығын таныйды, әркім өмір сүруі үшін өзінің еңбегімен табыс табуға құқылы, мемлекет ондай мүмкіндікті қамтамасыз етуге ықпал етеді. 7-бабына сәйкес әркімнің әділетті, қауіпсіз еңбек жағдайымен қамтамасыз етілуіне құқылы (Заң, 2005а).

Сонымен қатар, әркімнің әлеуметтік қорғалуы, жұмыспен қамтылуы жөнінде Халықаралық Еңбек Ұйымының 1996 жылдан бастап осы кезге дейін 26 Конвенцияларын бекіттіу.

Соңғысы №131 «Ең төменгі жалақы мөлшерін анықтау туралы» Конвенция 2025 жылдың 20 қазанында бекітілді (Заң, 2025).

Осы аспектіде, яғни елімізде еңбек саласында әлеуметтік әріптестікті дамытуда кәсіп одақтардың құрылуы, олардың қызметіне қатысты халықаралық қағидалар БҰҰ Ассамблеясымен 1966 жылдың 16 желтоқсанында қабылданған «Азаматтық және саяси құқықтар туралы» Пактпен айқындалған. Осы Пакт Қазақстан Республикасымен 2005 жылдың 28 қарашасында арнайы Заңмен бекітілді (Заң, 2005б).

Жаңа Конституциямыздың 10-бабына сәйкес «Қазақстан Республикасы халықаралық

құқық қағидаттары мен нормаларын құрметтейді, мүдделі мемлекеттермен бейбітшілік пен ынтымақтастық, олардың ішкі ісіне араласпауды, халықаралық дауды бейбіт жолмен шешуді көздейтін сыртқы саясатты жүргізеді».

Жаңа Конституциямыздың 32-бабына сәйкес Қазақстан Республикасы азаматтарының денсаулығын сақтауға деген құқығы бекітілген. 34-баптың 3-тармағына сәйкес, адамның өміріне, денсаулығына қатер төндіретін фактілерді, мән-жайларды лауазымды адамдардың жасыруы заңға сәйкес жауаптылыққа алып келеді. 37-бабына сәйкес әр адам Қазақстан Республикасының Конституциясы мен заңдарын сақтауға, басқа адамдардың құқықтарын, бостандықтарын, ар-намысы мен қадір қасиетін құрметтеуге міндетті. Осы ережелер еңбек қатынастарында толықтай қолданылады, өйткені өндірістік ортада қызметкерлердің өміріне, денсаулығына қауіп төндіретін зиянды факторлар туралы ақпаратпен олар алдын ала таныс болуға тиіс. Сонымен қатар әрбір қызметкердің құқықтық тәртіпті сақтауға, әріптестерінің қызметтік беделіне, ар намысына нұқсан келтірмеуге деген міндетті заңдармен айқындалған.

Еңбек қатынастарын реттеуде, сонымен қатар, уәкілетті органдармен осы салада бақылау, қадағалау жұмыстарын жүргізуде заңнамаға сәйкес келесідей еңбек қатынастарының ажыратылатындығын ескеру қажет.

Бірінші бағыты - жариялылық тәртіпте уәкілетті мемлекеттік органдармен бақылауға алынатын еңбек қатынастары. ҚР Еңбек кодексінің 15-18 баптарымен, басқа да заңдармен түрлі деңгейдегі мемлекеттік органдардың, осы саладағы уәкілеттіліктері айқындалған (Еңбек Кодексі, 2015).

Осы Кодекстің 9-шы бабына сәйкес, еңбек саласындағы **ең төменгі әлеуметтік стандарттар**, кепілдіктер (яғни ең төменгі айлық жалақысының, апталық жұмыс уақыты шегінің айқындалуы, жылдық ақылы еңбек демалысының берілу міндеттілігі) 2015 жылғы ҚР «Ең төменгі әлеуметтік стандарттар, кепілдіктер туралы» Заңында көзделгені айқындалған. Қазіргі кезде еңбек заңнамасының мақсаты болып (Еңбек кодексінің 3-бабының 1-тармағы) қызметкерлердің құқықтары мен бостандықтарының ең төменгі кепілдіктерін белгілеу ретінде айқындалған.

Ендігі жағдайда, жаңа форматта, еңбек құқығының мақсаты, міндеті жаңа Конституцияның талаптарына сәйкестендірілуі тиіс, яғни әрбір адамның нәтижелі жұмыспен қамтылуы, лауазымға қабылдану, еңбек жағдайларын дұрыс айқындау рәсімдерінің заңнамалық түрде бекітілуі қажет.

Еңбек кодексінің 17-18 баптарымен еңбек инспекцияларының, жергілікті мемлекеттік органдардың уәкілеттіліктері, 191-198 баптарымен еңбек инспекцияларының құзіреті айқындалған.

Қазақстан Республикасы Президентінің 2021 жылғы 26 ақпандағы №522 Жарлығымен бекітілген **Қазақстан Республикасында мемлекеттік басқаруды дамытудың 2030 жылға дейінгі Тұжырымдамасына** сәйкес бақылаушы және қадағалаушы органдар тарапынан жұмыс берушілердің, кәсіпкерлердің қызметіне араласу **мемлекеттік реттеуден шектен тыс болмауына** ерекше назар аударылды, осы талаптар ескіріліп жаңа заңдар қабылдануда, қолданыстағы заңдарға қажетті өзгерістер енгізілуде (Жарлық, 2021).

Дегенмен халықтың тұрмыстық, әлеуметтік жағдайын жақсартуда осы бағыттағы міндеттердің мемлекет тарапынан қамтамасыз етілуі өте өзекті екендігі мәлім жағдай.

Екінші бағыты. Ұжымдық, шартты еңбек, әлеуметтік қатынастары. Еңбек кодексінде жұмыс берушінің, барша қызметкерлердің қатысуымен еңбек қатынастарының ұжымдық шарттық реттелуіне басымдық берілген. Ұжымдық шарттарды дайындауда міндетті түрде әлеуметтік әріптестер мен бекітілетін республикалық, салалық және аумақтық келісімдер негізге алынуға тиіс. Кәсіптік одақтың қатысуымен жұмыс берушілер жариялылық тәртіпте айқындалған заңнамалық талаптарға қайшы келмейтін өзара қолайлы еңбек жағдайларын анықтау мақсатында бірлесіп шешімдер қабылдауға міндетті, **басты құқтық механизмі-ұжымдық шарт.**

Сонымен қатар, осы бағытта тараптардың бірлесіп қабылдайтын шешімдері, жұмыс берушінің кәсіптік одақтың пікірін ескеріп қабылдайтын актілері Еңбек кодексінде

нақтылануға тиіс. Еңбек кодексіне, тек қана соңғы 6 (алты) жылда, он бір заңдармен өзгерістер, толықтырулар енгізілді. Ол заңдардың қабылдануларына негіз болған тұжырымдар әр жылғы Қазақстан Республикасы Президентінің жолдауларында айқындалды.

Еңбек саласындағы негізгі міндеттер (ЕК-нің 3-бабының 2-тармағы) еңбек қатынастарын реттеуде тараптардың мүдделерінің теңгеріміне қол жеткізу, осы бағытта **қажетті өндірістік әлеуметтік-экономикалық жағдайларды айқындап шешімдер қабылдау болып табылады.** Кәсіподақтың негізгі міндеттері-жұмыс берушінің алдында **кәсіподақ құрамында болатын қызметкерлердің мүдделерін білдіру**, ұйым, өңірлер, сала деңгейлерінде бірлесіп іс – шаралар өткізу, еңбек, халықты әлеуметтік қорғау туралы заңнама нормаларының дұрыс қолданылуына қоғамдық бақылауды жүзеге асыру болып табылады.

Тәжірибеде кәсіподақтар қызметінде жиі туындайтын мәселелердің қатарында: 1) ұжымдық шарттың маңызы, сол шартта айқындалатын жеңілдіктер, кепілдіктер, олардың қызметкерлерге қолданылу талаптарын анықтау; 2) кәсіподақтардың еңбек қатынастарын реттеудегі орны, оларға қызметкерлердің бірігу мәселелері; 3) жұмыс берушілердің және қызметкерлердің ұйым деңгейінде өзара құқықтары мен заңды мүдделерін анықтауда өзара ынтымақтастықта болуы, ол үшін еңбек, әлеуметтік-экономикалық қатынастардың ұжымдық, шарттық құқықтық реттелу ерекшеліктерін жетік білулері болып табылады.

Кәсіподақтардың қызметінде ҚР 2023 жылғы 2 қазанындағы №30-VIII «Қоғамдық бақылау туралы» Заңы қолданылады. Осы Заңда айқындалғандай қоғамдық бақылау субъектілері мен қоғамдық маңызы бар шешімдер қабылдайтын, қоғамдық мүдделермен шектесетін іс-әрекеттер бойынша мемлекеттік органдар, квазимемлекеттік субъектілері, не мемлекеттік тапсырыстарды орындайтын субъектілердің қызметтері қоғамдық бақылауда болатын объектілер болып танылады (1-баптың 4) тармақшасы) (Заң, 2023).

Қоғамдық бақылауды (1-баптың 5) тармақшасы) ҚР азаматтары, коммерциялық емес ұйымдар, заңдарға сәйкес өзге де субъектілер жүзеге асырады. Қоғамдық бақылау нәтижелері бойынша қабылданылатын шешімдер – хаттама әзірлеу, қорытынды жасау (беру), ұсыным және өзге де құжаттармен рәсімделеді (1 баптың 3) тармақшасы).

Осы Заңның қабылдануында көзделген мақсат (4-бап) – ҚР азаматтарын мемлекеттік маңызды істерді, қызмет түрлерін басқаруға қатысуын қамтамасыз ету. Міндеттер: 1) азаматтарды қоғамдық бақылау процессіне тарту; 2) ҚР-ның жалпыұлттық басымдықтары шеңберінде орындалатын жобалардың сапалы іске асырылуын қамтамасыз ету; 3) қоғамдық бақылауда болатын объектілер бойынша шешімдер қабылдаған кезде қоғамдық пікірдің ескерілуін; 4) олардың қызметтерінің ашықтығын, айқындығын; 5) қоғамдық бақылау субъектілері мен объектілерінің өзара іс-қимылын қамтамасыз ету; 6) қабылданатын шешімдер мен іс-қимылдардың тиімділігін арттыру, олар бойынша азаматтардың сенімділік деңгейін арттыру болып табылады.

Кәсіподақтар әлеуметтік әріптестік жүйесінің негізгі субъектілері ретінде қызметкерлер ұжымдарымен қажетті жұмыстарды жүргізуге, биліктің, заң шығарушы, атқарушы, құқық қорғау, сот органдарымен, жұмыс берушілер-кәсіпкерлер бірлестіктерімен үнемі тұрақты диалог жүргізіп отыруға міндетті.

Кәсіподақтар әлеуметтік әріптестермен қабылданатын, бекітілетін бас келісім негізінде салалық, өңірлік келісімдердің орындалуына мониторинг жүргізуге, әлеуметтік әріптестікті дамытуда барлық тараптардың мүдделерін үйлестіру үшін қажетті шешімдер қабылдауға міндетті. Әлеуметтік келісімдер, ұжымдық шарттар (локалдық деңгейде) еңбек қатынастарын реттеуде тараптардың маңызды құралдары болып табылады, олардың негізінде еңбек қатынастары, қызметкерлерді әлеуметтік қамсыздандыру, түрлі бағыттағы әлеуметтік-экономикалық мәселелер бойынша шешім қабылдауға, еңбек дауларының алдын алу, оларды сапалы шешу бағытында жұмыс берушілермен біргелікті қажетті шешімдер қабылдауға міндетті.

Осы бағыттағы негізгі міндет – ұжымда әлеуметтік тұрақтылық пен қоғамдық келісімді қамтамасыз ету, заңдылық қағидаттарын сақтау болып табылады.

Еңбек қатынастарының үшінші бағыты. Жекелеген келісімді еңбек қатынастары.

Жұмыс берушімен қызметкерлер арасында туындайтын жекелік қатынастар еңбек заңнамасына, әлеуметтік әріптестердің келісімдеріне, **ұжымдық шартқа және басқа да құжаттарға негізделген еңбек шарттары, жұмыс берушінің актілері негізінде реттеледі.**

Ұжымдық шарттың маңызы. Республикалық деңгейдегі бас келісім негізінде сала, өңір, кәсіпорындар деңгейлерінде әлеуметтік әріптестікті дамыту бағытындағы тиісті қағидалар сол салалық және өңірлік келісімдерде қамтылуға тиіс. ҚР ЕК-нің 152-бабына және 153-бабының 6-тармағына сәйкес салалық және өңірлік келісімдерде еңбек қатынастарын реттеу, қызметкерлерді барынша қолдау, әлеуметтік-еңбек жанжалдарының алдын алу, жұмыс берушілер мен қызметкерлердің өкілдеріне еңбек дауларын реттеуге, жәрдемдесуге бағытталған ережелер қамтылуға тиіс.

ҚР ЕК-нің 154 және 155-бабының 6-тармағына сәйкес келісімдердің (бас, салалық және өңірлік), ұжымдық шарттардың іске асырылуына ішкі және сыртқы бақылауды әлеуметтік әріптестер (өз бағыттары бойынша, оларға жүктелген міндеттер ескеріліп) бірлесіп жүзеге асырады. Қызметкерлердің салалық бірлестіктері-кәсіподақтар, олардың органдары кәсіпорындар деңгейінде еңбек заңнамасының, өзге де заңнамалық актілердің нормаларының дұрыс қолдануларына қоғамдық бақылауды жүзеге асыруға, қызметкерлерге, басқа да тұлғаларға құқықтық көмек көрсетуге тиіс.

ҚР «Кәсіптік одақтар туралы» Заңының (бұдан әрі - Заң) 9-бабы 1-тармағының 6) тармақшасына сәйкес **кәсіподақ мүшелері әлеуметтік әріптестік органдарының, салалық, аумақтық, жергілікті кәсіподақтар бірлестіктерінің, олардың филиалдарының шешімдерін мүлтіксіз орындаулары қажет** (Заң, 2014).

Барлық деңгейдегі әлеуметтік әріптестердің тиісті келісімдері, ұжымдық шарттар негізінде, ҚР ЕК-нің 148-158-баптарымен айқындалған тәртіпте, еңбек, әлеуметтік-экономикалық, өндірістік қатынастар үнемі сапалы реттеліп отырылуға тиіс. Кәсіподақтармен қатар, үкіметтік емес басқа да қоғамдық ұйымдар-азаматтық қоғамның институттары бола отырып қоғамның мүддесін, азаматтардың құқықтарын қорғау бағытындағы қызметтерін, заңнамамен айқындалған міндеттерін іске асыруға міндетті. Осы мәселе бойынша көптеген сұрақтар шешілмеуде.

Осы бағытта Қазақстанның Азаматтық Альянсының президенті Бану Нургазиева келесідей пікірін білдірген: 1950 жылы 27 ақпанда БҰҰ-ның Резолюциясында алғаш рет «Үкіметтік емес ұйымдар» ұғымы енгізілді. 2014 жылдың 27 ақпанында БҰҰ-ы деңгейінде 27 ақпан күні Халықаралық үкіметтік емес ұйымдарының күні болып белгіленді. Бүгінгі таңда азаматтық құқықтарды қорғауда заң кеңесшілер және адвокаттық палаталар, коллегиялар, кәсіподақтар өз қызметін өздері реттейтін ұйымдар болып барлық мемлекеттерде қызметтерін атқарады» (Нургазиева, 2024).

Еңбек жағдайдарын анықтауда, Еңбек кодексінің 12-бабына, Заңға, салалық және өңірлік келісімдерге, ұжымдық шарттарға сәйкес қызметкерлердің еңбек жағдайларына, персоналды, қызметкерлер құрамын басқаруға, олардың біліктіліктерін арттыруға, барлық әлеуметтік мәселелерді шешуге қатысты жұмыс берушілердің актілері қызметкерлердің өкілді органы – кәсіподақпен бірлесе отырып (олардың пікірлері ескеріліп) қабылдануға тиіс. Осы аспектідегі ережелер барлық салалық, өңірлік келісімдерде қамтылған. Сол актілерде, не аталмыш келісімдермен, ұжымдық шарттармен өндірістік орта, санитарлық - экологиялық, техникалық талаптар, зиянды өндірістік факторлар ескерілуге тиіс. Осындай іс – шаралар бойынша жұмсалатын қаражат ұйымдардың бюджеттерінде ескерілуге тиіс.

Ұжымдық шарттың кәсіподақ мүшелері емес қызметкерлерге қолданылуы, олардың кәсіподақтар арқылы ұжымдық шартқа қосылу жөніндегі ережелер ҚР ЕК 20-бабында және 158-бабының 3-тармағымен айқындалған. Кәсіподақ органының келісімінсіз, оған қандай да бір міндетті, сонымен қатар мемлекеттік функцияны жүктеуге, оның қызметіне басқа кәсіподақтар бірлестігінің, мемлекеттік органның, жұмыс берушілердің кедергі келтіруіне жол берілмейді (ҚР Конституциясының 5-бабының 2-тармағы, Заңның 5-бабының 2 және 3-тармақтары), яғни, негізінде, қоғамдық мүддеге қайшы келетін қандайда бір шектеулер қоюға бағытталған әрекеттерге тиым салынған. Дегенмен «шектеулер»,

«біргелікті қызмет», «мүмкіндіктер», «біргелікті шешім» қағидаларын тәжірибеде дұрыс қолдану талаптары құқықтық реттеуден тыс қалуда.

Формальдық аспектіде, кәсіподақ мүшелері болып танылмайтын қызметкерлердің құқықтары мен заңды мүдделерін кәсіподақ (ҚР ЕК 20-бабы) білдіре алады, **бірақ міндетті емес**. Ұжымдық шарттың қандай тұлғаларға қатысты қолданылатындығы барлық жағдайларда кәсіподақпен анықталады, өйткені кәсіптік одаққа мүше қызметкерлердің атынан ұжымдық шартты растайтын, оған қол қоятын екінші тарап – уәкілетті кәсіподақ басшысы (Нұрғазиева, 2024).

Кәсіподақ мүшесі болып танылмайтын қызметкерлерге ұжымдық шартпен айқындалған жеңілдіктер, кепілдіктер мен өтемақыларды қолдану (158-баптың 3-тармағы, 156-баптың 4-тармағының екінші бөлігі, Заңның 20-бабының 1-тармағы) **шарттық негізде, кәсіподақтың келісімімен ғана жол беріледі**. Мұндай қорытынды кәсіподаққа мүшелік қағидатына, қоғамдық мүдденің ескерілу талаптарына, кәсіподақтардың мүдделерін ескеру, құқықтарын қорғау қағидаттарына негізделген. Кәсіподақ мүшелерінің еңбек және өзге де құқықтарын қорғауға байланысты кәсіподақтардың өкілеттіктері Заңның 18-бабында ішінара айқындалған (толық, объективті емес).

Жоғарыда айқындалған талаптар сақталған жағдайда, кәсіпорындар деңгейінде, қаржылық заң бұзушылықтарға жол берілмейді. Осы мәселелер мемлекеттік аудиттің, мәслихаттардың тексеру комиссияларының бақылау объектісі болып табылады.

Осы мәселеге қатысты ҚР Еңбек және халықты әлеуметтік қорғау министірлігінің, кәсіподақтар жолдаған сұрауы бойынша, 2021 жылдың 9 наурызында жазбаша нысанында берілген жауабы, түсініктемесі бар. Министірлікпен келесідей тұжырым жасалған (жауап хат №671395): «кәсіподақ мүшесі болып табылмайтын қызметкерлерге ұжымдық шарт қолданылмайды, егер олардың мүдделерін білдіру үшін кәсіптік одақ органына олар өз атынан өкілеттік бермеген жағдайда».

Өкілеттілік беру мәселесі заңнамалық деңгейде нақты анықтауды қажет етеді. Кәсіподақтың келісім беруі-жазбаша нысанда рәсімделеді, тәжірибеде, ол үшін келесідей рәсімдер қолданылады: кәсіподақ мүшесі болып табылмайтын жұмыскер жазбаша арызын кәсіподақ органына табыс етеді, кейін – кәсіподақтың басқару органы (атқару комитеті, не кәсіптік одақ комитеті) сол арыз бойынша хаттамалық шешім қабылдайды (келісім беретіні, не бермейтіні жөнінде), ондай хаттамалық шешім жұмыс берушіге табыс етіледі. Осы сұрақтар ұжымдық шарттарда көзделуге тиіс.

Жекелік, ұжымдық еңбек дауларын шешуде кәсіптік одақтардың үлесі айтарлықтай, бірақ кәсіптік одақтармен осы бағыттағы жұмыстар сапалы жүргізілмеуде, негізгі себеп құқықтық негіздемелерінің әлсіздігінде.

Жекелеген еңбек дауларын қарайтын келісім комиссияларын құруда ескерілетін талаптар. ҚР ЕК-нің 159-бабы 3 тармағына сәйкес жұмыс берушімен және қызметкерлердің өкілді органымен **бекітілетін келісіммен не ұжымдық шартпен** жекелеген еңбек дауларын қарау жөніндегі келісім комиссиясын құру, қызметін реттеу ережелері анықталған. Сәйкесінше келісімде, не ұжымдық шартта келісім комиссиясының құрамы, комиссия төрағасын, хатшысын сайлау, шешім қабылдау рәсімі, комиссия қызметінің регламенті, тәртібі, қабылданатын шешімнің мазмұны, комиссия мүшелерінің уәкілеттілігі, сайлану мерзімі, оларға таралатын кепілдіктер, жеңілдіктер, комиссия қызметін ұйымдастыру жөніндегі мәселелер міндетті түрде **айқындалуға тиіс**. Мұндай келісімнің ұйымдар деңгейлерінде, жұмыс берушімен бекітілу қажеттілігі 2023 жылы ҚР ЕК-нің 159-бабының 3-тармағына енгізілген, міндетті болып саналады.

Осы талаптардың императивтік, міндетті болып танылатындығы ҚР Жоғарғы Сотының 2024 жылғы 28 қарашадағы №1 «Еңбек дауларын шешуде заңнаманы қолданудың кейбір сұрақтары туралы» Нормативтік қаулысының 3-тармағының жетінші бөлігінде айқындалған (Нормативтік қаулы, 2024).

Осы Жоғарғы Соттың Нормативтік қаулысының 3-тармағының алтыншы бөлігіне сәйкес: жекелеген еңбек дауының сотта қаралу барысында келісім комиссиясының қызметінің

зандылығы, легитимдігі, яғни ҚР ЕК-нің 159-бабының 3-тармағымен анықталған талаптардың сақталғандығына баға берілуге тиіс.

Қорытынды. Ұйым деңгейінде жұмыс берушінің актілерін дайындау үдерісіне қатысуда (ережелерді, кестелерді, бұйрық, өкімдерді дайындауда), ұжымдық шарттың мазмұнын анықтауда, өндірістік сұрақтарды біргелікті шешу, әлеуметтік-экономикалық, өндірістік мәселер бойынша шешімдер қабылдау жөніндегі ережелер ҚР Еңбек кодексінде, ҚР 2014 жылғы 27 маусымдағы №211-V «Кәсіптік одақтар туралы» Заңымен толықтай реттелмеген. Өндірістік (болуға ықтимал) тәуекелдердің алдын алу, сол мақсатта ішкі саясаттың дұрыс айқындалуы, болуға ықтимал дауларға дайын болу, оларды болдырмау түрлі әдістермен іске асырылады:

1. ұжымдық шарттарды дайындауда, ҚР ЕК-нің 153-бабына сәйкес, әлеуметтік әріптестердің келісімдерінде көзделген талаптар ескерілуге тиіс. Бас келісімде, салалық және аумақтық келісімдерде, ҚР ЕК-нің 154-бабының 4 тармағына сәйкес, Қазақстан аумағында қызметін атқаратын (осында тіркелген) шетел ұйымдарының филиалдары, өкілдіктеріне тең жағдайда қолданылады;

2. ұжымдық шарттың мазмұнын, құрылымын анықтауда ҚР ЕК-нің 157 бабының 1 және 2 тармақтары негізге алынады;

3. ҚР ЕК-нің 155-бабына сәйкес қызметкерлердің бірлестіктері қоғамдық бақылау қызметін атқарады;

4. ҚР ЕК-нің 20-бабының 1 және 2 тармақтарына сәйкес ұжым атынан олармен құрылған кәсіподақтар еңбек қатынастарын реттеуге қатысады;

5. ҚР ЕК-нің 158-бабының 3 тармағына сәйкес ұжымдық шарттың қандай қызметкерлерге қолданылатындығы сол шартта ескерілуге тиіс.

Әдебиеттер

- Еңбек кодексі, 2015 — Қазақстан Республикасының 2015 жылғы 23 қарашадағы № 414-V Еңбек кодексі // Егемен Қазақстан. — 2015. — 25 қараша. — № 226 (28704). [Kaz.]
- Жарлық, 2021 — Қазақстан Республикасы Президентінің 2021 жылғы 26 ақпандағы № 522 «Қазақстан Республикасында мемлекеттік басқаруды дамытудың 2030 жылға дейінгі тұжырымдамасын бекіту туралы» Жарлығы. [Электрон. ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35282626&activate_aoc=2 (: 21.06.2026). [Kaz.]
- Жарлық, 2025 — Қазақстан Республикасы Президентінің 2025 жылғы 5 қарашадағы № 1081 «Қазақстан Республикасы ішкі саясатының негізгі қағидаттарын, құндылықтарын мен бағыттарын бекіту туралы» Жарлығы. [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/U2500001081> (жүгінген күні: 21.06.2026). [Kaz.]
- Жолдау, 2021 — Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың 2021 жылғы 1 қыркүйектегі «Халық бірлігі және жүйелі реформалар — ел өркендеуінің берік негізі» атты Қазақстан халқына Жолдауы. [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2100002021> (жүгінген күні: 21.06.2026). [Kaz.]
- Жолдау, 2022 — Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың 2022 жылғы 1 қыркүйектегі «Әділетті мемлекет. Біртұтас ұлт. Берекелі қоғам» атты Қазақстан халқына Жолдауы. [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K220002022> (: 21.06.2026). [Kaz.]
- Жолдау, 2023 — Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың 2023 жылғы 1 қыркүйектегі «Әділетті Қазақстанның экономикалық бағдары» атты Қазақстан халқына Жолдауы. [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K230002023> (: 21.06.2026). [Kaz.]
- Жолдау, 2024 — Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың 2024 жылғы 2 қыркүйектегі «Әділетті Қазақстан: заң мен тәртіп, экономикалық өсім, қоғамдық оптимизм» атты Қазақстан халқына Жолдауы // Егемен Қазақстан. — 2024. — 3 қыркүйек. — № 169 (30898). [Kaz.]
- Заң, 2005а — Қазақстан Республикасының 2005 жылғы 21 қарашадағы № 87-III Заңы «Экономикалық, әлеуметтік және мәдени құқықтар туралы халықаралық пактіні ратификациялау туралы». [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z050000087> (: 21.06.2026). [Kaz.]
- Заң, 2005б — Қазақстан Республикасының 2005 жылғы 28 қарашадағы № 91-III Заңы «Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактіні ратификациялау туралы». [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z050000091> (: 21.06.2026). [Kaz.]
- Заң, 2014 — Қазақстан Республикасының 2014 жылғы 27 маусымдағы № 211-V Заңы «Кәсіптік одақтар туралы» // Егемен Қазақстан. — 2014. — 1 шілде. — № 127 (28351). [Kaz.]
- Заң, 2023 — Қазақстан Республикасының 2023 жылғы 2 қазандағы № 30-VIII Заңы «Қоғамдық бақылау туралы» // Егемен Қазақстан. — 2023. — 3 қазан. — № 188 (30667). [Kaz.]
- Заң, 2025 — Қазақстан Республикасының 2025 жылғы 20 қазандағы № 224-VIII ҚРЗ «Дамушы елдерді ерекше ескере отырып, ең төмен жалақыны белгілеу туралы конвенцияны (131-конвенция) ратификациялау туралы». [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2500000224> (жүгінген күні: 21.06.2026). [Kaz.]
- Конституция, 1995 — Қазақстан Республикасының Конституциясы 1995 жылғы 30 тамыздағы республикалық референдумда қабылданды (19.09.2022 ж. жағдай бойынша өзгерістер мен толықтырулармен). [Электрон. ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51005029&activate_aoc=2 (: 21.06.2026). [Kaz.]
- Нормативтік қаулы, 2024 — Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2024 жылғы 28 қарашадағы № 1 «Соттардың еңбек дауларын шешу кезінде заңнаманы қолдануының кейбір мәселелері туралы» нормативтік қаулысы. [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P240000001S> (жүгінген күні: 21.06.2026). [Kaz.]
- Нұрғазиева, 2024 — Бану Нұрғазиева: Үкіметтік емес ұйымдар мемлекеттің толыққанды әріптесіне айналуы тиіс // Литер. — 2024. — № 36 (4434). — 4 сәуір. [Russ.]

References

- Enbek kodeksi, 2015 — Kazakhstan Respublikasynyn 2015 zhylgy 23 karashadagy № 414-V Enbek kodeksi [Labour Code of the Republic of Kazakhstan]. Egemen Kazakhstan. November 25, 2015. No. 226 (28704). [in Kaz.]
- Konstituciya, 1995 — Konstituciya Kazakhstan Respublikasynyn 1995 zhylgy 30 tamyzdady respublikalyk referendumda kabyldandy (19.09.2022 zh. zhagday boynsha ozgerister men tolyktyrularymen). [Elektron. resurs]. URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51005029&activate_doc=2\(dataobrashcheniya:21.06.2026\).\[inKaz.\]](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51005029&activate_doc=2(dataobrashcheniya:21.06.2026).[inKaz.])
- Normativtik kauly, 2024 — Kazakhstan Respublikasy Zhogargy Sotynyn 2024 zhylgy 28 karashadagy № 1 «Sottardyn enbek daularyn sheshu kezinde zannamany koldanuynyn keibir maseleleri turaly» normativtik kaulysy [Normative Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan No. 1 of November 28, 2024 “On Certain Issues of Application of Legislation by Courts in Resolving Labour Disputes”]. [Elektron. resurs]. URL: [https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P240000001S\(dataobrashcheniya:21.06.2026\).\[inKaz.\]](https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P240000001S(dataobrashcheniya:21.06.2026).[inKaz.])
- Nurgazieva, 2024 — Banu Nurgazieva: Ukimettik emes uymdar memlekettin tolykkandy ariptidesine ainaluy tiis [Non-Governmental Organizations Should Become Full-Fledged Partners of the State] // Liter. 2024. No. 36 (4434). April 4. [in Kaz.]
- Zan, 2005a — Kazakhstan Respublikasynyn 2005 zhylgy 21 karashadagy № 87-III Zany «Ekonomikalyk, aleumettik zhane madeni kukyktar turaly khalykaralyk paktti ratifikatsiyalau turaly» [Law of the Republic of Kazakhstan on Ratification of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights]. [Elektron. resurs]. URL: [https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z050000087\(dataobrashcheniya:21.06.2026\).\[inKaz.\]](https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z050000087(dataobrashcheniya:21.06.2026).[inKaz.])
- Zan, 2005b — Kazakhstan Respublikasynyn 2005 zhylgy 28 karashadagy № 91-III Zany «Azamatykh zhane sayasi kukyktar turaly khalykaralyk paktti ratifikatsiyalau turaly» [Law of the Republic of Kazakhstan on Ratification of the International Covenant on Civil and Political Rights]. [Elektron. resurs]. URL: [https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z050000091\(dataobrashcheniya:21.06.2026\).\[inKaz.\]](https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z050000091(dataobrashcheniya:21.06.2026).[inKaz.])
- Zan, 2014 — Kazakhstan Respublikasynyn 2014 zhylgy 27 mausymdady № 211-V Zany «Kasiptik odaktar turaly» [Law of the Republic of Kazakhstan “On Trade Unions”] // Egemen Kazakhstan. July 1, 2014. No. 127 (28351). [in Kaz.]
- Zan, 2023 — Kazakhstan Respublikasynyn 2023 zhylgy 2 kazandagy № 30-VIII Zany «Kogamdyk bakylau turaly» [Law of the Republic of Kazakhstan “On Public Control”] // Egemen Kazakhstan. October 3, 2023. No. 188 (30667). [in Kaz.]
- Zan, 2025 — Kazakhstan Respublikasynyn 2025 zhylgy 20 kazandagy № 224-VIII KRZ «Damushy elderdi erekshe eskere otyryp, en tomengi zhalakyny belgileu turaly konventsiiyany (131-konventsiiya) ratifikatsiyalau turaly» [Law of the Republic of Kazakhstan on Ratification of Convention No. 131 concerning Minimum Wage Fixing, with Special Reference to Developing Countries]. [Elektron. resurs]. URL: [https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2500000224\(dataobrashcheniya:21.06.2026\).\[inKaz.\]](https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2500000224(dataobrashcheniya:21.06.2026).[inKaz.])
- Zharlyk, 2021 — Kazakhstan Respublikasy Prezidentinin 2021 zhylgy 26 akpandagy № 522 «Kazakhstan Respublikasynda memlekettik baskarudy damytudyn 2030 zhylga deiingi tuzhyrymdamasy bekitu turaly» [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan on Approval of the Concept for the Development of Public Administration until 2030]. [Elektron. resurs]. URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35282626&activate_doc=2\(dataobrashcheniya:21.06.2026\).\[inKaz.\]](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35282626&activate_doc=2(dataobrashcheniya:21.06.2026).[inKaz.])
- Zharlyk, 2025 — Kazakhstan Respublikasy Prezidentinin 2025 zhylgy 5 karashadagy № 1081 «Kazakhstan Respublikasy ishki sayasatynyn negizgi kagidattaryn, kundylyktary men bagyttaryn bekitu turaly» [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan on Approval of the Basic Principles, Values and Directions of Domestic Policy]. [Elektron. resurs]. URL: [https://adilet.zan.kz/kaz/docs/U2500001081\(dataobrashcheniya:21.06.2026\).\[inKaz.\]](https://adilet.zan.kz/kaz/docs/U2500001081(dataobrashcheniya:21.06.2026).[inKaz.])
- Zholdau, 2021 — Tokayev K.-J. Halyk birligi zhane zhuili reformalar – el orkendeuinin berik negizi [People's Unity and Systemic Reforms – the Solid Foundation of National Prosperity]. Address to the People of Kazakhstan. September 1, 2021. [Elektron. resurs]. URL: [https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2100002021\(dataobrashcheniya:21.06.2026\).\[inKaz.\]](https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2100002021(dataobrashcheniya:21.06.2026).[inKaz.])
- Zholdau, 2022 — Tokayev K.-J. Adiletti memleket. Birtutas ult. Berekeli kogam [A Just State. One Nation. Prosperous Society]. Address to the People of Kazakhstan. September 1, 2022. [Elektron. resurs]. URL: [https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K22002022_2\(dataobrashcheniya:21.06.2026\).\[inKaz.\]](https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K22002022_2(dataobrashcheniya:21.06.2026).[inKaz.])
- Zholdau, 2023 — Tokayev K.-J. Adiletti Kazakhstannyn ekonomikalyk bagdary [Economic Course of a Just Kazakhstan]. Address to the People of Kazakhstan. September 1, 2023. [Elektron. resurs]. URL: [https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K23002023_1\(dataobrashcheniya:21.06.2026\).\[inKaz.\]](https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K23002023_1(dataobrashcheniya:21.06.2026).[inKaz.])
- Zholdau, 2024 — Tokayev K.-J. Adiletti Kazakhstan: zan men tartip, ekonomikalyk osim, kogamdyk optimizm [Just Kazakhstan: Law and Order, Economic Growth and Public Optimism] // Egemen Kazakhstan. September 3, 2024. No. 169 (30898). [in Kaz.]

Уголовное право, уголовный процесс, уголовно-исполнительное право**МРНТИ 10.79.01**DOI: <https://doi.org/10.62687/VLJ.2.2.2026.51>**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ПОДАЧУ ОБРАЩЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЭЛЕКТРОННОГО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА****А.А. Прокопова***

Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, Караганда, Республика Казахстан
*e-mail: anya.prokopova@gmail.com

А.А. Прокопова – кандидат юридических наук, ассоциированный профессор (доцент), профессор кафедры уголовного процесса Карагандинской академии МВД РК им. Б. Бейсенова; Караганда, Республика Казахстан; e-mail: anya.prokopova@gmail.com; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3478-0052>

Аннотация. В статье исследуется реализация права на подачу обращений в условиях электронного досудебного производства в Республике Казахстан. Предметом анализа выступает Публичный сектор Единого реестра досудебных расследований (далее – ПС ЕРДР) как цифровая форма подачи заявлений, ходатайств и жалоб участниками уголовного процесса. Цель исследования состоит в определении процессуального значения ПС ЕРДР и в обосновании того, что его роль не сводится к технической передаче документа, а выражается в изменении механизма реализации права на обращение. В работе использованы положения УПК РК, подзаконные акты Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, а также научные труды, посвященные цифровизации уголовного процесса и институту процессуальных обращений. В результате установлено, что ПС ЕРДР не создает нового субъективного права, а обеспечивает цифровую форму реализации уже закрепленного законом права на подачу обращений. Сделан вывод, что значение ПС ЕРДР проявляется в усилении фиксируемости, обозримости, контролируемости обращения и его связанности с электронным уголовным делом. Одновременно показано, что эффективность данной модели зависит от доступности цифровой инфраструктуры, соблюдения конфиденциальности и реального рассмотрения обращения по существу.

Ключевые слова: право на обращение, электронное досудебное производство, Публичный сектор ЕРДР, заявление, ходатайство, жалоба, цифровизация уголовного процесса.

ЭЛЕКТРОНДЫ СОТҚА ДЕЙІНГІ ІС ЖҮРГІЗУ ЖАҒДАЙЫНДА ӨТІНІШТЕР БЕРУ ҚҰҚЫҒЫН ІСКЕ АСЫРУ**А.А. Прокопова***

Қазақстан Республикасы ІІМ Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы, Қарағанды,
Қазақстан Республикасы
*e-mail: anya.prokopova@gmail.com

А.А. Прокопова – заң ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор (доцент), Қазақстан Республикасы ІІМ Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясының қылмыстық процесс кафедрасының профессоры; Қарағанды, Қазақстан Республикасы; e-mail: anya.prokopova@gmail.com; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3478-0052>

Аңдатпа. Мақалада Қазақстан Республикасындағы электронды сотқа дейінгі іс жүргізу жағдайында өтініштер беру құқығын іске асыру мәселесі зерттеледі. Талдау нысаны ретінде қылмыстық процестің қатысушыларының арыздарды, өтінішхаттарды және шағымдарды беруінің цифрлық нысаны болып табылатын Сотқа дейінгі тергеп-тексерудің бірыңғай тізілімінің жария секторы (бұдан әрі – СДТБТ ЖС) қарастырылады. Зерттеудің мақсаты –

СДТБТ ЖС-ның процестік маңызын айқындау және оның рөлі құжатты техникалық түрде жеткізумен шектелмей, өтініш беру құқығын іске асыру тетігінің өзгеруінен көрінетінін негіздеу. Жұмыста Қазақстан Республикасы ҚПК-нің ережелері, Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының заңға тәуелді актілері, сондай-ақ қылмыстық процесті цифрландыруға және процестік өтініштер институтына арналған ғылыми еңбектер пайдаланылды. Зерттеу нәтижесінде СДТБТ ЖС жаңа субъективтік құқық тудырмайтыны, керісінше, заңмен бекітілген өтініштер беру құқығын іске асырудың цифрлық нысанын қамтамасыз ететіні анықталды. СДТБТ ЖС-ның маңызы өтініштің тіркелуін, көрнекілігін, бақылануын күшейтуде және оның электрондық қылмыстық іспен байланыстылығында көрінетіні туралы қорытынды жасалды. Сонымен қатар, бұл модельдің тиімділігі цифрлық инфрақұрылымның қолжетімділігіне, құпиялылықтың сақталуына және өтініштің мәні бойынша нақты қаралуына тәуелді екені көрсетілді.

Түйін сөздер: өтініш беру құқығы, электронды сотқа дейінгі іс жүргізу, СДТБТ-ның жария секторы, арыз, өтінішхат, шағым, қылмыстық процесті цифрландыру.

REALIZATION OF THE RIGHT TO SUBMIT PETITIONS IN THE CONTEXT OF ELECTRONIC PRE-TRIAL PROCEEDINGS

A.A. Prokopova*

B. Beisenov Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan,
Karaganda, Republic of Kazakhstan
*e-mail: anya.prokopova@gmail.com

A.A. Prokopova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure at the B. Beisenov Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan; Karaganda, Republic of Kazakhstan; e-mail: anya.prokopova@gmail.com; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3478-0052>

Abstract. The article examines the realization of the right to submit petitions in the context of electronic pre-trial proceedings in the Republic of Kazakhstan. The subject of analysis is the Public Sector of the Unified Register of Pre-Trial Investigations (hereinafter, PS URPTI) as a digital form for filing statements, motions, and complaints by participants in criminal proceedings. The purpose of the study is to determine the procedural significance of the PS URPTI and to substantiate that its role is not limited to the technical transmission of a document, but is expressed in changing the mechanism for exercising the right to petition. The study relies on the provisions of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan, subordinate acts of the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, and scholarly works devoted to the digitalization of criminal procedure and the institution of procedural petitions. The study concludes that the PS URPTI does not create a new subjective right, but provides a digital form for exercising the right to submit petitions already established by law. It is concluded that the significance of the PS URPTI lies in strengthening the fixability, visibility, controllability of petitions, and their connection with the electronic criminal case. At the same time, it is shown that the effectiveness of this model depends on the accessibility of digital infrastructure, compliance with confidentiality requirements, and the actual consideration of the petition on its merits.

Keywords: right to petition, electronic pre-trial proceedings, Public Sector of the Unified Register of Pre-Trial Investigations, statement, motion, complaint, digitalization of criminal procedure.

Введение. Цифровизация уголовного судопроизводства в Республике Казахстан затронула не только техническую сторону документооборота, но и сам механизм процессуального взаимодействия между органом досудебного расследования и участниками процесса. В этой связи особый интерес представляет ПС ЕРДР, поскольку именно через него цифровая инфраструктура непосредственно связана с реализацией процессуальных прав частных участников. В действующей модели ПС ЕРДР обеспечивает подачу заявлений,

ходатайств и жалоб, доступ к сведениям о принятых процессуальных решениях, а также удаленный доступ к материалам уголовного дела в отношении себя или защищаемого лица.

Право на обращение в уголовном процессе реализуется прежде всего через заявление, ходатайство и жалобу. Несмотря на различие их непосредственной процессуальной функции, все они служат средствами инициирования обязательной правовой реакции со стороны государства. Поэтому вопрос о цифровой форме их подачи не сводится к техническому удобству, а затрагивает порядок реализации самого процессуального права на обращение.

Актуальность темы обусловлена тем, что в условиях перехода от бумажной модели к электронной изменяется не только способ направления обращения, но и форма его существования внутри уголовного процесса. В цифровой среде обращение приобретает свойства фиксируемости, временной определенности и большей обзорности. Это позволяет рассматривать ПС ЕРДР не как нейтральный интерфейс передачи документов, а как специальную форму реализации уже закрепленного в законе права на подачу обращений.

Научный интерес к теме определяется и тем, что в литературе достаточно подробно исследованы общие вопросы цифровизации уголовного процесса, электронного уголовного дела, электронных документов и электронных обращений. Однако ПС ЕРДР обычно рассматривается лишь как элемент общей цифровой инфраструктуры, тогда как его значение именно как формы реализации права на подачу обращений остается раскрытым лишь частично. Цель статьи состоит в определении процессуального значения ПС ЕРДР в механизме реализации данного права и в обосновании того, что его роль не исчерпывается сервисной передачей документа, а включает фиксацию, обзорность и контролируемость движения обращения в электронном контуре уголовного процесса.

Материалы и методы исследования. Материальную основу исследования составили положения главы 13 УПК РК, а также подзаконные акты Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, регулирующие ведение ЕРДР и уголовного судопроизводства в электронном формате. В качестве доктринальной базы использованы научные труды, посвященные цифровизации уголовного процесса, сущности процессуальных обращений, электронной жалобе, электронным документам и цифровой трансформации института обращений. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системно-структурный, функциональный и сравнительно-правовой методы, примененные для анализа нормативной регламентации права на обращение, определения места ПС ЕРДР в системе электронного досудебного производства и сопоставления традиционной и цифровой форм реализации права на подачу обращений.

Результаты исследования и их обсуждение. Право на подачу обращений занимает самостоятельное место в системе процессуальных прав участников уголовного судопроизводства. Прежде всего это проявляется в институте заявления об уголовном правонарушении, поскольку именно с него во многих случаях начинается процессуальная деятельность государства. Закон прямо предусматривает, что заявление физического лица об уголовном правонарушении может быть устным, письменным либо поданным в форме электронного документа (ч. 1 ст. 181 УПК РК). Уже на этом уровне обращение приобретает значение юридического факта, способного повлечь обязательную процессуальную реакцию уполномоченного органа.

Дальнейшее развитие данное право получает в институтах ходатайства и жалобы. Участники процесса вправе заявлять ходатайства о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений в целях установления обстоятельств, имеющих значение для дела, а также для обеспечения своих прав и законных интересов (ст. 99 УПК РК). Закон допускает заявление ходатайства на любой стадии процесса и обязывает разрешить его незамедлительно либо в установленный срок с вынесением мотивированного решения в случае полного или частичного отказа (ст. 99 УПК РК). Аналогичным образом урегулирован и институт жалобы: решения и действия органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, могут быть обжалованы участниками процесса и иными лицами, чьи интересы затрагиваются, а их рассмотрение обеспечивается

в общем, ведомственном и судебном порядке (ст. 100, 104–106 УПК РК). Следовательно, обращение в уголовном процессе выступает не как произвольная форма коммуникации с государственным органом, а как юридически значимый процессуальный акт, влекущий обязанность уполномоченного субъекта принять его, рассмотреть и разрешить в установленном законом порядке. Именно поэтому вопрос о цифровой форме подачи обращений должен рассматриваться с учетом их процессуальной природы и нормативно закрепленного режима обязательного разрешения.

В научной литературе обращение все более последовательно рассматривается не как вспомогательный акт коммуникации с органом расследования, а как самостоятельный способ реализации процессуального интереса участника. Именно на это указывает А.Ю. Сологубов, когда определяет уголовно-процессуальные обращения как главное правовое средство защиты прав и законных интересов на досудебных стадиях. Ценность этой позиции заключается в том, что заявление, ходатайство и жалоба понимаются не изолированно, а как взаимосвязанные формы обращения, через которые участник не просто сообщает определенные сведения, а инициирует обязательную процессуальную реакцию государства. Данный вывод имеет принципиальное значение, поскольку позволяет рассматривать ПС ЕРДР не как технический канал подачи отдельных документов, а как форму функционирования более общего института процессуальных обращений (Сологубов, 2024а: 122).

Вместе с тем М.Л. Сухотская, анализируя жалобу на досудебных стадиях, фактически выводит нас к еще одной важной мысли: обращение в уголовном процессе имеет не только коммуникативную, но и гарантийную природу. Жалоба, по ее обоснованному мнению, служит средством правовой оценки действий и решений органов, ведущих уголовный процесс, и способом восстановления нарушенных прав. Данная позиция показывает, что само по себе обращение уже включено в механизм защиты и потому не может оцениваться как свободное сообщение, оставленное на усмотрение адресата. Следовательно, при переходе к электронной форме необходимо выяснять не просто, стало ли обращение удобнее, а сохранило ли оно свое гарантийное содержание и усилилась ли возможность лица реально добиваться процессуальной реакции на него (Сухотская, 2020: 105).

В работах Д.А. Воронова, О.В. Химичевой и О.А. Мотяковой эта мысль получает дальнейшее развитие применительно к электронной форме обращения. Д.А. Воронов показывает, что электронный документ в досудебном производстве имеет значение не только как цифровой носитель, но и как средство более своевременного информирования участника и его включения в процессуальное взаимодействие. О.В. Химичева и О.А. Мотякова, в свою очередь, убеждают, что электронная жалоба не должна пониматься исключительно как технический способ передачи текста. Ее ценность определяется тем, влияет ли она на доступность права, на скорость его реализации и на организацию реакции уполномоченного органа. Данные работы позволяют сделать вывод, что цифровая форма обращения приобретает процессуальное значение лишь тогда, когда затрагивает не только канал связи, но и сам механизм реализации права на обращение (Воронов, 2020: 8–11; Химичева, Мотякова, 2021: 128).

Именно поэтому особое значение имеют работы А.Ю. Сологубова, посвященные цифровой трансформации института обращений. В них последовательно проводится мысль о том, что электронная форма обращения сохраняет правовой смысл только при наличии ряда обязательных условий: должна быть обеспечена идентификация заявителя, юридическая надежность подачи, определенность момента поступления обращения, исчисление сроков его рассмотрения и платформенная организованность его движения. Данная позиция особенно ценна, поскольку позволяет выйти за пределы общего тезиса о пользе цифровизации и поставить более точный вопрос: какие свойства должна иметь цифровая среда, чтобы обращение не утрачивало своей процессуальной природы. В этой связи, ПС ЕРДР можно рассматривать уже не как символ цифровой модернизации, а как потенциально завершенная модель процессуальной реализации права на подачу обращений (Сологубов, 2024а: 121; Сологубов, 2024б: 167; Сологубов, 2025: 102–103).

Сходный по значению вывод содержится и в работах Е.П. Шульгина, а также И.П. Можяевой и Е.П. Шульгина. Авторы показывают, что электронный формат досудебного производства не устраняет уголовно-процессуальную форму, а изменяет способы ее выражения и практического осуществления. Такой подход позволяет избежать упрощенного противопоставления права и технологии и рассматривать ПС ЕРДР не как внешний цифровой ресурс, а как один из способов процессуального оформления уже существующего права на подачу обращений. Иными словами, цифровая платформа получает правовое значение постольку, поскольку она встроена в процессуальную форму, а не заменяет ее (Можяева, Шульгин, 2021: 256).

Таким образом, обращение в уголовном процессе должно пониматься как самостоятельная форма реализации процессуального права, а его цифровая трансформация – как допустимая и юридически значимая лишь в той мере, в какой она сохраняет гарантийную природу обращения, обеспечивает его надлежащую фиксацию, обозримость движения и контролируемость рассмотрения. Именно в этой плоскости и должен оцениваться ПС ЕРДР. Не как технический инструмент подачи документов, а как форма реализации права на подачу обращений в условиях электронного досудебного производства.

Подзаконное регулирование конкретизирует эту конструкцию. В Правилах, утвержденных Приказом Генерального Прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 года № 89, ПС ЕРДР определен как функционал, позволяющий участнику уголовного процесса получать удаленный доступ к сведениям о принятых процессуальных решениях, материалам дела, а также подавать жалобы и ходатайства. Приказ № 2 от 3 января 2018 года, в свою очередь, включает функционирование публичного сектора в систему ведения уголовного судопроизводства в электронном формате. Тем самым нормативное определение ПС ЕРДР уже содержит три взаимосвязанных элемента: доступ к информации о решениях, доступ к материалам дела и возможность инициировать процессуальную реакцию посредством обращения. Иными словами, в самом тексте приказа публичный сектор понимается не как справочный ресурс, а как специальный канал удаленного участия в процессуальном взаимодействии.

Таким образом, можно сделать вывод, что ПС ЕРДР не создает нового субъективного права на подачу обращений. Он придает реализации этого права электронную форму. Иначе говоря, в бумажной модели участник вправе подать обращение, а орган обязан его рассмотреть. В цифровой модели это же право и эта же обязанность сохраняются, но их осуществление происходит в ином организационно-правовом контуре, где обращение получает электронную фиксацию, удаленный характер подачи, связанность с электронными формами процессуальных решений и возможность более высокой наблюдаемости его движения.

Изменение механизма реализации права на подачу обращений через ПС ЕРДР проявляется прежде всего в том, что обращение в электронной форме перестает быть только текстом, адресованным уполномоченному должностному лицу, и одновременно становится фиксируемым цифровым событием внутри процессуальной системы. В бумажной модели юридическое значение обращения связывается главным образом с фактом его подачи, приобщения к материалам дела, последующего разрешения и, при необходимости, обжалования вынесенного решения (Беляева, Кусаинова, Нургалиев, 2018).

Однако путь обращения между этими стадиями остается для участника процесса ограниченно обозримым. Он может знать, что ходатайство или жалоба направлены, но не всегда имеет реальную возможность наблюдать движение обращения, отслеживать стадию его рассмотрения и соотносить этот процесс с установленными законом сроками. В цифровой модели, основанной на ПС ЕРДР, право на обращение сохраняет ту же юридическую природу, но получает иную форму процессуального существования. Обращение начинает функционировать не только как просьба, требование или средство обжалования, но и как элемент электронного процессуального контура, движение которого поддается фиксации и последующей проверке.

Именно здесь проявляется первое свойство цифровой формы реализации права на

обращение — его фиксируемость. Поданное через ПС ЕРДР ходатайство или жалоба получают электронную фиксацию не только по содержанию, но и по самому факту их поступления, а также по моменту подачи. Для уголовного процесса это имеет самостоятельное значение, поскольку позволяет точнее установить, что право на обращение действительно было реализовано и в какой именно момент у уполномоченного субъекта возникла обязанность процессуального реагирования. В бумажной модели подтверждение этого обстоятельства обычно опирается на отметку о приеме, входящий номер, корешок уведомления либо последующий письменный ответ. Такая форма подтверждения сама по себе не является юридически слабой, однако она нередко зависит от внешних организационных действий и не всегда дает участнику достаточную уверенность в том, что обращение фактически включено в процессуальный оборот. В цифровой среде обращение фиксируется в рамках единого электронного контура, что снижает риск его утраты, игнорирования или возникновения спора о времени поступления. Следовательно, ПС ЕРДР усиливает не содержание самого права на обращение, а доказуемость и определенность факта его осуществления.

Не менее важным свойством выступает обозримость обращения. В традиционном порядке участник процесса, как правило, осведомлен лишь о том, что ходатайство или жалоба были направлены адресату, однако дальнейшее движение такого обращения часто остается для него скрытым внутри внутреннего служебного документооборота. На практике это означает, что лицо не всегда может понять, принято ли обращение к рассмотрению, кому именно оно передано, на какой стадии находится его разрешение и оформлен ли уже соответствующий процессуальный результат. В цифровой среде это положение меняется. Подача обращения через ПС ЕРДР создает более высокий уровень наблюдаемости его последующей процессуальной судьбы, поскольку обращение оказывается включенным в электронное дело и соотносится с дальнейшими действиями и решениями по нему. Речь, таким образом, идет не просто о техническом удобстве, а о повышении степени процессуальной видимости обращения для самого участника. Именно благодаря этому право на обращение получает не только формальную осуществимость, но и большую прозрачность в части своего дальнейшего движения (Зуев, Моругина, 2024).

Следующее свойство проявляется в контролируемости процессуальной реакции. Само по себе закрепление в законе права на обращение еще не гарантирует, что его реализация во всех случаях будет одинаково эффективной. Право существует постольку, поскольку существует и корреспондирующая ему обязанность уполномоченного органа принять обращение, рассмотреть его в установленный срок и довести результат до сведения заявителя. Использование ПС ЕРДР позволяет теснее связать подачу обращения с данной обязанностью, поскольку в цифровом формате становится легче проследить не только сам факт поступления обращения, но и процессуальную реакцию на него. В этом смысле контроль следует понимать не только как прокурорский или судебный надзор в его классическом значении, но и как более высокий уровень проверяемости того, каким образом была исполнена обязанность по разрешению обращения. Иначе говоря, цифровая форма делает такую реакцию менее закрытой и в определенной степени более подотчетной. Особенно важно, что в рамках досудебного производства, где значительная часть действий совершается вне непосредственного публичного наблюдения, подобная контролируемость приобретает самостоятельное гарантийное значение.

Наконец, существенное значение имеет связанность обращения с иными элементами электронного уголовного дела. Поданное через ПС ЕРДР ходатайство или жалоба не существуют изолированно, как отдельное сообщение, вырванное из контекста расследования, а включаются в общий цифровой контур досудебного производства. Это означает, что обращение оказывается сопряженным с материалами уголовного дела, принятыми процессуальными решениями, уведомлениями и иными электронными действиями, совершаемыми в системе. Для участника процесса такое включение особенно важно, поскольку право на обращение перестает быть единичным актом передачи документа и начинает функционировать как часть общей процессуальной динамики. Иначе говоря, цифровая среда позволяет рассматривать

обращение не как внешнее по отношению к делу сообщение, а как один из элементов внутренней процессуальной коммуникации, непосредственно связанный с движением уголовного дела. Именно это обстоятельство отличает ПС ЕРДР от обычных электронных сервисов приема обращений, не встроенных в структуру конкретного процессуального производства.

При этом перечисленные свойства не существуют изолированно друг от друга. Их значение проявляется именно в совокупности. Фиксируемость без обозримости сводила бы цифровую модель лишь к регистрации обращения. Обозримость без контролируемости не обеспечивала бы необходимой связи между обращением и обязанностью государства дать ответ. Связанность с электронным уголовным делом без надлежащей фиксации и наблюдаемости не создавала бы дополнительной процессуальной ценности по сравнению с обычной электронной перепиской. Только их сочетание позволяет утверждать, что обращение в ПС ЕРДР приобретает новую форму процессуального существования. Оно остается тем же по своей юридической природе правом на ходатайство или жалобу, однако получает иную степень определенности, встроенности в процессуальный контур и возможности последующей проверки.

Таким образом, именно совокупность обозначенных свойств позволяет рассматривать ПС ЕРДР не как технический канал передачи документа, а как цифровую форму реализации права на подачу обращений. Вместе с тем правовая ценность такой модели не является безусловной. Она зависит от фактической доступности цифровой формы, надлежащей идентификации заявителя, соблюдения требований конфиденциальности и того, приводит ли электронная фиксация обращения к его реальному рассмотрению по существу. Поэтому ПС ЕРДР следует рассматривать не как самостоятельную гарантию правильного разрешения каждого обращения, а как цифровую процессуальную форму, способную усилить реализацию права на подачу обращений при наличии необходимой нормативной и организационной обеспеченности.

С учетом сказанного представляется возможным сформулировать основной результат проведенного исследования. ПС ЕРДР представляет собой нормативно закреплённую цифровую форму реализации права на подачу обращений, поскольку он не создает нового субъективного права, а обеспечивает электронный способ осуществления уже закреплённых в УПК прав на подачу обращений. Его правовое значение проявляется в том, что обращение в электронной форме приобретает свойства фиксируемости, процессуальной обозримости, связности с электронным уголовным делом и большей контролируемости исполнения обязанности государства по его рассмотрению. Вместе с тем эффективность этой модели зависит от фактической доступности цифровой инфраструктуры, соблюдения режима конфиденциальности, исключения формального реагирования и придания электронной фиксации самостоятельной процессуальной значимости (Федулов, 2021).

Именно в этой плоскости, как представляется, и должна оцениваться дальнейшая эволюция ПС ЕРДР. Перспективным является не просто техническое расширение его функций, а такое развитие, при котором цифровая форма обращения будет последовательно усиливать процессуальные гарантии участника. Это предполагает, с одной стороны, дальнейшее нормативное уточнение места электронного обращения в системе уголовного процесса, а с другой - организационные решения, направленные на исключение разрыва между фиксацией обращения и его реальным рассмотрением по существу. Лишь при таком подходе ПС ЕРДР сможет рассматриваться не как удобное приложение к ЕРДР, а как подлинный элемент современной электронной процессуальной формы.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что право на подачу обращений в уголовном процессе имеет самостоятельное нормативное содержание и реализуется прежде всего через заявление, ходатайство и жалобу. Глава 13 УПК РК закрепляет не только возможность их подачи, но и обязанность уполномоченных субъектов их рассматривать, разрешать в установленные сроки, мотивировать отказ и обеспечивать дальнейшее обжалование принятых решений. Это означает, что обращение в уголовном

процессе представляет собой не технический акт передачи информации, а процессуально значимое средство защиты прав и законных интересов участников.

На этом фоне ПС ЕРДР должен рассматриваться как нормативно оформленная цифровая форма реализации права на подачу обращений. Он не создает нового субъективного права, а обеспечивает электронный способ осуществления уже закрепленных в законе процессуальных прав на ходатайство и жалобу. Его значение состоит в том, что обращение в электронной форме приобретает дополнительные свойства: фиксируемость, временную определенность, процессуальную обозримость движения, связанность с материалами электронного уголовного дела и повышенную контролируемость исполнения обязанности государства по его рассмотрению. Благодаря этому цифровая форма обращения усиливает не сущность права, а механизм его практического осуществления (Задорожная, 2018).

Вместе с тем правовая ценность ПС ЕРДР не является безусловной и автоматической. Она зависит от фактической доступности цифровой инфраструктуры для участников процесса, от недопустимости формального реагирования без разрешения обращения по существу, от соблюдения требований конфиденциальности и информационной безопасности, а также от того, приобретает ли электронная фиксация самостоятельное процессуальное значение, а не остается лишь дополнительной оболочкой бумажного документооборота. Следовательно, дальнейшее развитие ПС ЕРДР должно оцениваться не только с позиций технологического удобства, но прежде всего через призму усиления процессуальных гарантий и повышения юридической определенности реализации права на подачу обращений.

Литература

- Беляева, Кусаинова, Нургалиев, 2018 — Беляева И.М., Кусаинова А.К., Нургалиев Б.М. Проблемы внедрения электронного формата уголовного расследования в Республике Казахстан // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2018. — Т. 18. — № 3. — С. 7–12. [Russ.]
- Воронов, 2020 — Воронов Д.А. Электронные документы и информирование участников досудебного производства // Российский следователь. — 2020. — № 8. — С. 8–11.
- Задорожная, 2018 — Задорожная В.А. Электронный формат уголовного судопроизводства // Законность. — 2018. — № 9. — С. 70–74. [Russ.]
- Зуев, Моругина, 2024 — Зуев С.В., Моругина Н.А. Электронное уголовное дело: теоретическая модель // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2024. — Т. 15. — № 3 (57). — С. 83–94. [Russ.]
- Можаяева, Шульгин, 2021 — Можаяева И.П., Шульгин Е.П. Соотношение уголовно-процессуальной формы и электронного досудебного производства (по материалам Республики Казахстан) // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2021. — Т. 12. — № 2 (44). — С. 255–260. [Russ.]
- Приказ № 2, 2018 — Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате: Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 года № 2. [Russ.]
- Приказ № 89, 2014 — Об утверждении Правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований: Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 года № 89. [Russ.]
- Сологубов, 2024а — Сологубов А.Ю. Сущность уголовно-процессуальных обращений в досудебном производстве как правового средства защиты прав и законных интересов // Криминалистическое обеспечение безопасности Российской Федерации в финансовой сфере (65-е ежегодные Криминалистические чтения): материалы международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Москва, 2024. — С. 120–124. [Russ.]
- Сологубов, 2024б — Сологубов А.Ю. Цифровая трансформация института обращений в органы предварительного расследования: проблемы и перспективы // В сборнике: Уголовная политика в условиях цифровой трансформации. Сборник статей материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. — Казань, — 2025. — С. 168–172. [Russ.]
- Сологубов, 2024в — Сологубов А.Ю., Россинский С.Б. Проблемные аспекты подачи и рассмотрения обращений, поданных в форме электронного документа в досудебном производстве // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: материалы международной научно-практической конференции: памяти заслуженного юриста РФ, д.ю.н., профессора А.П. Гуляева в связи с 90-летием со дня рождения. — Орёл, 2024. — С. 136–140. [Russ.]
- Сологубов, 2025 — Сологубов А.Ю. Заверение (подписание) уголовно-процессуальных обращений в органы предварительного расследования в системе электронного документооборота: теория и практика // Публичное и частное право. — 2025. № 2 (48). — С. 102–111.
- Сухотская, 2020 — Сухотская М.Л. О совершенствовании механизма обжалования на досудебных стадиях уголовного процесса // Право.by. — 2020. — № 6 (68). — С. 105–109.
- УПК РК, 2014 — Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК. [Russ.]
- Федулов, 2021 — Федулов А.В. Юридические инновации и пределы цифровизации уголовного процесса // Юридическая техника. — 2021. № 15. С. 644–647.
- Химичева, Мотыкова, 2021 — Химичева О.В., Мотыкова О.А. Электронная жалоба в досудебном уголовном производстве // Вестник Московского университета МВД России — 2021. — С. 124–128. [Russ.]
- Шульгин, 2021 — Шульгин Е.П. Правовые и организационные основы деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате: автореф. дис. ... к.ю.н. — М., 2021. [Russ.]

References

- Belyaeva, Kusainova, Nurgaliev, 2018 — Belyaeva I.M., Kusainova A.K., Nurgaliev B.M. Problemy vnedreniya elektronnoy formaty ugolovnoy rassledovaniya v Respublike Kazakhstan // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. — 2018. — T. 18. — № 3. — S. 7–12. [Problems of introducing the electronic format of criminal investigation in the Republic of

Kazakhstan] [in Russ.]

Voronov, 2020 — Voronov D.A. Elektronnyye dokumenty i informirovanie uchastnikov dosudebnogo proizvodstva // Rossiiskii sledovatel'. — 2020. — № 8. — S. 8–11. [Electronic documents and informing participants in pre-trial proceedings] [in Russ.]

Zadorozhnaya, 2018 — Zadorozhnaya V.A. Elektronnyi format ugovolnogo sudoproizvodstva // Zakonnost'. — 2018. — № 9. — S. 70–74. [Electronic format of criminal proceedings] [in Russ.]

Zuev, Morugina, 2024 — Zuev S.V., Morugina N.A. Elektronnoe ugovolnoe delo: teoreticheskaya model' // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2024. — T. 15. — № 3 (57). — S. 83–94. [Electronic criminal case: a theoretical model] [in Russ.]

Mozhaeva, Shul'gin, 2021 — Mozhaeva I.P., Shul'gin E.P. Sootnoshenie ugovolno-protsessual'noi formy i elektronno dosudebnogo proizvodstva (po materialam Respubliki Kazakhstan) // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2021. — T. 12. — № 2 (44). — S. 255–260. [Correlation between criminal procedural form and electronic pre-trial proceedings (based on materials of the Republic of Kazakhstan)] [in Russ.]

Prikaz № 2, 2018 — Ob utverzhdenii Instruksii o vedenii ugovolnogo sudoproizvodstva v elektronnom formate: Prikaz General'nogo Prokurora Respubliki Kazakhstan ot 3 yanvarya 2018 goda № 2. [On approval of the Instruction on conducting criminal proceedings in electronic format: Order of the Prosecutor General of the Republic of Kazakhstan dated January 3, 2018 No. 2] [in Russ.]

Prikaz № 89, 2014 — Ob utverzhdenii Pravil priema i registratsii zayavleniya, soobshcheniya ili raporta ob ugovolnykh pravonarusheniyyakh, a takzhe vedeniya Edinogo reestra dosudebnykh rassledovaniy: Prikaz General'nogo Prokurora Respubliki Kazakhstan ot 19 sentyabrya 2014 goda № 89. [On approval of the Rules for the acceptance and registration of applications, reports or memoranda on criminal offenses, as well as maintenance of the Unified Register of Pre-Trial Investigations: Order of the Prosecutor General of the Republic of Kazakhstan dated September 19, 2014 No. 89] [in Russ.]

Sologubov, 2024a — Sologubov A.Yu. Sushchnost' ugovolno-protsessual'nykh obrashchenii v dosudebnom proizvodstve kak pravovogo sredstva zashchity prav i zakonnykh interesov // Kriminalisticheskoe obespechenie bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii v finansovoi sfere (65-e ezhegodnye Kriminalisticheskie chteniya): materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 2-kh chastyakh. Moskva, 2024. — S. 120–124. [The essence of criminal procedural appeals in pre-trial proceedings as a legal means of protecting rights and legitimate interests] [in Russ.]

Sologubov, 2024b — Sologubov A.Yu. Tsifrovaya transformatsiya instituta obrashchenii v organy predvaritel'nogo rassledovaniya: problemy i perspektivy // V sbornike: Ugolovnaya politika v usloviyakh tsifrovoy transformatsii. Sbornik statei materialov IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. — Kazan', 2025. — S. 168–172. [Digital transformation of the institution of appeals to preliminary investigation bodies: problems and prospects] [in Russ.]

Sologubov, 2024v — Sologubov A.Yu., Rossinskii S.B. Problemnye aspekty podachi i rassmotreniya obrashchenii, podannykh v forme elektronno dokumenta v dosudebnom proizvodstve // Sovremennoe ugovolno-protsessual'noe pravo - uroki istorii i problemy dal'nishnego reformirovaniya: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: pamyati zaslužennogo yurista RF, d.yu.n., professora A.P. Gulyaeva v svyazi s 90-letiem so dnya rozhdeniya. — Orel, 2024. — S. 136–140. [Problematic aspects of filing and considering appeals submitted in the form of an electronic document in pre-trial proceedings] [in Russ.]

Sologubov, 2025 — Sologubov A.Yu. Zaverenie (podpisanie) ugovolno-protsessual'nykh obrashchenii v organy predvaritel'nogo rassledovaniya v sisteme elektronno dokumentooborota: teoriya i praktika // Publichnoe i chastnoe pravo. — 2025. — № 2 (48). — S. 102–111. [Certification (signing) of criminal procedural appeals to preliminary investigation bodies in the electronic document management system: theory and practice] [in Russ.]

Sukhotskaya, 2020 — Sukhotskaya M.L. O sovershenstvovanii mekhanizma obzhalovaniya na dosudebnykh stadiyakh ugovolnogo protsessa // Pravo.by. — 2020. — № 6 (68). — S. 105–109. [On improving the mechanism of appeal at the pre-trial stages of the criminal process] [in Russ.]

UPK RK, 2014 — Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Respubliki Kazakhstan ot 4 iyulya 2014 goda № 231-V ZRK. [Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2014 No. 231-V LRK] [in Russ.]

Fedulov, 2021 — Fedulov A.V. Yuridicheskie innovatsii i predely tsifrovizatsii ugovolnogo protsessa // Yuridicheskaya tekhnika. — 2021. — № 15. — S. 644–647. [Legal innovations and the limits of digitalization of criminal procedure] [in Russ.]

Khimicheva, Motyakova, 2021 — Khimicheva O.V., Motyakova O.A. Elektronnaya zhaloba v dosudebnom ugovolnom proizvodstve // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2021. — S. 124–128. [Electronic complaint in pre-trial criminal proceedings] [in Russ.]

Shul'gin, 2021 — Shul'gin E.P. Pravovye i organizatsionnye osnovy deyatel'nosti organov dosudebnogo rassledovaniya MVD Respubliki Kazakhstan, osushchestvlyayushchikh proizvodstvo v elektronnom formate: avtoref. dis. ... k.yu.n. — Moskva, 2021. [Legal and organizational foundations of the activities of the pre-trial investigation bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan conducting proceedings in electronic format: abstract of candidate of legal sciences dissertation] [in Russ.]

МРНТИ 10.79.37

DOI: <https://doi.org/10.62687/VLJ.2.2.2026.53>

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН И ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ «СОДЕРЖАНИЕ ПОД СТРАЖЕЙ» В ГЛАВНОМ СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ

А.Л. Хан*

Академия «Bolashaq», Караганда, Республика Казахстан

*e-mail: kaforp@mail.ru

А.Л. Хан – кандидат юридических наук, доцент, профессор Академии «Bolashaq»; Караганда, Республика Казахстан; e-mail: kaforp@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-4422-927X>

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей применения института применения меры пресечения «содержание под стражей» в главном судебном разбирательстве и ее предельных сроках. Рассматриваются правовая природа института, его цели и значение для обеспечения эффективной судебной защиты прав участников судопроизводства. Особое внимание уделено критериям определения предельных сроков содержания под стражей, процессуальным основаниям и ответственности должностных лиц. В статье использована судебная практика рассмотрения Конституционным Судом и Верховным Судом РК вопросов применения мер пресечения. Отражены проблемы, часто возникающие в ходе рассмотрения жалоб по вопросам применения мер пресечения и его сроков. Сделаны выводы о необходимости единообразного подхода к применению рассматриваемого института в целях укрепления принципов уголовного процесса, реализации надлежащей защиты прав граждан в сфере уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: суд, подсудимый, адвокат, меры пресечения, сроки содержания под стражей, процессуальная форма, изменение мер пресечения, карательная и превентивная функции, стадии судопроизводства.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ СОТ БИЛІГІ ЖӘНЕ БАСТЫ СОТ ІСІНДЕГІ «ҚАМАҚҚА АЛУ» БҰЛТАРТПАУ ШАРАСЫНЫҢ ҚОЛДАНЫЛУ ШЕКТЕУЛЕРІ

А.Л. Хан*

«Bolashaq» академиясы, Қарағанды, Қазақстан Республикасы

*e-mail: kaforp@mail.ru

А.Л. Хан – заң ғылымдарының кандидаты, доцент, «Bolashaq» академиясының профессоры; Қарағанды, Қазақстан Республикасы; e-mail: kaforp@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-4422-927X>

Аңдатпа. Бұл мақалада басты сот отырысында «қамауда ұстау» бұлтартпау шарасын қолданудың ерекшеліктері және оның мерзімдері талданады. Онда осы шараның құқықтық сипаты, оның мақсаттары және сот ісін жүргізуге қатысушылардың құқықтарын тиімді сот арқылы қорғауды қамтамасыз етудегі маңыздылығы қарастырылады. Қамауда ұстаудың ең ұзақ мерзімдерін, процессуалдық негіздерін және лауазымды тұлғалардың жауапкершілігін анықтау критерийлеріне ерекше назар аударылады. Мақалада Қазақстан Республикасы Конституциялық Сотының бұлтартпау шараларын қолдану мәселелерін қараудағы сот тәжірибесіне сүйенеді. Сондай-ақ, бұлтартпау шараларын қолдану және олардың мерзімдері туралы шағымдарды қарау кезінде жиі туындайтын мәселелер қарастырылады. Қылмыстық іс жүргізу қағидастарын нығайту және қылмыстық іс жүргізуде азаматтардың құқықтарын тиісті түрде қорғауды қамтамасыз ету үшін осы шараны қолдануға бірыңғай тәсілдің қажеттілігі туралы қорытындылар жасалады.

Түйін сөздер: сот, айыпталушы, адвокат, бұлтартпау шаралары, қамауға алу мерзімдері, процессуалдық нысан, бұлтартпау шараларының өзгеруі, жазалау және алдын алу функциялары, сот ісін жүргізу кезеңдері.

JUDICIAL POWER IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND THE LIMITS OF APPLICATION OF THE PREVENTIVE MEASURE "DETENTION" IN THE MAIN TRIAL

A.L. Khan*

Bolashak Academy, Karaganda, Republic of Kazakhstan

*e-mail: kaforp@mail.ru

A.L. Khan – Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, Professor of the Academy «Bolashak»; Karaganda, Republic of Kazakhstan; e-mail: kaforp@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-4422-927X>

Abstract. This article analyzes the specifics of applying the preventive measure "detention" in the main trial and its time limits. It examines the legal nature of this measure, its purposes, and its importance for ensuring effective judicial protection of the rights of participants in legal proceedings. Particular attention is paid to the criteria for determining the maximum periods of detention, procedural grounds, and the liability of officials. The article draws on the judicial practice of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan in considering matters of applying preventive measures. It also addresses issues frequently arising during the consideration of complaints regarding the application of preventive measures and their time limits. Conclusions are drawn regarding the need for a uniform approach to the application of this measure in order to strengthen the principles of criminal procedure and ensure adequate protection of citizens' rights in criminal proceedings.

Keywords: court, defendant, lawyer, preventive measures, periods of detention, procedural form, change of preventive measures, punitive and preventive functions, stages of legal proceedings.

Введение. Институт применения «содержания под стражей», как одной из самых строгих мер пресечения в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан, постоянно является предметом пристального внимания как в теории уголовного процесса, так и в практике его правоприменения (Нормативные постановления, 2008-2025 гг.).

Подобное обстоятельство обусловлено естественным противоборством публичных и частных интересов стороны защиты и обвинения и разрешение возникающих споров посредством инструментов судебной власти. Но если в досудебных стадиях уголовного процесса вопросы, касающиеся избрания (в том числе и повторного), сроков содержания под стражей подозреваемого (обвиняемого), их продления, отмены или изменения - достаточно подробно прописаны в соответствующих нормах УПК РК и относятся, соответственно, к полномочиям следователя (дознателя), прокурора и следственного судьи (п. 1) ст. 55, ст.ст.140, 147, 148, 151, 152, 153 УПК РК), то в судебных стадиях в отношении подсудимого – это прерогатива только судьи, в чьем производстве находится уголовное дело (ч.1 ст.342 УПК РК) (Уголовно-процессуальный кодекс, 2014).

Между тем отсутствие в законе положений, регламентирующих момент начала и окончания сроков содержания под стражей в суде (ч. 3 ст. 342 УПК РК), их исчисления в случаях повторного избрания указанной меры пресечения после истечения установленного законом предела, а также критерия обоснованности общего срока содержания под стражей со дня поступления дела в суд и до вынесения приговора, порождает ситуацию неопределенности правового положения подсудимого, находящегося под стражей, делая его заложником усмотрения суда о продлении срока содержания под стражей или изменения на менее строгую меру пресечения. При этом суды, зачастую вынося постановление о продлении срока содержания под стражей подсудимого после фактического истечения его предельного срока, нередко апеллируют к тому, что производство по делу еще не завершено, а предполагаемое наказание предусматривает лишение свободы. Если срок содержания под стражей (как меры пресечения) не выходит за рамки срока наказания то, следовательно, не имеет значения, в какой момент судебного разбирательства было принято такое решение. В этом, по их мнению, проявляется характер содержания судебной власти, определяющей дискреционные полномочия судьи при отправлении правосудия его независимостью и не подотчетностью (он

не обязан давать каких-либо объяснений по существу рассмотренных или находящихся в его производстве судебных дел) (Конституционный закон, 2000).

Сложившаяся ситуация закономерно порождает вопрос: не отождествляется ли понятие о независимости и не подотчетности судей с судебной вседозволенностью, формально позволяющей на уровне закона по субъективному убеждению судьи в любой момент главного судебного разбирательства (ч. 3 ст. 342 УПК РК) неоднократно продлевать срок содержания под стражей (ч. 3-1 ст. 342 УПК РК), либо вновь прибегать к этой мере пресечения при нарушении условий применения более мягкой меры пресечения в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 342 УПК РК. Такое положение привело к неоднократным обращениям заинтересованных сторон в Конституционный суд Республики Казахстан за разъяснениями: соответствуют ли Конституции Республики Казахстан нормы, регламентирующие механизм применения «содержания под стражей» со дня поступления дела в суд до вынесения приговора и соответствуют ли они общепризнанным принципам справедливого судебного разбирательства.

Материалы и методы. Для достижения цели исследования и решения стоящих перед теорией уголовного процесса и судебной практикой задач, автор обратился таким методом научного познания как формально-юридический, анализ и синтез, индукция и дедукция, системно-структурный, логический, статистический, правового прогнозирования и моделирования.

Обсуждение. Применение мер пресечения носит превентивный (предупредительный) характер в целях обеспечения должного поведения обвиняемого (подсудимого) в границах проводимого расследования, независимо от его стадий, поскольку необходимость в них возникает только тогда, когда убеждение обвиняемого (подсудимого) в неукоснительном исполнении норм права оказывается недостаточно (А.Н. Ахпанов, Е.Г. Васильева, Л.В. Головкин, К.Б. Калиновский, В.А. Михайлов, И.Л. Петрухин, А.В. Смирнов и др.). При этом даже формальная угроза наступления негативных последствий (изменение более мягкой меры пресечения на более строгую) является сдерживающим фактором от совершения противоправных действий, в том числе и нарушения установленных избранной мерой пресечения ограничений (ч. 4 ст. 140 УПК РК). В частности, в Замечаниях общего порядка Комитета по правам человека ООН (Замечание № 35 к статье 9 Международного пакта о гражданских и политических правах) отмечается, что содержание под стражей в ожидании суда либо до вступления приговора в законную силу и его исполнения должно назначаться на основе принципов разумности и необходимости с учетом всех обстоятельств конкретного дела и только в целях предотвращения бегства лица, вмешательства в процесс собирания доказательств или повторного совершения преступления (Лазарева В.В., 2020). Поэтому угроза наступления негативных последствий за осознанное нарушение подсудимым установленных судом ограничений – это гарантия соблюдения прав и свобод законопослушных граждан или потерпевших от преступления лиц, основанная на принципе осуществления правосудия на началах равенства перед законом и судом (ст.21 УПК РК) и ни коим образом не идущая вразрез положениям ст.16 Конституции РК, нарушая баланс между задачами уголовного процесса и защитой прав личности.

С другой стороны, закон не содержит конкретного инструментария вынесения судьей (в отличие от досудебных стадий) постановления о продлении срока содержания под стражей или изменения ее на менее строгую, используя общую дефиницию «по истечении срока ...». Означает ли указанная формулировка обязанность суда не позднее истечения ранее установленного срока содержания подсудимого под стражей принять решение о продлении этого срока либо изменить избранную меру пресечения или же оно просто должно быть вынесено до окончания судебного разбирательства безотносительно к моменту его истечения?

Толковый словарь русского языка разъясняет, что понятие «истечение» следует рассматривать как окончание, завершение определенного промежутка времени (Ожегов, 1997).

Тем самым, можно прийти к выводу о том, что используемое в норме закона предписание «...истечение срока ...» означает окончание (завершение) ранее установленных (возникших) правоотношений и влекут либо полный отказ от заявленных (установленных) притязаний,

либо возникновение новых оснований для их продолжения и реализации. Поэтому позиция Конституционного суда РК по данной проблеме однозначна: «...наличие в уголовном процессе периода, в течение которого лицо остается под стражей без продления меры пресечения судом, противоречит ст.16 Конституции и международным обязательствам Республики Казахстан в области прав человека...» (Нормативное постановление, 2025).

Полагаю, что в ситуациях, когда суд (судья), в случаях невозможности изменения меры пресечения с более строгой на более мягкую, вынес постановление об их продлении, фактически выйдя за пределы установленного законом срока содержания под стражей по его истечению, указанное обстоятельство не должно рассматриваться как снижающее общественную опасность подсудимого, влекущее отмену или изменение избранной ранее меры пресечения, а только как процедурное нарушение, влекущее меры ответственности к допустившим это нарушение лицам.

Процессуальными гарантиями соблюдения такого порядка служат следующие, предусмотренные законом и международными стандартами осуществления правосудия, основания (процедуры), предусматривающие:

- особую процедуру применения или продления мер пресечения;
- непосредственный контроль со стороны заинтересованных участников за соблюдением сроков примененных мер пресечения и возможность незамедлительного реагирования на любые отступления от предусмотренных законом процедур;
- право на инициирование первоочередного рассмотрения вопросов о целесообразности нахождения подсудимого под стражей на время судебного разбирательства как самим подсудимым, так и его защитником либо судом по собственной инициативе;
- право на заявление отвода судь, допустившему нарушение процедуры принятия решения либо направление жалобы или представления в коллегия адвокатов в отношении защитника, допустившего несвоевременное реагирование на возможное нарушение интересов его клиента, повлекшие негативные последствия;
- право на отмену необоснованного решения нижестоящего суда вышестоящим;
- право на реабилитацию и возмещение вреда (в случае прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям или постановки оправдательного приговора);
- зачет времени содержания под стражей до вступления приговора в законную силу в срок наказания при постановке обвинительного приговора (ст.62 УК РК).

Таким образом, предоставленное судье право на продление, отмену, изменение или повторное применение меры пресечения «содержание под стражей» не предполагает их произвольность и бесконтрольность. Процессуальными гарантиями соблюдения прав личности при решении подобных вопросов выступают также положения закона о разумности сроков судебного разбирательства (ч.5 ст.322 УПК РК), длительность которого зависит не только от должного или недолжного поведения участников судебного разбирательства, но и от общественной опасности инкриминируемого деяния (ч.2 ст. 138 УПК РК):

- преступления небольшой тяжести и средней тяжести: 6 месяцев (ч.2 ст.342 УПК РК);
- тяжкие преступления - 12 месяцев (ч.3 ст.342 УПК РК);
- особо тяжкие преступления - 18 месяцев (ч.3-1 ст.342 УПК РК).

Помимо этого, ч.3-1 ст.342 УПК РК содержит указание на «исключительные случаи», при возникновении которых по мотивированному постановлению суда срок содержания под стражей по особо тяжким преступлениям может быть продлен, но каждый раз не более чем на один месяц. Между тем, п.13-1 нормативного постановления Верховного Суда РК от 11.12.2020 № 6 «О сроках исчисления содержания под стражей подсудимого» содержит положение о том, что общий срок содержания подсудимого под стражей при производстве в суде исчисляется со дня первого поступления дела в суд и до вынесения приговора и не может превышать сроки, предусмотренные ч.2 и ч.3 ст.342 УПК РК (Нормативное постановление, 2020).

Однако положение закона об «исключительных случаях» прямо указывают на возможность неоднократного мотивированного продления срока содержания под стражей, и при этом закон не делает акцент на общее или исключительное основание для изменения меры

пресечения (указано только «истечение» указанных в ч.ч.2,3 ст.342 УПК РК сроков содержания под стражей). В этой связи, можно предположить, что положения об «исключительных случаях» распространяется на обе категории преступлений (тяжкие и особо тяжкие). Безусловно, подобное утверждение ставит судью в ситуацию, определяемую обоснованным риском (ч.1 ст.36 УК РК), а подсудимого в состояние неопределенности выбора судом меры принуждения (более строгой или более мягкой). В этой ситуации нужно исходить из того, что вид применяемой меры пресечения полностью зависит от отношения подсудимого к предписаниям закона. Аналогично действуют и нормы уголовного права, предусматривая определенную «вилку» (- от и- до) при определении наказания (неопределенность санкции понуждает виновное лицо отказаться от противодействия и способствовать установлению истины). Поэтому, в случае изменения меры пресечения на более строгую, в том числе и при постановке приговора (п.п.7, 9 ч.1 ст.398 УПК РК), время содержания под стражей до вступления приговора в законную силу засчитывается в срок наказания (ст.62 УК РК).

Следует также отметить, что установление предельных сроков содержания под стражей в суде не умоляет независимость судебной власти, с одной стороны, призванной быть гарантом прав и свобод личности, а, с другой - являющейся единственным инструментом окончательного разрешения всех правовых споров между личностью и государством. Это вынужденная мера, обеспечивающая разумный баланс равновесия между конституционным правом подсудимого (ст.16 Конституции РК) на судебную защиту принадлежащих ему прав и свобод, принципом презумпции невиновности и публичным интересом общества и государства (ч.2 ст.29 Всеобщей декларации прав человека) (Международные акты, 2000).

В ситуациях, когда предельный срок содержания под стражей по тяжким или особо тяжким преступлениям (ч.ч.3, 3-1 ст.342 УПК РК) истек, суд должен изменить подсудимому меру пресечения на домашний арест или иную меру пресечения (ч.4 ст.342 УПК РК). Такой подход законодателя основан на практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), констатирующего, что «...существование весомого подозрения в причастности лица к тяжкому преступлению хотя и имеет значение, но само по себе не может оправдать длительного срока содержания под стражей...» (Смирнова, 2008:181).

Поэтому при разрешении вопроса о длительности срока содержания под стражей и его допустимых пределах, следует исходить из того, что применение мер пресечения в уголовном судопроизводстве носит превентивный характер, не связанный напрямую с основной функцией суда (разрешения дела по существу) и не отождествляется с мерами уголовного наказания, поскольку меры пресечения призваны обеспечить должный порядок и общественную безопасность судопроизводства и служат регулятивным (предотвращение процессуальных нарушений со стороны подсудимого и обеспечение исполнения приговора), а не карательным целям (неотвратимость наказания, как реакция общества и государства на сознательное нарушение уголовно-правового запрета).

В рамках рассматриваемого вопроса представляет интерес опыт Швейцарии, предусматривающий особую процедуру рассмотрения жалоб относительно сроков содержания под стражей самостоятельными судами по вопросам мер принуждения (ст.226 УПК Швейцарии). Общая позиция разработчиков УПК Швейцарии состоит в том, что при любых обстоятельствах срок содержания под стражей, должен быть разумным и обоснованным. Это логически вытекает из принципа ускорения, закрепленного в ст. 5 УПК Швейцарии. Там же содержится прогрессивное правило, согласно которому если обвиняемый находится в заключении, то в отношении него производство ведется в первую очередь (Трефилов, 2016:234).

Интересен и опыт ФРГ. § 112а УПК ФРГ позволяет применение предупредительного ареста с целью защиты общества от повторного совершения преступлений особо опасными преступниками. Такой арест может длиться на срок до одного года. При этом законом предусмотрено, что в случае избрания в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу ему в обязательном порядке назначается защитник (nr. 4 abs. 1 § 140 StPO), в обязанности которого входит постановка вопроса о пересмотре меры пресечения. Согласно

§ 118 (абз. 2) УПК ФРГ при поступлении жалобы на заключение под стражу, проводится судебное заседание. Кроме того, предусмотрен и такой способ обжалования, как ходатайство о судебной проверке обоснованности содержания под стражей (§§ 117 УПК ФРГ), которое может заявляться неограниченное количество раз и, в соответствии с § 118 (абз. 5) УПК ФРГ, судебное заседание должно быть проведено незамедлительно (в течение двух недель со дня поступления ходатайства). В качестве дополнительной гарантии законом установлена обязанность соответствующего Верховного Суда земли в случае, если заключение под стражу длится более шести месяцев, и решение по делу еще не было вынесено, рассмотреть вопрос о необходимости продления установленной меры пресечения в виде заключения под стражу (§ 121 StPO) (Головненков, 2012).

Имплементация указанных положений в действующий УПК РК позволит оптимизировать судебный контроль за соблюдением сроков содержания под стражей на всех стадиях уголовного процесса и, также как и в досудебном производстве, отнести его к компетенции автономного судьи по мерам пресечения, не связанного с конкретным судебным разбирательством. Именно на него должна возлагаться обязанность повседневного судебного контроля за соблюдением сроков содержания под стражей по каждому находящемуся в производстве суда уголовному делу и проверка наличия либо отсутствия материально-правовых и процессуальных оснований для продления или изменения меры пресечения с правом дачи обязательных для исполнения указаний. Соответственно, полномочия судьи, в чьем производстве находится уголовное дело, должны быть дополнены обязательностью ежемесячного отчета о целесообразности продолжения пребывания подсудимого (-ых) под стражей и обоснования своего решения материалами дела. Одновременно усилится и ответственность адвоката-защитника перед своим клиентом-подзащитным (Хабриева и др., 2020).

Требует теоретического рассмотрения и вопрос о возможности повторного заключения подсудимого под стражу по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях на срок, превышающий допустимый, если подсудимый нарушил возложенные на него ограничения и/или обязанности, связанные с домашним арестом или иной мерой пресечения. Закон, регламентирует указанное обстоятельство лишь применительно к досудебным стадиям (ч.9 ст.152 УПК РК) и, с учетом превентивного характера мер пресечения, не содержит конкретного указания о возможном количестве повторного применения одной и той же меры пресечения, ограничиваясь общими родовыми понятиями: более строгая или более мягкая. Конкретный вид меры пресечения определяется самим органом в зависимости от обстоятельств дела или личности обвиняемого. Если же встает вопрос о разрешении повторного ходатайства о санкционировании содержания под стражей, то он отнесен к полномочиям следственного судьи (ч.13 ст.148 УПК РК).

С другой стороны, сложные обстоятельства рассмотрения дела по существу в судебном разбирательстве, либо негативное отношение подсудимого к порядку его проведения и явное нежелание встать на путь исправления и раскаяния в содеянном, вынудили законодателя принять соответствующие меры к продолжению процессуального принуждения (содержание под стражей) в отношении лиц, нахождение на свободе которых создает угрозу безопасности окружающим либо препятствия к исполнению приговора. Однако процедура их принятия (вынесение постановления) должна исключать любое толкование о возможном «беспределе» судебной власти. В стадии судебного разбирательства возможность повторного применения ранее уже избираемой меры пресечения (содержание под стражей) возникает только в двух случаях:

- нарушение подсудимым возложенных на него ограничений и/или обязанностей, связанных с изменением первоначально избранной меры пресечения (содержание под стражей) на менее строгую: домашний арест или иную меру пресечения, не связанную с лишением свободы (ч.4 ст.342 УПК РК);
- в целях обеспечения исполнения обвинительного приговора (п.п.7, 9 ч.1 ст.398 УПК РК).

В первом случае суд, при изменении меры пресечения, обязан разъяснить правовые последствия неисполнения возложенных на подсудимого обязательств (ст.ст. 136, 140, 153 УПК РК), в т.ч. и о возможности повторного применения более строгой меры пресечения, т.к. для принятия такого решения могут возникнуть новые обстоятельства, обосновывающие необходимость содержания под стражей (п.4 ч.2 ст.53 УПК РК – полномочия о пересмотре судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам). Но если предельный срок содержания под стражей подсудимого в суде уже истек (ч.4 ст.342 УПК РК), то означает ли такое решение суда основанием для возникновения новых сроков содержания под стражей, не связанных с первоначально избранной? Действуют ли в указанной ситуации положения Общей части УПК РК или же в судебном разбирательстве применяются иные правила? Каков критерий определения границ возможного срока содержания под стражей, избранного в связи с процедурными нарушениями подсудимого либо в целях обеспечения исполнения обвинительного приговора?

Для разрешения указанных вопросов можно вновь обратиться к опыту Швейцарии, в которой единственное ограничение, связанное с применением рассматриваемой меры принуждения, предусмотрено в ч. 3 ст. 212 УПК Швейцарии: «...заключение под стражу не может длиться дольше, чем ожидаемый срок лишения свободы...». Из этого следует, что новый срок содержания под стражей, возобновленный вследствие неправомерного поведения подсудимого, должен ориентирован на минимальный срок наказания за инкриминируемое ему преступление.

Выводы.

1. Предусмотренная ч.3 ст.342 УПК формулировка «...по истечении срока ... вправе продлить...», должна толковаться как обязанность суда не позднее истечения (т.е. до дня или в день его окончания) ранее установленного срока содержания подсудимого под стражей принять решение о продлении этого срока либо изменения на более мягкую. Несоблюдение указанного положения не является основанием для отмены принятого решения, но влечет юридическую ответственность как судьи, в чьем производстве находится уголовное дело, так и адвоката подсудимого, допустившего несвоевременное реагирование на обстоятельства, последствием которых явилось нарушение (ущемление) прав и охраняемых законом интересов лиц, обратившихся к нему за юридической помощью (ст.ст.31, 32, 33 Закона Республики Казахстан от 5 июля 2018 года № 176-VI ЗРК «Об адвокатской деятельности и юридической помощи»).

2. Положение об «исключительных случаях» может распространяться и на тяжкие преступления, поскольку в ч.4 ст.342 УПК РК имеется указание и на ч.2 и на ч.3 указанной нормы. Для преступлений небольшой и средней тяжести (вследствие небольшой общественной опасности) шестимесячный срок является предельным и окончательным.

3. Исчисление срока содержания под стражей при повторном избрании аналогичной меры пресечения вследствие несоблюдения подсудимым условий примененной к нему более мягкой меры пресечения (ч.4 ст.342 УПК РК) не может превышать минимальный срок наказания за инкриминируемое ему деяние.

4. В соответствии с принципом состязательности и равноправия сторон (ст.23 УПК РК) на всех стадиях уголовного процесса, вопросы о сроках содержания под стражей в суде (также как и в досудебном производстве), должны входить в компетенцию автономного от судей общей юрисдикции судьи по мерам пресечения (аналогично должности следственного судьи), не связанного с конкретным судебным разбирательством.

Полномочия судьи по мерам пресечения должны включать:

- судебный контроль за соблюдением сроков содержания под стражей по каждому находящемуся в производстве суда уголовному делу;
- проверка наличия либо отсутствия материально-правовых и процессуальных оснований для продления или изменения меры пресечения «содержание под стражей» с правом дачи обязательных для исполнения указаний;
- заслушивание отчета судьи о целесообразности продолжения пребывания

подсудимого (-мых) под стражей и обоснования своего решения материалами дела;

- разрешение жалоб участников судебного разбирательства по вопросам применения и сроков меры пресечения «содержание под стражей» с правом отмены решения судьи соответствующей инстанции или оставления жалобы без удовлетворения;

- внесение представлений в судебную или юридическую (адвокатскую) коллегия о применении мер юридической ответственности к конкретным судьям или адвокатам, допустившим нарушения сроков содержания под стражей привлекаемых к уголовной ответственности лиц.

5. Действующий УПК РК 2014 года и Закон РК «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» от 5 июля 2018 года необходимо дополнить нормой об обязанности внесения адвокатом ходатайства об изменении меры пресечения «содержание под стражей» при назначении главного судебного разбирательства и в случаях продления ее сроков.

6. В диспозицию ч.1 ст.342 УПК РК нужно внести дополнение после слов «...в отношении подсудимого.» словами «...Содержание под стражей в суде не может превышать минимального срока наказания в виде лишения свободы за совершенное правонарушение...».

7. В Нормативном постановлении Конституционного Суда РК или Верховного Суда РК необходимо разъяснить положение о том, что если в производстве суда находится уголовное дело с находящимся под стражей обвиняемым (подсудимым), то оно подлежит первоочередному рассмотрению.

Литература

- Головненьков, 2012 — Головненьков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона. — 2-е изд. — М.: Проспект, 2012. [Russ.]
- Конституционный закон, 2000 — Конституционный закон Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года № 132 «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан». Ст. 1, 25. [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 21.06.2026). [Russ.]
- Международные акты, 2000 — Международные акты. — М., 2000. — С. 43. [Russ.]
- Нормативное постановление, 2020 — Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 декабря 2020 года № 6 «О сроках исчисления содержания под стражей подсудимого». [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2000000006S> (дата обращения: 21.06.2026). [Russ.]
- Нормативные постановления, 2008–2025 — Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 10 июля 2008 года № 1 «О применении норм международных договоров Республики Казахстан»; Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 8 декабря 2017 года № 10 «О некоторых вопросах применения судами норм уголовно-процессуального законодательства по поступившему уголовному делу»; Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 24 января 2020 года № 1 «О некоторых вопросах санкционирования мер пресечения»; Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 18 июля 2025 года № 73-НП «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан части пятой статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 4 июля 2014 года». [Электрон. ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30197893&sublink=1300 (: 21.06.2026). [Russ.]
- Ожегов, Шведова, 1997 — Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1997. [Russ.]
- Смирнов, Калиновский, 2008 — Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: КНОРУС, 2008. — С. 264. [Russ.]
- Трефилов, 2016 — Трефилов А.А. Уголовный процесс зарубежных стран. Т. 1. Уголовно-процессуальная компаративистика. Уголовный процесс Швейцарии. — М., 2016. — С. 691. [Russ.]
- Уголовно-процессуальный кодекс, 2014 — Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК. [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 21.06.2026). [Russ.]
- Хабриева и др., 2020 — Хабриева Т.Я., Капустин А.Я., Ковлер А.И. и др. Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения: монография / под общ. ред. В.В. Лазарева. — М.: Проспект, 2020. [Russ.]

References

- Golovnenkov, 2012 — Golovnenkov P.V. Uголовное ulozhenie (Uголовnyi kodeks) Federativnoi Respubliki Germaniya. Nauchno-prakticheskii kommentarii i perevod teksta zakona [Criminal Code of the Federal Republic of Germany. Scientific and Practical Commentary and Translation of the Law]. 2nd ed. Moscow: Prospekt, 2012. [in Russ.]
- Khabrieva et al., 2020 — Khabrieva T.Ya., Kapustin A.Ya., Kovler A.I. et al. Implementatsiya reshenii Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka v rossiiskoi pravovoi sisteme: konceptii, pravovye podhody i praktika obespecheniya [Implementation of the Judgments of the European Court of Human Rights in the Russian Legal System: Concepts, Legal Approaches and Enforcement Practice]. Moscow: Prospekt, 2020. [in Russ.]
- Konstitucionnyi zakon, 2000 — Konstitucionnyi zakon Respubliki Kazakhstan ot 25 dekabrya 2000 goda № 132 «O sudebnoi sisteme i statuse sudei Respubliki Kazakhstan» [Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan No. 132 of December 25, 2000 “On the Judicial System and Status of Judges of the Republic of Kazakhstan”]. [Elektron. resurs]. URL: <https://adilet.zan.kz> (data obrashcheniya: 21.06.2026). [in Russ.]
- Mezhdunarodnye akty, 2000 — Mezhdunarodnye akty [International Acts]. Moscow, 2000. P. 43. [in Russ.]
- Normativnoe postanovlenie, 2020 — Normativnoe postanovlenie Verkhovnogo Suda Respubliki Kazakhstan ot 11 dekabrya 2020 goda № 6 «O srokhakh ischisleniya soderzhaniya pod strazhei podsudimogo» [Normative Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan No. 6 of December 11, 2020 “On the Calculation of Terms of Detention of the Defendant in Custody”]. [Elektron. resurs]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2000000006S> (data obrashcheniya: 21.06.2026). [in Russ.]

Normativnye postanovleniya, 2008–2025 — Normativnoe postanovlenie Verkhovnogo Suda Respubliki Kazakhstan ot 10 iyulya 2008 goda № 1 «O primeneniі norm mezhdunarodnykh dogovorov Respubliki Kazakhstan» [On the Application of the Norms of International Treaties of the Republic of Kazakhstan]; Normativnoe postanovlenie Verkhovnogo Suda Respubliki Kazakhstan ot 8 dekabrya 2017 goda № 10 «O nekotorykh voprosakh primeneniya sudami norm ugovno-processual'nogo zakonodatel'stva po postupivshemu ugovnomu delu» [On Certain Issues of Application of Criminal Procedure Legislation by Courts]; Normativnoe postanovlenie Verkhovnogo Suda Respubliki Kazakhstan ot 24 yanvarya 2020 goda № 1 «O nekotorykh voprosakh sankcionirovaniya mer presecheniya» [On Certain Issues of Authorizing Preventive Measures]; Normativnoe postanovlenie Konstitucionnogo Suda Respubliki Kazakhstan ot 18 iyulya 2025 goda № 73-NP [Elektron. resurs]. URL: [http://online.zakon.kz/Document/?doc_id = 30197893sublink = 1300\(dataobrashcheniya : 21.06.2026\).\[inRuss.\]](http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30197893sublink=1300(dataobrashcheniya:21.06.2026).[inRuss.])

Ozhegov, Shvedova, 1997 — Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. 4th ed. Moscow: Azbukovnik, 1997. [in Russ.]

Smirnov, Kalinovskii, 2008 — Smirnov A.V., Kalinovskii K.B. Ugolovnyi process [Criminal Procedure]. 4th ed. Moscow: KNORUS, 2008. P. 264. [in Russ.]

Trefilov, 2016 — Trefilov A.A. Ugolovnyi process zarubezhnykh stran. T. 1. Ugolovno-processual'naya komparativistika. Ugolovnyi process Shveitsarii [Criminal Procedure of Foreign Countries. Vol. 1. Comparative Criminal Procedure. Criminal Procedure of Switzerland]. Moscow, 2016. P. 691. [in Russ.]

Ugolovno-processual'nyi kodeks, 2014 — Ugolovno-processual'nyi kodeks Respubliki Kazakhstan ot 4 iyulya 2014 goda № 231-V ZRK [Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan]. [Elektron. resurs]. URL: [https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231](https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231(dataobrashcheniya:21.06.2026).[inRuss.]) (data obrashcheniya: 21.06.2026). [in Russ.]

Международное право**МРНТИ 10.87.51**DOI: <https://doi.org/10.62687/VLJ.2.2.2026.52>**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН О ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ****Р.Н. Акпарова***

Международный университет Астана, Астана, Казахстан

*e-mail: raziya.akparova@mail.ru

Р.Н. Акпарова – кандидат юридических наук, доцент, профессор Высшей школы права Международного университета Астана; Астана, Казахстан; e-mail: raziya.akparova@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0171-6353>

Аннотация. Статья посвящена исследованию актуальных вопросов международного сотрудничества Республики Казахстан в сфере уголовного судопроизводства и реализации международных договорных обязательств государства. Актуальность темы обусловлена расширением международного взаимодействия в рамках борьбы с международной преступностью, необходимостью совершенствования механизмов правовой помощи по уголовным делам, экстрадиции и передачи осуждённых лиц, а также обеспечением надлежащего исполнения международных обязательств Республики Казахстан. Целью исследования является анализ действующих международных договоров Республики Казахстан и выявление направлений совершенствования уголовно-процессуального законодательства в сфере международного сотрудничества. Для достижения поставленной цели изучены нормы Конституции Республики Казахстан, Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, а также двусторонние международные договоры, заключённые с рядом иностранных государств. В результате проведенного сравнительно-правового анализа выявлены отдельные пробелы и коллизии национального законодательства, предложены меры по их устранению посредством имплементации отдельных международно-правовых норм. Сделан вывод о необходимости дальнейшего развития международно-правовой базы, совершенствования уголовно-процессуального законодательства и укрепления международного сотрудничества для повышения эффективности противодействия преступности и обеспечения принципа неотвратимости уголовной ответственности.

Ключевые слова: правовая помощь по уголовным делам, уголовное преследование, компетентные органы, передача осуждённых лиц, основания отказа в выдаче, международные договоры, экстрадиция (выдача).

**ҚЫЛМЫСТЫҚ ІСТЕР БОЙЫНША ЗАҢДЫҚ КӨМЕК КӨРСЕТУ ТУРАЛЫ
ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ШАРТТАРЫ: ҚАЗІРГІ
ТЕНДЕНЦИЯЛАР****Р.Н. Акпарова***

Астана халықаралық университеті, Астана, Қазақстан

*e-mail: raziya.akparova@mail.ru

Р.Н. Акпарова — заң ғылымдарының кандидаты, доцент, Астана халықаралық университеті Құқық жоғары мектебінің профессоры; Астана, Қазақстан; e-mail: raziya.akparova@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0171-6353>

Андатпа. Мақалада Қазақстан Республикасының қылмыстық іс жүргізу саласындағы халықаралық ынтымақтастығының және мемлекеттің халықаралық шарттық міндеттемелерін орындауының өзекті мәселелері қарастырылады. Тақырыптың өзектілігі халықаралық қылмысқа қарсы күрестегі халықаралық ынтымақтастықтың кеңеюімен, қылмыстық істер

бойынша құқықтық көмек тетіктерін жетілдіру, сотталғандарды экстрадициялау және беру, сондай-ақ Қазақстан Республикасының халықаралық міндеттемелерін тиісінше орындауды қамтамасыз ету қажеттілігімен анықталады. Зерттеудің мақсаты - Қазақстан Республикасының қолданыстағы халықаралық шарттарын талдау және халықаралық ынтымақтастық саласындағы қылмыстық іс жүргізу заңнамасын жетілдіру бағыттарын анықтау. Осы мақсатқа жету үшін Қазақстан Республикасы Конституциясының, Қазақстан Республикасы Қылмыстық іс жүргізу кодексінің, сондай-ақ бірқатар шетел мемлекеттерімен жасалған екіжақты халықаралық шарттардың ережелері зерттелді. Салыстырмалы құқықтық талдау нәтижесінде ұлттық заңнаманың кейбір олқылықтары мен қайшылықтары анықталды және оларды белгілі бір халықаралық құқықтық нормаларды енгізу арқылы жою шаралары ұсынылды. Қылмыстың алдын алу тиімділігін арттыру және қылмыстық жауапкершіліктің сөзсіздігі қағидатын қамтамасыз ету үшін халықаралық құқықтық базаны одан әрі дамыту, қылмыстық іс жүргізу заңнамасын жетілдіру және халықаралық ынтымақтастықты нығайту қажеттілігі туралы қорытынды жасалды.

Түйін сөздер: қылмыстық істер бойынша құқықтық көмек, қылмыстық қудалау, құзыретті органдар, сотталғандарды беру, экстрадициялаудан бас тарту негіздері, халықаралық шарттар, экстрадициялау (беру).

INTERNATIONAL TREATIES OF REPUBLIC OF KAZAKHSTAN ON LEGAL ASSISTANCE UNDER CRIMINAL CASES: CURRENT TRENDS

R.N. Akparova*

Astana International University, Astana, Kazakhstan

*e-mail: raziya.akparova@mail.ru

R.N. Akparova – Candidate of Legal Sciences (PhD in Law), Associate Professor, Professor of the Higher School of Law, Astana International University; Astana, Kazakhstan; e-mail: raziya.akparova@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0171-6353>

Abstract. This article examines current issues of the Republic of Kazakhstan's international cooperation in the field of criminal proceedings and the implementation of its international treaty obligations. The relevance of the study is determined by the growing scope of international cooperation in combating transnational crime, the need to improve mechanisms for mutual legal assistance in criminal matters, extradition, and the transfer of sentenced persons, as well as the need to ensure the effective fulfillment of the Republic of Kazakhstan's international obligations. The purpose of the study is to analyze the international treaties currently in force for the Republic of Kazakhstan and to identify areas for improving national criminal procedure legislation governing international cooperation. To achieve this objective, the provisions of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan, and a number of bilateral international treaties concluded with foreign states were examined. The comparative legal analysis revealed several gaps and inconsistencies in the national legal framework and made it possible to propose measures aimed at eliminating them through the implementation of relevant international legal standards. The study concludes that there is a need for the further development of the international legal framework, the improvement of criminal procedure legislation, and the strengthening of international cooperation in order to enhance the effectiveness of combating crime and to ensure the principle of the inevitability of criminal liability.

Keywords: legal assistance in criminal cases, criminal prosecution, appropriate authorities, transfer of convicted persons, grounds for refusal of extradition, international treaties, extradition.

Введение. Практика международного взаимодействия Республики Казахстан подтверждает возрастающую роль договорно-правовых механизмов в сфере уголовного судопроизводства.

В соответствии со статьей 5 новой Конституции – «международные договорные обязательства Республики Казахстан включены в действующее право Республики Казахстан».

Кроме того, в пункте 3 статьи 5 Конституции 2026 года обозначено, что «порядок действия по территории Республики Казахстан международных договоров определяются законами». Также пункт 4 статьи 5 Конституции регламентирует публикацию всех законов и ратифицированных Республики Казахстан «международных договоров» (Конституция Республики Казахстан). Таким образом, в новой Конституции международные договоры Республики получили свою правовую регламентацию.

Закрепление статуса международных договоров на конституционном уровне отражает современные направления развития правовой политики Республики Казахстан. В современных условиях международно-правовой вектор государственной политики ориентирован на повышение эффективности сотрудничества государств в противодействии транснациональной преступности и в преодолении новых глобальных угроз и вызовов.

Следует отметить, что в Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, утвержденной указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674, обозначено «о неукоснительном соблюдении законодательства в сфере международных договоров». В данной Концепции получила регламентацию положение «о необходимости обеспечения обязательного и добросовестного выполнения действующих международных договоров Республики Казахстан» (далее - Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года).

Представляется, что вышеуказанные обозначения распространяются, безусловно, и на ратифицированные Республики Казахстан международные договоры в уголовно-правовой сфере. Данная сфера условно разделена на три отраслевых института:

1. об оказании правовой помощи по уголовным делам;
2. об экстрадиции (выдаче);
3. передаче осуждённых лиц.

В настоящее время в Республике Казахстан названные институты представляют собой объемную международно-правовую базу двусторонних международных договоров об оказании правовой помощи по уголовным делам. В условиях цифровизации общественных отношений и роста числа преступлений транснационального характера вопросы международной правовой помощи приобретают особую актуальность. Эффективность расследования уголовных правонарушений нередко зависит от своевременного взаимодействия компетентных органов различных государств, что обуславливает необходимость постоянного совершенствования как международно-договорной базы, так и национального законодательства.

Материалы и методы. В современной научной литературе международные договоры в уголовно-процессуальной сфере рассматриваются как один из ключевых механизмов трансграничного уголовного производства, обеспечивающий взаимодействие компетентных органов разных государств при уголовно-процессуальном производстве. В.И. Самарин в статье «Применимость международных договоров в уголовном процессе: пример Беларуси» рассматривает международный договор не только как основу международного сотрудничества, но и как непосредственную норму права отдельных процессуальных действий, то есть инкорпорацию норм международного права в национальное право (Самарин, 2021). Данный подход имеет особое значение для исследования договоров о правовой помощи, поскольку такие договоры определяют порядок исполнения поручений, получения доказательств, вручения процессуальных документов, передачи материалов и иных форм межгосударственного взаимодействия. Одновременно автор указывает на проблему отсутствия общего механизма взаимодействия уголовно-процессуального закона и международных договоров, что делает его работу значимой для анализа прямого применения международных норм в национальном уголовном судопроизводстве. Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что международные договоры в уголовном процессе выполняют не только регулятивную, но и координационную функцию. Их практическая значимость проявляется в обеспечении эффективного взаимодействия компетентных органов различных государств при расследовании уголовных правонарушений и сборе доказательственной информации.

Вопрос влияния международных договоров на развитие также рассматривается

в работе Л.В. Майоровой и М.Д. Луцаевой «Влияние международных договоров на совершенствование уголовно-процессуального законодательства». Авторы рассматривают международные договоры не только как источник отдельных процессуальных правил, но и фактор модернизации национального уголовно-процессуального законодательства. В их работе подчеркивается, что после изменения международно-правового контекста для России после 2022 года и выхода из Совета Европы и, соответственно, денонсации большинства конвенций Совета Европы, особое значение приобретает вопрос о том, какие договорные обязательства сохраняют влияние на национальное право и каким образом они отражаются на гарантиях прав участников, международном сотрудничестве и институтах правовой помощи (Майорова, Луцаева, 2024). При этом, несмотря на внешнюю риторику про суверенизацию и отделение национального права от международного, российская национальная правовая система, ещё будучи наследницей советской правовой системы, использовала нормы международного права в лице различных конвенций в качестве собственного источника развития в сторону гуманизации. Представляется, что влияние международных договоров на развитие национального уголовно-процессуального законодательства сохраняет свою актуальность независимо от изменений международной политической обстановки. Для Республики Казахстан данный вопрос имеет особое значение в связи с расширением договорно-правовой базы сотрудничества с государствами различных регионов мира.

В англоязычной литературе совершенно другой теоретический взгляд дает Карстен Стейн (Carsten Stahn) в монографии «A Critical Introduction to International Criminal Law». Вместе с тем, посвященная международному уголовному праву работа показывает, что эффективное уголовное преследование в транснациональной плоскости невозможно без использования эффективных механизмов межгосударственного сотрудничества. В отличие от русскоязычных авторов, которые исследуют главным образом место международного договора в национальном уголовном процессе, Стейн анализирует договорную основу международной уголовной юстиции шире: через устройство международных судов, юрисдикцию, процедуры привлечения к ответственности, наказание и репарации (Stahn, 2018). Для настоящего исследования его работа полезна тем, что показывает международный договор в уголовно-процессуальной сфере не только как внешний источник, влияющий на национальное право, но и как нормативный фундамент самостоятельной международной уголовно-процессуальной системы. В результате обзор трёх источников позволяет выделить две особенности международных договоров уголовно-процессуального права: с одной стороны, они обеспечивают практическое взаимодействие государств по конкретным уголовным делам, а с другой – способствуют формированию общих процессуальных стандартов межгосударственного сотрудничества в сфере уголовной юстиции. Анализ представленных научных подходов свидетельствует о том, что международные договоры выполняют не только функцию правового регулирования оказания помощи по уголовным делам, но и оказывают существенное влияние на развитие национального законодательства, а также на выработку общих принципов межгосударственного сотрудничества в сфере уголовной юстиции.

Обсуждение. Республика Казахстан заключила двусторонние международные договоры со многими странами Европы, Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, рядом арабских и африканских государств, а также со странами Северной и Латинской Америки.

По сведениям Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, статистические данные за несколько последних месяцев 2026 года свидетельствуют о задержании и экстрадиции наших граждан из этих стран.

Уместно подчеркнуть, что в свете изменений от 11 июля 2017 года и в соответствии со статьей 559 УПК РК «Генеральная прокуратура Республики Казахстан является одним из центральных органов, уполномоченных обращаться с запросами о правовой помощи при производстве процессуальных действий, требующих санкции следственного судьи (суда), осуществлении уголовного преследования, выдаче лиц (экстрадиции), временной выдаче (экстрадиции) или транзитной перевозке, временной передаче лиц, передаче осужденных

и лиц, страдающих психическими расстройствами, к которым применены принудительные меры медицинского характера, признании и исполнении приговоров и рассматривает соответствующие запросы иностранных компетентных органов» (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан).

Ранее, с момента обретения независимости до внесения последних вышеуказанных изменений и дополнений в статью 559 УПК, Генеральная прокуратура являлась единственным государственным органом, в компетенцию которой, относились практически все вопросы, связанные с международным сотрудничеством в уголовно-правовой сфере. В настоящее время Генеральная прокуратура продолжает инициировать заключение двусторонних международных договоров по оказанию правовой помощи по уголовным делам, выдаче, передаче осужденных лиц, а также многочисленных соглашений между органами прокуратуры государств-участников Содружества Независимых Государств, Шанхайской Организации Сотрудничества, Международной Ассоциации прокуроров (Карта договоров).

Разработка проектов и заключение двусторонних международных договоров – это длительный и многоуровневый процесс согласования участниками соглашений различий в действующем праве, конституционных ограничений, а также обеспечения соблюдения в ходе уголовного процесса прав задержанных лиц, подозреваемых, обвиняемых, осужденных.

За 35 лет со дня обретения независимости Республикой Казахстан заключено более 80 двусторонних международных договоров в уголовной сфере (более 30 - о правовой помощи по уголовным делам, более 20 – об экстрадиции, 25 – о передаче осужденных лиц) с 38 странами дальнего зарубежья (Казахстан подписал новые договоры о выдаче осужденных преступников). По данным Генеральной прокуратуры за 2024-2025 годы, заключено 9 двусторонних соглашений, в том числе, с Перу, Марокко, Катаром, Кипром и Сингапуром.

Расширение договорной базы свидетельствует о последовательной политике Республики Казахстан, направленной на укрепление международного сотрудничества в уголовно-правовой сфере. Заключение новых соглашений позволяет повысить эффективность взаимодействия компетентных органов при расследовании преступлений, имеющих транснациональный характер. Расширение договорной базы свидетельствует о последовательной политике Республики Казахстан, направленной на укрепление международного сотрудничества в уголовно-правовой сфере. Заключение новых соглашений позволяет повысить эффективность взаимодействия компетентных органов при расследовании преступлений, имеющих транснациональный характер.

Согласно информации Генеральной прокуратуры, наблюдался тренд к увеличению количества задержанных и экстрадированных казахстанских граждан из Объединенных Арабских Эмиратов. Только за 2025 год из ОАЭ экстрадировано 9 разыскиваемых лиц (Из ОАЭ экстрадировали подозреваемого в хищении 293 млн тенге). Например, сотрудниками Генеральной прокуратуры и Агентства по финансовому мониторингу при содействии Посольства Республики Казахстан в ОАЭ экстрадирован гражданин Казахстана для привлечения к уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов, причинивший государству ущерб на сумму свыше 283 млн тенге. Аналогично из ОАЭ экстрадирован гражданин Казахстана для привлечения к уголовной ответственности за незаконный оборот нефти в особо крупном размере на общую сумму свыше 300 млн тенге (Подозреваемый за незаконный оборот нефтепродуктов экстрадирован из Объединенных Арабских Эмиратов).

Сравнительный анализ действующих двусторонних международных договоров Республики Казахстан по оказанию правовой помощи показал, что необходимо продолжать дальнейшее совершенствование норм уголовно-процессуального законодательства, поскольку невозможно предусмотреть в УПК возникающие на практике международного сотрудничества все ситуации и правильное их разрешение.

Также существует ряд вопросов, требующих своей регламентации в рамках УПК, от которых зависит эффективность и качество международного сотрудничества в уголовно-правовой сфере.

В настоящее время отвечает требованиям содержание части 3 статьи 557 УПК, где

обозначено, что «в случае, если положения международного договора, ратифицированного Республикой Казахстан, противоречат настоящему Кодексу, применяются положения международного договора» (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан). С положением о приоритете применения международных договоров Республики Казахстан связано исследование по изучению и анализу международных норм, с целью выявления потребности практики реализации международных договоров и совершенствования норм, регулирующих международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что географическое расположение Королевства Марокко имеет очень большое стратегическое значение, для перекрытия международного канала перемещения лиц, совершивших преступления между такими континентами, как Африка и Европа. В этой связи, полагаем, что заключение двусторонних договоров об оказании правовой помощи по уголовным делам с Королевством Марокко своевременным.

Изучение действующего двустороннего Соглашения между Республикой Казахстан и Королевством Марокко о выдаче лиц (экстрадиция) показало, что оно привлекает внимание своей лаконичностью и конкретизацией норм. Так, например, часть 2 статьи 7 Соглашения «Если квалификация преступления, за которое выдано лицо, была изменена, то выданное лицо не подлежит уголовному преследованию иди судебному разбирательству, за исключением случаев, когда преступление в его измененной квалификации подпадает под выдачу в соответствии с настоящим Соглашением и связано с теми же фактами, которые являются предметом запроса о выдаче» (Соглашение между Республикой Казахстан и Королевством Марокко о выдаче лиц). В этой связи представляется необходимым внести дополнение в статью 582 УПК «Пределы уголовной ответственности» и часть 4 данной нормы изложить в следующей редакции: «Если квалификация преступления, за которое выдано лицо, была изменена, то выданное лицо не подлежит уголовному преследованию или судебному разбирательству, за исключением случаев, когда преступление в его измененной квалификации подпадает под выдачу и связано с теми же фактами, которые являются предметом запроса о выдаче лиц».

Обращает внимание перечень оснований, изложенных в статье 574 УПК «Временная передача», где пятым и последним основанием является «Временная передача лица осуществляется лишь при наличии письменного согласия данного лица» (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан). В содержании двусторонних международных договоров обозначено, что временная передача не допускается, в частности, в подпункте, а) «если лицо, содержащееся под стражей, не дает письменного согласия на это» в части 3 статьи 17 Соглашения Республикой Казахстан и Королевством Марокко о выдаче (Соглашение между Республикой Казахстан и Королевством Марокко о выдаче лиц). Представляется, что для усиления правозащитного потенциала, лиц, находящихся под стражей необходимо пункт 5 перенести в начало статьи 574 УПК, поскольку наличие письменного согласие данного лица является правовым основанием для исполнения статьи 574 УПК.

Одним из вопросов, требующих внимания является отсутствие норм, регламентирующих отдельные процессуальные действия как производство: обыска, выемки, изъятие предметов, документов, являющихся доказательственной базой для компетентных органов иностранных государств. В этой связи предлагается внести и дополнение в перечень объема правовой помощи в часть 1 статьи 557 УПК. Предлагаемые вышеназванные процессуальные действия обозначены в практически во всех двусторонних договорах (пункт 7 статьи 2 и статья 13 Соглашения между Республикой Казахстан и Королевством Марокко о взаимной правовой помощи по уголовным делам, статья 16 Соглашения между Республикой Казахстан и Перу).

Изучение двусторонних договоров о взаимной правовой помощи и о выдаче лиц показало, что обязательным основанием для отказа в выдаче является совершение лицом политического преступления. В статье 590 УПК данное основание для отказа отсутствует. В этой связи представляется целесообразным дополнить часть 1 статьи 590 УПК и изложить в следующей редакции: Выдача лица не допускается: «если правонарушение, указанное в

запросе, является политическим или связано с политическим преступлением». На наш взгляд, указанное подпунктом 7 части 1 статьи 590 УПК словосочетание «политическим убеждениям» не раскрывает полноту квалификации политического преступления.

Одним из дискуссионных вопросов, выявленных при анализе содержания УПК и двусторонних договоров по теме исследования, является положение, которым необходимо дополнить статью 590 УПК и обозначить отдельным пунктом как основание отказа в выдаче, изложив его в следующей редакции: «лицо, разыскиваемое за преступление, будет подвергнуто наказанию или любому иному действию или бездействию, которые не обеспечивают уважение прав человека, в том числе, на защиту от жестокого, бесчеловечного, унижающего достоинство обращения».

Представляется, что предлагаемое дополнение в статью 590 УПК в отказе аргументировано нормами международного права, поскольку оно полностью соответствует статье 7 Международного Пакта о гражданских и политических правах (Международный Пакт о гражданских и политических правах) и статье 3 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, активным участником которых является Республика Казахстан (Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания).

Одной из новаций, отраженных в статье 7 Договора между Республикой Казахстан и Республикой Перу о выдаче, обращает внимание положение части 3 данной нормы, где указано, что «если лицо было осуждено заочно, выдача может быть осуществлена, если Запрашивающая Сторона предоставит Запрашиваемой Стороне гарантии того, что данное лицо имеет право на пересмотр приговора суда в целях обеспечения его прав на защиту» (Договор между Республикой Казахстан и Республикой Перу о выдаче лиц). Следует обозначить, что изучение содержания главы 60 УПК, регламентирующей выдачу лиц, показало, что положения о заочном осуждении в ней не содержатся. В это связи предлагается дополнить пунктом 8 часть 1 статьи 586 УПК (Права лица, выдача (экстрадиция) которого запрашивается) и изложить в следующей редакции: «Если лицо было осуждено заочно, выдача может быть осуществлена в случае предоставления компетентным органом иностранного государства гарантии того, что данное лицо имеет право на пересмотр приговоров суда в целях обеспечения права на защиту».

Одним из актуальных норм, регламентированных в Договоре между Республикой Казахстан и Перу о взаимной правовой помощи по уголовным делам, является положение о предоставлении финансовой информации, установлении и замораживании банковских счетов. Более того, в нем указано о предоставлении помощи, в которой не может быть отказано даже на основании банковской тайны. Полагаем, что с актуальностью данной тематики и эффективной деятельности компетентных органов Казахстана данная норма должна быть имплементирована в национальное законодательство и отражена в содержании УПК отдельной нормой. Представляется целесообразным дополнить статью 577 УПК частью 7-1 изложив в следующей редакции: «По запросу Запрашивающей стороны в соответствии со своим национальным законодательством компетентные органы Республики Казахстан вправе установить, является ли лицо, причастное к совершению правонарушения, держателем банковского счета в банке или ином финансовом учреждении. Такая помощь может также содержать сведения об идентификации пользователей таких счетов, их местонахождении и соответствующих транзакциях, а также о замораживании таких счетов. В предоставлении вышеуказанной помощи не может быть отказано на основании банковской тайны». Применение данной нормы позволит вовремя обеспечить сохранность имущества, денежных средств для возможной конфискации или возмещения ущерба, а также успешно решить компетентным органам Республики Казахстан поставленные задачи по эффективному противодействию преступной деятельности по отмыванию доходов в международно-правовой сфере. Более того, внесение дополнений в статью 577 УПК соответствует положениям, ратифицированной Республикой Казахстан Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации

доходов от преступной деятельности Совета Европы).

Заключение. Не оспорим тот факт, что от надлежащего исполнения принятых Республикой Казахстан обязательств зависит не только обеспечение принципа неотвратимости наказания, но долговременность и стабильность сложившихся международных отношений в уголовно-правовой сфере с компетентными органами иностранных государств.

За рамками исследования остались ещё многие вопросы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Особую актуальность приобретает дальнейшее совершенствование механизмов взаимодействия компетентных органов различных государств в условиях роста транснациональной преступности. Повышение эффективности международного сотрудничества требует не только расширения договорно-правовой базы, но и своевременного совершенствования национального уголовно-процессуального законодательства с учетом современных международных стандартов. Практическая реализация международных договоров позволяет укреплять доверие между государствами, обеспечивать защиту прав участников уголовного процесса и создавать дополнительные правовые механизмы противодействия преступности международного характера.

Кроме того, определенный интерес вызывает необходимость продвижения заявки Казахстана Советом Европы о присоединении к Конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам. С начала 2000 годов Генеральная прокуратура РК со всеми заинтересованными ведомствами неоднократно подавала заявку. Данный факт свидетельствует о результате многолетней совместной работе ведомств, важной для получения признания правовой системы Казахстана государствами ЕС. Присоединение к Конвенции придаст уверенность компетентным органам для активного развития международного сотрудничества в уголовно-правовой сфере со странами Европы.

Полагаем, что деятельность компетентных органов Казахстана на основе многостороннего международного договора - Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам заинтересует также многих исследователей и позволит решить множество назревших вопросов в ходе правоприменительной практики.

Таким образом, в целях дальнейшего совершенствования правового регулирования вопросов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства требуется глубокое и всестороннее изучение международно-правовой базы.

Литература

- Договор, 2026 — Договор между Республикой Казахстан и Республикой Перу о выдаче. [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2600000282> (дата обращения: 25.05.2026). [Russ.]
- Из ОАЭ экстрадировали, 2026 — Из ОАЭ экстрадировали подозреваемого в хищении 293 млн тенге // BAQ.kz. [Электрон. ресурс]. URL: <https://rus.baq.kz/iz-oe-ekstradirovali-podozrevaemogo-v-hischenii-293-mln-tenge300024355/> (дата обращения: 29.05.2026). [Russ.]
- Казахстан подписал, 2026 — Казахстан подписал новые договоры о выдаче осужденных преступников // Inbusiness.kz. [Электрон. ресурс]. URL: <https://inbusiness.kz/index.php/ru/last/kazakhstan-podpisal-novye-dogovory-o-vydache-osuzhdennyh-prestupnikov> (дата обращения: 30.05.2026). [Russ.]
- Карта договоров, 2026 — Карта договоров // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. [Электрон. ресурс]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/documents/details/471614?lang=ru> (дата обращения: 24.05.2026). [Russ.]
- Конвенция об отмывании, 1990 — Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (заключена 8 ноября 1990 года). [Электрон. ресурс]. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=141> (дата обращения: 29.05.2026). [Russ.]
- Конвенция ООН, 1984 — Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята 10 декабря 1984 года). [Электрон. ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 29.05.2026). [Russ.]
- Конституция, 1995 — Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года; действующая редакция). [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000> (дата обращения: 29.05.2026). [Russ.]
- Майорова, Луцаева, 2024 — Майорова Л.В., Луцаева М.Д. Влияние международных договоров на совершенствование уголовно-процессуального законодательства // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 1 (54). С. 165–171. [Электрон. ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-mezhdunarodnyh-dogovorov-na-sovershenstvovaniye-ugolovno-protsessualnogo-zakonodatelstva> (дата обращения: 30.05.2026). [Russ.]
- Международный пакт, 1966 — Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 года). [Электрон. ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 29.05.2026). [Russ.]
- О ратификации, 2011 — Закон Республики Казахстан от 2 мая 2011 года № 431-IV «О ратификации Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности». [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000431> (дата обращения: 31.05.2026). [Russ.]

Об утверждении Концепции, 2021 — Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года». [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (дата обращения: 27.05.2026). [Russ.]

Подозреваемый, 2026 — Подозреваемый за незаконный оборот нефтепродуктов экстрадирован из Объединенных Арабских Эмиратов // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. [Электрон. ресурс]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/press/news/details/1080981?lang=ru> (дата обращения: 29.05.2026). [Russ.]

Самарин, 2021 — Самарин В.И. Применимость международных договоров в уголовном процессе: пример Беларуси // Университетские научные записки. 2021. № 6 (84). С. 122–137. [Электрон. ресурс]. URL: [https://unz.univer.km.ua/article/download/84_22 - 137/291\(: 30.05.2026\).](https://unz.univer.km.ua/article/download/84_22 - 137/291(: 30.05.2026).) [Russ.]

Соглашение, 2026 — Соглашение между Республикой Казахстан и Королевством Марокко о выдаче. [Электрон. ресурс]. URL: [https://prg.kz/document/?doc;d = 35718398pos = 19; 237\(: 30.05.2026\).](https://prg.kz/document/?doc;d = 35718398pos = 19; 237(: 30.05.2026).) [Russ.]

Уголовно-процессуальный кодекс, 2014 — Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК. [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 31.05.2026). [Russ.]

Stahn, 2018 — Stahn C. A Critical Introduction to International Criminal Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 464 p. [Электрон. ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1017/9781108399906> (дата обращения: 30.05.2026). [Eng.]

References

Dogovor, 2026 — Dogovor mezhdu Respublikoi Kazakhstan i Respublikoi Peru o vydache [Treaty between the Republic of Kazakhstan and the Republic of Peru on Extradition]. [Elektron. resurs]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2600000282> (data obrashcheniya: 25.05.2026). [in Russ.]

Iz OAE ekstradirovali, 2026 — Iz OAE ekstradirovali podozrevaemogo v hishchenii 293 mln tenge [A Suspect in the Embezzlement of 293 Million Tenge Was Extradited from the UAE] // BAQ.kz. [Elektron. resurs]. URL: [https://rus.baq.kz/iz-oae-ekstradirovali-podozrevaemogo-v-hishchenii-293-mln-tenge300024355/\(dataobrashcheniya : 29.05.2026\).](https://rus.baq.kz/iz-oae-ekstradirovali-podozrevaemogo-v-hishchenii-293-mln-tenge300024355/(dataobrashcheniya : 29.05.2026).) [in Russ.]

Kazakhstan podpisal, 2026 — Kazakhstan podpisal novye dogovory o vydache osuzhdennykh prestupnikov [Kazakhstan Signed New Agreements on the Extradition of Convicted Criminals] // Inbusiness.kz. [Elektron. resurs]. URL: <https://inbusiness.kz/index.php/ru/last/kazakhstan-podpisal-novye-dogovory-o-vydache-osuzhdennykh-prestupnikov> (data obrashcheniya: 30.05.2026). [in Russ.]

Karta dogovorov, 2026 — Karta dogovorov [Map of Treaties] // Ofitsial'nyi sait General'noi prokuratury Respubliki Kazakhstan. [Elektron. resurs]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/documents/details/471614?lang=ru> (data obrashcheniya: 24.05.2026). [in Russ.]

Konstituciya, 1995 — Konstituciya Respubliki Kazakhstan (prinyata na respublikanskom referendume 30 avgusta 1995 goda; deistvuyushchaya redaktsiya) [Constitution of the Republic of Kazakhstan]. [Elektron. resurs]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000> (data obrashcheniya: 29.05.2026). [in Russ.]

Konvenciya ob otmyvanii, 1990 — Konventsia ob otmyvanii, vyavlenii, izyatii i konfiskatsii dokhodov ot prestupnoi deyatel'nosti [Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime]. [Elektron. resurs]. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=141> (data obrashcheniya: 29.05.2026). [in Russ.]

Konvenciya OON, 1984 — Konventsia OON protiv pytok i drugikh zhestokikh, beschelovechnykh ili unizhayushchikh dostoinstvo vidov obrashcheniya i nakazaniya [United Nations Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment]. [Elektron. resurs]. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml\(dataobrashcheniya : 29.05.2026\).](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml(dataobrashcheniya : 29.05.2026).) [in Russ.]

Majorova, Lushchaeva, 2024 — Majorova L.V., Lushchaeva M.D. Vliyaniye mezhdunarodnykh dogovorov na sovershenstvovanie ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva [The Influence of International Treaties on the Improvement of Criminal Procedure Legislation] // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. No. 1 (54). P. 165–171. [Elektron. resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-mezhdunarodnykh-dogovorov-na-sovershenstvovanie-ugolovno-protsessual'nogo-zakonodatel'stva> (data obrashcheniya: 30.05.2026). [in Russ.]

Mezhdunarodnyi pakt, 1966 — Mezhdunarodnyi pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh [International Covenant on Civil and Political Rights]. [Elektron. resurs]. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml\(dataobrashcheniya : 29.05.2026\).](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml(dataobrashcheniya : 29.05.2026).) [in Russ.]

O ratifikacii, 2011 — Zakon Respubliki Kazakhstan ot 2 maya 2011 goda № 431-IV «O ratifikacii Konvencii ob otmyvanii, vyavlenii, izyatii i konfiskatsii dokhodov ot prestupnoi deyatel'nosti» [Law of the Republic of Kazakhstan on Ratification of the Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime]. [Elektron. resurs]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000431> (data obrashcheniya: 31.05.2026). [in Russ.]

Ob utverzhdenii Konceptii, 2021 — Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 15 oktyabrya 2021 goda № 674 «Ob utverzhdenii Konceptii pravovoi politiki Respubliki Kazakhstan do 2030 goda» [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan on Approval of the Concept of Legal Policy until 2030]. [Elektron. resurs]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (data obrashcheniya: 27.05.2026). [in Russ.]

Podozrevaemyi, 2026 — Podozrevaemyi za nezakonnyi oborot nefteproduktov ekstradirovan iz Obedinennykh Arabskikh Emirats [A Suspect in Illegal Petroleum Trafficking Was Extradited from the United Arab Emirates] // Ofitsial'nyi sait General'noi prokuratury Respubliki Kazakhstan. [Elektron. resurs]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/press/news/details/1080981?lang=ru> (data obrashcheniya: 29.05.2026). [in Russ.]

Samarin, 2021 — Samarina V.I. Primenimost' mezhdunarodnykh dogovorov v ugolovnom protsesse: primer Belarusi [Applicability of International Treaties in Criminal Procedure: The Case of Belarus] // Universitetskie nauchnye zapiski. 2021. No. 6 (84). P. 122–137. [Elektron. resurs]. URL: [https://unz.univer.km.ua/article/download/84_22 - 137/291\(dataobrashcheniya : 30.05.2026\).](https://unz.univer.km.ua/article/download/84_22 - 137/291(dataobrashcheniya : 30.05.2026).) [in Russ.]

Soglasenie, 2026 — Soglasenie mezhdu Respublikoi Kazakhstan i Korolevstvom Marokko o vydache [Agreement between the Republic of Kazakhstan and the Kingdom of Morocco on Extradition]. [Elektron. resurs]. URL: [https://prg.kz/document/?doc;d = 35718398pos = 19; 237\(dataobrashcheniya : 30.05.2026\).](https://prg.kz/document/?doc;d = 35718398pos = 19; 237(dataobrashcheniya : 30.05.2026).) [in Russ.]

Stahn, 2018 — Stahn C. A Critical Introduction to International Criminal Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 464 p. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1017/9781108399906> (accessed: 30.05.2026). [Eng.]

Ugolovno-processual'nyi kodeks, 2014 — Ugolovno-processual'nyi kodeks Respubliki Kazakhstan ot 4 iyulya 2014 goda № 231-V ZRK [Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan]. [Elektron. resurs]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (data obrashcheniya: 31.05.2026). [in Russ.]

ЕАЭО МЕМЛЕКЕТТЕРІНДЕГІ ЕҢБЕКШІ-МИГРАНТТАРДЫҢ ЕҢБЕК ҚҰҚЫҚТАРЫН ҚОРҒАУДЫҢ ПРОЦЕССУАЛДЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТЕТІКТЕРІ

¹М.А. Аленов , ²М.К. Журунова*

^{1,2}Астана халықаралық университеті, Астана, Қазақстан

*e-mail: mereke_zhurunova@aiu.edu.kz

М.А. Аленов – заң ғылымдарының докторы, Астана халықаралық университеті Құқық жоғарғы мектебінің профессоры; Астана, Қазақстан; e-mail: lsc@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4352-5494>

М.К. Журунова – Астана халықаралық университеті Құқық жоғарғы мектебінің аға оқытушысы, құқық магистрі; Астана, Қазақстан; e-mail: mereke_zhurunova@aiu.edu.kz; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6020-5823>

Аңдатпа. Ғылыми мақалада Еуразиялық экономикалық одақта еңбек етушілердің бұзылған еңбек құқықтарын қорғау үшін еңбек дауларын қарайтын органдарға жүгінудің процессуалдық-құқықтық тәртібі қарастырылған. Еңбек жағдайларын өзгерту және жұмыскерлерді басқа жұмысқа ауыстыру мәселелері, еңбекке ақы төлеу мен басқа да еңбек даулары қаншалықты сапалы реттелетін болса, соншалықты жұмыскердің негізгі еңбек құқықтарының сақталуына, олардың әлеуметтік тұрғыдан қорғалуына және өндірісті тиімді ұйымдастыруға тікелей әсер етеді. Бұл салада ерекше рөл атқаратын маңызды құрал ретінде ХЕҰ қабылдаған халықаралық еңбек стандарттары зерттеліп, олардың нормалары мен ұсынымдарының ұлттық заңнама үшін бағыттаушы қағидаттар ретінде қызмет ететіндігі қарастырылды. Қолданыстағы құқық қолдану тәжірибесі көрсетіп отырғандай, еңбек дауларын шешудің нақты құқықтық механизмдері жүйеленгеніне қарамастан, заңға қайшы әрекеттердің болуына байланысты жұмыс беруші мен жұмыскердің арасында еңбек дауының туындауына алып келеді. Ғылыми мақаланың мақсаты ЕАЭО елдерінде еңбек дауларын қарайтын органдардың заңнамамен және құқық қолдану тәжірибесінде реттелуін зерттеу болып табылады.

Түйін сөздер: еңбек даулары, еңбекші мигранттар, еңбек жағдайларын өзгерту, еңбек құқықтарын қорғау, ЕАЭО еңбек ету құқықтары.

ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ МИГРАНТОВ В СТРАНАХ ЕАЭС

¹М.А. Аленов, ²М.К. Журунова*

^{1,2}Международный университет Астана, Астана, Казахстан

*e-mail: mereke_zhurunova@aiu.edu.kz

М.А. Аленов – доктор юридических наук, профессор Высшей школы права Международного университета Астана; Астана, Казахстан; e-mail: lsc@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4352-5494>

М.К. Журунова – магистр права, старший преподаватель Высшей школы права Международного университета Астана; Астана, Казахстан; e-mail: mereke_zhurunova@aiu.edu.kz; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6020-5823>

Аннотация. Научная статья посвящена исследованию процессуально-правовых механизмов защиты трудовых прав работников в государствах Евразийского экономического союза (ЕАЭС), включая порядок обращения в органы, уполномоченные рассматривать трудовые споры. Особое внимание уделяется вопросам изменения условий труда,

перевода работников на другую работу, оплаты труда и иным категориям трудовых споров, поскольку их правовое регулирование непосредственно влияет на реализацию конституционного права на труд, уровень социальной защищенности работников и эффективность организации трудовых отношений. В рамках исследования проанализированы международные трудовые стандарты, разработанные Международной Организацией Труда (МОТ), а также их влияние на формирование и совершенствование национального трудового законодательства государств-членов ЕАЭС. Рассматривается значение международно-правовых норм и рекомендаций МОТ как ориентиров для законодательного регулирования и правоприменительной практики в сфере разрешения трудовых споров. Как показывает правоприменительная практика, несмотря на наличие систематизированных правовых механизмов разрешения трудовых споров, между работодателями и работниками продолжают возникать трудовые конфликты, обусловленные противоправными действиями одной из сторон трудовых отношений. Целью научной статьи является исследование законодательного регулирования и правоприменительной практики деятельности органов, рассматривающих трудовые споры в государствах-членах ЕАЭС.

Ключевые слова: трудовые споры, трудовые мигранты, изменение условий труда, защита трудовых прав, трудовые права в ЕАЭС.

PROCEDURAL AND LEGAL MECHANISMS FOR THE PROTECTION OF MIGRANT WORKERS' LABOR RIGHTS IN THE EAEU COUNTRIES

¹M.A. Alenov, ²M.K. Zhurunova*

^{1,2}Astana International University, Astana, Kazakhstan

*e-mail: mereke_zhurunova@aiu.edu.kz

M.A. Alenov – Doctor of Law, Professor of the Higher School of Law at Astana International University; Astana, Kazakhstan; e-mail: lscc@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4352-5494>

M.K. Zhurunova – Master of Laws, Senior Lecturer at the Higher School of Law of Astana International University; Astana, Kazakhstan; e-mail: mereke_zhurunova@aiu.edu.kz; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6020-5823>

Abstract. The scientific article is devoted to the procedural and legal procedure for applying to bodies dealing with labor disputes in order to protect violated labor rights of employees in the states of the Eurasian Economic Union (EAEU). Issues of changing working conditions, transferring employees to other jobs, remuneration and other labor disputes are regulated by law in such a way that they have a direct impact on the realization of basic labor rights of employees, their social protection and the effectiveness of the organization of production. As an important tool that plays a special role in this area, the international labor standards adopted by the International Labor Organization (ILO) have been studied, as well as their significance and impact on the formation of national labor legislation of the EAEU states. As law enforcement practice shows, despite the existence of systematic legal mechanisms for resolving labor disputes, labor conflicts continue to arise between employers and employees due to illegal actions by one of the parties to the employment relationship. The purpose of the scientific article is to study the legislative regulation and law enforcement practice of the bodies dealing with labor disputes in the EAEU member states.

Keywords: labor disputes, migrant workers, changing working conditions, protection of labor rights, labor rights of the EAEU.

Кіріспе. Еуразиялық экономикалық одақтың (бұдан әрі - ЕАЭО) мүше мемлекеттерінде еңбек дауларын қарау ету құқығынан бастау ала отырып, Конституцияның нормаларымен реттеліп, ұлттық заңнамалар. Дегенмен, құқық қолдану тәжірибесін талдау көрсеткендей, процестік механизмдердің формальды түрде болуы олардың еңбекші-мигранттар үшін тиімді жүзеге асырылатынына әрдайым кепілдік бермейді. Негізгі кедергілер ретінде: талап арыздарды дайындаудағы тілдік кедергі, мигранттардың өздерінің процестік құқықтары

туралы жеткіліксіз хабардар болуы, сондай-ақ ЕАЭО мүше мемлекеттерінде дауларды сотқа дейін реттеу тәсілдеріндегі айырмашылықтар табылады. Аталған мән-жайлар тек материалдық нормаларды біріздендіруді ғана емес, сонымен бірге ұлтүстік деңгейде процедуралық ережелерді үйлестіруді де талап етеді, халықаралық стандарттармен сәйкестегі қарастырыла отырып, реттелуге жатады. Жеке еңбек даулары еңбек құқығының маңызды институты ретінде таныла отырып, еңбек қатынастарын реттеудің негізгі элементтері қатарынан табылады. Бұл еңбек қатынастары мен еңбек қатынастарымен тығыз байланысты қатынастардан туындайтын келіспеушіліктерді, сонымен бірге, жұмыс берушінің тарапынан еңбек жағдайларын бір жақты өзгертуден туындайтын құқық қолдану тәжірибесінде орын алатын мәселелерді реттеуге бағытталған. Аталған келіспеушіліктер еңбек құқығында орын алмаған әділеттілік, тепе-теңдік сияқты қағидаттардың бұзылып, нәтижесінде жұмыскерлердің құқықтарын қорғау сияқты мәселелерді қамтуға әкеледі.

ЕАЭО жағдайында еңбек қызметін жүзеге асыру құқықтары мүше мемлекет азаматтарының басқа елдің еңбек нарығына қолжетімділігімен, еңбек жағдайлары мен еңбекақы мәселесінде тең қатынас қағидаты, еңбек қызметін бастауға байланысты әкімшілік рәсімдердің жеңілдетілуі, кәсіби біліктілік пен құжаттарды тану тетіктері, әлеуметтік кепілдіктердің сақталуы арқылы жүзеге асады. Дегенмен, еңбекші мигранттардың еңбек құқықтарын қалпына келтіру ЕАЭО шартында көрсетілген нормалар сақтала отырып, ведомстволық бағыныстылығы бойынша әр мемлекеттің Еңбек кодекстерінде көрсетілген нормалармен еңбек дауларын қарайтын органдармен реттеледі.

Материалдар мен әдістер. Ғылыми мақалада, ЕАЭО мемлекеттерінің еңбекші мигранттарының еңбек ету қызметінен туындайтын келіспеушіліктерді бес мемлекеттің Конституциясы, Еңбек кодекстері, Халықаралық еңбек ұйымының конвенциялары және сот шешімдері арқылы зерттеу қарастырыла келе, салыстырмалы ғылыми зерттеулер зерделенді. Сонымен бірге, салыстырмалы-құқықтық талдау, индукциялық, дедукциялық, талдау және синтез сияқты зерттеу әдістері қолданылды.

Еңбекші-мигранттардың процестік қорғалу ерекшеліктерін анықтау мақсатында авторлар ЕАЭО-ның бес елінің әрқайсысындағы процедуралық мерзімдерге, юрисдикциялық органдардың тізбесіне және сотқа дейінгі кезеңнің міндеттілігіне акцент жасай отырып, салыстырмалы-құқықтық талдау әдісін қолданды. Сонымен қатар, шетелдік жұмыскерлер қатысатын еңбек дауларының соттылығын реттеу бөлігіндегі ұлттық кодекстердің нормаларын түсіндіру үшін ресми-құқықтық әдіс пайдаланылды.

Нәтижелер мен талқылау. Еңбек ету құқығы дәстүрлі түрде адамның іргелі әлеуметтік-экономикалық құқықтарының қатарына жатады, сонымен бірге халықаралық деңгейде жалпыға бірдей танылады. Бұл құқық түрлі бірлестікте мемлекеттердің азаматтарына еңбекті еркін таңдау, жұмыспен қамту және әлеуметтік кепілдіктерді қамтамасыз ете отырып, тең қол жеткізудің кепілдіктерінің жиынтығы. Еуразиялық экономикалық одақ (бұдан әрі - ЕАЭО) сияқты интеграциялық өлшемде еңбек етуге құқық жұмыскерлердің қозғалыс еркіндігі, ешқандай кемсітусіз, біліктілікті тану сияқты мәселелерді қамтиды. Ал, өз алдына осы одаққа мүше мемлекеттердің ұлттық құқықтық тәртібінде еңбек ету құқығы кәсіпті, қызмет түрін еркін таңдаудың және жұмыссыздықтан қорғаудың конституциялық кепілі ретінде бекітіледі.

ЕАЭО шеңберінде еңбекші мигранттардың құқықтарын жүзеге асыру оларға осы мемлекеттер аумағында еркін қозғалу құқығын ғана бекітпей, олардың бұзылған құқықтарын ЕАЭО негізгі органдары арқылы қорғаудың тиімді тетіктерінің болуы ерекше маңызға ие. Дегенмен, олардың құқық қолдану тәжірибесіндегі процессуалдық – құқықтық қорғау мәселелері халықаралық және ұлттық заңдардың сүйемелдеуімен жүзеге асады.

ЕАЭО келісім шартында (Заң, 2014), еңбекші мигранттарға еңбек қызметін жүзеге асыруға тең құқықтар берілгенімен, олардың жұмыстан шығарылуы немесе жұмысқа орналасуы кезінде, сонымен бірге егер көлеңкелі жұмыспен қамтылған болса, еңбегіне ақы алу, әлеуметтік кепілдіктер алу кезіндегі кепілдіктердің сақталмауы орын алып жатады, ол өз алдына сотпен қорғалуының мәселесіне әкеледі. Нәтижесінде, бірізділік деңгейінде еңбек ұтқырлығының дамуына қатысты құқық қолдану тәжірибесінде туындайтын еңбек құқықтарын

сот арқылы қорғау ұлттық заңнаманың басымдылығынан бастама алады.

ЕАЭО контекстінде еңбек қызметін жүзеге асыру құқығы азаматтардың конституциялық еңбек құқықтары мен Одақтың шарттық-құқықтық базасында бекітілген интеграциялық бостандықтардың үйлесуіне негізделген кешенді құқықтық құбылыс болып табылады.

Осы санаттың мазмұнын түсіну үшін ЕАЭО шеңберінде еңбек ету құқығы және еңбек қызметін жүзеге асыру құқығын ажырату мен интеграциялық бірлестіктің құқықтық феномені ретінде еңбек ұтқырлығының ерекше рөлін ескеру маңызды.

Мысалы, бес мемлекеттің ішінде Қазақстан Республикасы (бұдан әрі - ҚР) Конституциясының 5 бабының 2 тармағында Конституцияның ең жоғары заңды күші болатыны және оның барлық республика аумағында бірдей қолданатынымен, осы баптың 3 тармағында халықаралық шарттарды қолдану өз алдына ұлттық заңдармен реттелетіні айтылған (Конституция, 2026).

Сонымен бірге, Ресей Федерациясының (бұдан әрі - РФ) Конституциясының 15 бабының 1 және 4 тармақтарында ҚР Конституциясына ұқсас ережелер көрсетілгенімен, ұлттық заңнамалар алдында халықаралық шарттың нормаларына басымдық көрсетілген (Конституция, 1993).

Армения Республикасы (бұдан әрі - АР) Конституциясының 6 бабының нормасында да Конституцияға басымдылық беріле отырып, мойындалған халықаралық шарттардың қолданысын алға шығарады (Конституция, 2015).

Бұдан әрі Қырғыз Республикасы Конституциясының 6 бабындағы ереже ҚР Конституциясымен ұқсас болса (Конституция, 2021), Беларусь Республикасы Конституциясының 7 бабында Конституцияға басымдылық бере отырып, 8 бабында халықаралық шарттың маңыздылығын атап кетеді (Конституция, 1996).

Сонымен, жалпы халықаралық шарттар ЕАЭО мемлекеттерінде өз қолданысын табумен ұштасады. Еңбекші мигранттардың еңбек ету қызметін жүзеге асыру және еңбек ету құқығы осы бес мемлекеттік Конституциясынан бастама алып, ары қарай ілеспе заңдардың нормаларымен жүзеге асады.

Бірізділік тұрғысынан заңдар еңбекші мигранттардың еңбек ету құқығына толыққанды әсер еткенімен, еңбек дауларын қарау әртүрлі құқықтық стандарттармен жүзеге асады, нәтижесінде әртүрлі сот қорғауларының орын алуы мемлекеттердің ішінде еңбекші мигранттардың жұмыскерлер ретінде құқықтарына кепілдіктер берілмей, әлеуметтік демпингке алып келуі мүмкін (Мрих, 2017:41). Процестік мерзімдерді салыстырмалы талдау айтарлықтай айырмашылықтарды көрсетеді: Ресей Федерациясы мен Беларусьте еңбек даулары жөніндегі комиссияға жүгінудің жалпы мерзімі үш айды құраса, Қазақстанда келісім комиссиясына жүгіну бір ай, сотқа жүгіну екі айды, Арменияда еңбек даулары сотқа дейінгі міндетті кезеңсіз тек сот тәртібімен қаралады, ал Қырғызстанда мерзім жұмыстан босату туралы даулар бойынша екі айдан еңбекақы төлеу туралы даулар бойынша үш жылға дейін өзгереді. Мұндай әркелкілік мигранттар үшін, әсіресе жұмыс істейтін елін ауыстырған кезде, процестік мерзімдерді өткізіп алудың қосымша тәуекелдерін туғызады.

Құқық қолдану тәжірибесінде еңбек дауларының пайда болуының алдында, әдетте, жұмыс беруші мен жұмыскердің объективті немесе субъективті тұрғысынан келіспеушіліктер орын алып, еңбек қатынастарынан немесе олармен тығыз байланысты қатынастардан туындайтын құқық бұзушылықтар пайда болады. Бұл тікелей еңбек қатынастарынан туындайтын құқықтық қатынастың басқа субъектісінің құқығын бұзуға әкеп соқтырған, міндетті субъектінің өзінің еңбек міндетін кінәлі орындамауы немесе тиісінше орындамауы салдарынан орын алады. Еңбек дауы міндетті субъектінің іс-әрекеті заңды болған жағдайда да туындауы мүмкін, бірақ басқа субъект оларды заңсыз деп санайды, бұл ретте қандай да бір жағдайда еңбек құқық бұзушылықтың болуын не болмауын анықтау еңбек дауын қарайтын құзыретті органның құзыреті болып табылады.

Жұмыскердің немесе жұмыскерлердің ұжымдық еңбек дауымен еңбек дауларын қарайтын органдарға жүгінуі еңбек құқықтарын өзін-өзі қорғаудың маңызды нысаны болып табылады, өйткені бұл өтініш жұмыскердің (жұмыскерлердің) өздері шешпеген еңбек

келіспеушіліктеріне дауласу бастамасын көрсетеді. Осылайша, дауласушылар еңбек құқығы субъектілерінің келіспеушілігі тараптардың өздері шешпеген және еңбек дауларын қарайтын органның қарауына түскен кезде ғана еңбек дауына айналады. Жұмыскердердің жұмыс берушімен араларындағы туындаған келіспеушілікпен тиісті еңбек даулары бойынша органға жүгінуі олардың еңбек құқықтарын өзін-өзі қорғаудың маңызды нысаны болып табылады. Бұл жұмыскерлердің еңбек құқықтарын немесе өзінің заңды еңбек мүдделерін өзін-өзі қорғау бастамасы екенін көрсетеді. Мұндай бастаманы көрсетпестен, кем дегенде, келіспеушіліктер мен өзін-өзі реттеу болмаса, еңбек дауы болмайды.

ЕАЭО мемлекеттерінде еңбек дауларын қарау тәртібі ерекшеленеді. Мысалы, РФ, БР, Қырғыз Республикасында жеке еңбек даулары еңбек даулары бойынша комиссияда қаралатын болса, ҚР келісім комиссиясында қаралады. Ал, АР еңбек даулары соттың қарауымен жүзеге асады (Радионов, 2024:76).

РФ ЕК 382 бабына сәйкес, жеке еңбек дауларын қарау еңбек дауларын қарайтын комиссия немесе сотпен қаралады, бұл нормада сотқа дейінгі комиссиямен қарау міндеттемесі қарастырылмаған (Трудовой Кодекс, 2001).

Сонымен бірге, осы Кодекстің 386 бабының нормасына сәйкес, еңбек даулары бойынша комиссияға жүгіну мерзімі жұмыскердің бұзылған құқықтары немесе бұзылған құқықтарын білгеннен бастап үш айлық мерзім қарастырылған.

БР ЕК 233 бабына сәйкес, еңбек даулары еңбек даулары бойынша комиссия немесе соттармен қаралады және осы заңнаманың 236 бабына сәйкес, еңбек даулары бойынша комиссияның жұмысы құрылған болса қарауға міндетті екенін білдіреді (Трудовой Кодекс, 1999).

АР ЕК 38 бабында еңбек даулары сотта азаматтық іс жүргізу тәртібімен қаралатыны туралы сілтеме жасалатын нормамен көрсетілген (Трудовой Кодекс, 2004).

Қырғыз Республикасы ЕК 241 бабына сәйкес, еңбек даулары жұмыскердің қалауы бойынша еңбек даулары комиссиямен немесе сотта қаралады. Сонымен бірге, еңбек даулары бойынша бұзылған құқықтарынан бастап, комиссияға жүгіну мерзімі үш ай, егер жұмыстан шығару туралы жұмыс берушінің актісі тапсырылған күннен бастап, екі ай мерзімді құрайды. Сонымен бірге, еңбекке ақы төлеу туралы даулар үш жылды құраса, жұмыскерге келтірілген зиянды өтеу туралы даулар бойынша жүгіну мерзімі бір жылды құрайды (Трудовой Кодекс, 2025).

ҚР ЕК 159 бабына сәйкес, жеке еңбек дауларын жұмыскерлердің саны он бес адамнан асса бірінші келісім комиссиясы, одан кейін барып сот қарайтыны туралы айтылған. Сонымен бірге, 160 бапқа сәйкес, жеке еңбек даулары бойынша еңбек дауларын қарайтын органдарға жүгіну мерзімі жұмысын қалпына келтіру туралы дау бойынша келісім комиссияға жүгіну бір ай, сотқа жүгіну екі айды құрайды. Басқа еңбек даулары бойынша бір жылды құрайды (Еңбек Кодексі, 2015).

Бұл жерден, еңбек дауларының қаралуының ведомстволық бағыныстылығы ЕАЭО мемлекеттерінде ерекшеленетіні ұлттық заңдармен бекітілген нормаларға сәйкес жүзеге асады. Яғни, жоғарыда қарастырып кеткендей, ҚР мен БР жеке еңбек даулары сотқа дейін міндетті түрде келісім комиссиясынан өтіп барып, сотқа жүгінуге құқық беретін болса, Қырғыз Республикасы мен РФ жұмыскерге бұзылған құқықтарын қорғауды еңбек даулары бойынша органдарға жүгіну құқықтарын бекіткен. Негізінде дауларды балама жолдармен шешудің тәртібі жалпыға ортақ қалыптасқан тәжірибе, соттардың істі қарау салмағын азайтатын болғанымен, сотқа дейін тараптарды келісімге келтіру үшін оларды міндеттеу бұзылған еңбек құқықтарын қалпына келтіруге қандай да бір кедергі келтіруі мүмкін, себебі, келісім комиссиясының құрамын жұмыс берушіге бағынышты жұмыскерлердің саны құрайтыны анық.

ЕАЭО мемлекеттерінде Қырғыз Республикасынан бөлек барлығында дербес талап арыз беру жұмыс берушінің орналасқан жері бойынша берілуі тиіс болса, қазіргі заманауи талапқа сәйкес жұмыскердің қашықтықтан жұмыс жасауы немесе белгілі бір жұмысты атқару кезінде жұмыс берушімен бір аумақта болуы шарт емес, сондықтан бұл мемлекетте жұмыскердің өз қызметін еңбек шарты бойынша атқарып отырған жері бойынша талап арыз беру құқығы

карастырылады.

Жұмыскерлердің құқықтарын қорғау және еңбек қатынастарындағы тұрақтылықты қамтамасыз ету мәселесі халықаралық құжаттарда маңызды орын алады. Халықаралық еңбек ұйымының Конвенциялары мен декларациялары еңбек ету құқығы аясында жұмыскерлердің қауымдастық еркіндігін, мәжбүрлі еңбекке тыйым салу және еңбек саласындағы кемсітушілік, тең еңбек үшін бірдей жалақы, кәсіподақ құқықтары және оларды әлеуметтік қорғау сияқты маңызды қағидаттарды қамтиды. Атап өтетін болсақ, шетелдік азаматтың ешбір кемсітусіз еңбек ету құқығы туралы Халықаралық еңбек ұйымының (бұдан әрі - ХЕҰ) Еңбекші-мигранттар мен олардың отбасы мүшелерінің барлық құқықтарын қорғау туралы №97 Конвенция және Көші-қон саласындағы теріс пайдалану туралы және мигрант жұмыскерлерге мүмкіндіктер мен айналым теңдігін қамтамасыз ету туралы №143 Конвенцияда атап өтіледі.

Бұл жағдайда, ҚР ратификациялаған, жұмыскерлер мен олардың өкілдері құқықтарын қорғауға бағытталған халықаралық құжат болып, ХЕҰ №135 «Жұмыскерлер өкілдерін қорғау туралы» Конвенциясын 1971 жылғы қарастыруға болады (Конвенция, 1971).

Аталған халықаралық актіге сәйкес, жұмыскерлер мен олардың өкілдері және т.б. өздерінің лауазымдық міндеттерін орындайтын кезде қандай да бір жұмыс бойынша кемсіту немесе қолайсыздық туындататын жағдайларға ұшырамауы тиіс. Ал, жұмыс берушіге өз кезегінде жұмыскерлер мен олардың сайланбалы өкілдеріне еңбек құқықтарын қорғауға бағытталған жұмыстары үшін, қандай да бір тәртіптік жазалау шараларын жүзеге асыруға, яғни жұмыстан шығару немесе еңбек жағдайларын төмендететін әрекеттер жасауға тыйым салынады.

Осы тұрғыдан еңбек ету құқығын халықаралық, интеграциялық және ұлттық құқық тұрғысынан қорғаудың қарастыратын болсақ, Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясының 23-бабында әркімнің еңбек ету, жұмысты еркін таңдауы мен жұмыссыздықтан қорғалу, сонымен бірге, ешқандай кемсітушіліксіз және еңбегіне тең ақы алу құқығы туралы жазылған (Декларация, 1948).

Экономикалық, әлеуметтік және мәдени құқықтар туралы халықаралық пактінің 6 және 7 баптарында адамның өзі таңдаған еңбегіне құқығын мойындайды (Заң, 2005).

Дегенмен, ұлттық деңгейде сот тәжірибелерін талдайтын болсақ, ҚР орын алған еңбек дауларының сот тәжірибесі азаматтық процесстік тәртіппен жүзеге асады. Сот тәжірибесін талқылау арқылы жеке еңбек дауларын қарау кезінде ведомстволық бағыныстылық, сот шешімдерінің ұлттық заңнама мен халықаралық құжаттарды қолдана отырып, жұмыскерлердің мүдделерін қорғайтын әділ шешімдердің қабылдануы назарға алынды. Нәтижесінде, сот тәжірибесін зерттей келе, еңбек заңнамасын құқық қолдану тәжірибесінде тиімді қолданылатынын бағалап, құқық қолдану проблемаларын айқындаудың негізгі ерекшелігі ретінде маңызды болып табылады.

Жұмыс берушінің тарапынан еңбек жағдайларын біржақты өзгерту немесе жұмыстан заңсыз шығару, және басқа да еңбек даулары бойынша нақты мән – жайлар ескерілуі қажет. Аталған даулар бойынша, жұмыскерлердің құқықтарын қорғау кезінде процедуралық нормалардың сақталып, тараптар мүдделері тең қорғалу арқылы әділ шешім орын алады (Балашев, 2008).

Оны тәжірибелік тұрғыдан, кейбір сот шешімдеріне талдау жасайтын болсақ, істің мәні бойынша, жұмыс берушінің ұйымдастырушылық өзгерістер нәтижесінде жұмыскердің лауазымын қысқартып, жаңа жұмыс ұсынуына байланысты туындаған. Жұмыскер жаңа лауазымнан бас тартқаннан кейін еңбек шарты ҚР ЕК 58-бабы 1-тармағының 2) тармақшасына сәйкес тоқтатылған (Сот кабинеті, 2023).

Сот талқылауларында жұмыскерлердің лауазымдарын төмендету немесе шаттың санын қысқартуға байланысты туындайтын еңбек дауларын қарауда объективті дәлелдемелер ұсынылмай, аталған өзгерістер нақты негіздер болмай қабылданған шешімдер анықталған. Сондай-ақ, жұмыскерді жұмыс уақытында жұмысынан шеттету заңсыз орын алған жағдайлар да болған, ол кезде жұмыскерлердің сол күнгі жалақысы сақталмайтыны да өз алдына жеке өндіру фактісі болып табылады. Бұл іс бойынша, сот жұмыс берушінің жұмыскерді жұмыстан

шығару әрекетін заңсыз деп танып, оны қайтадан бұрынғы жұмысын қалпына келтіруге шешім шығарып, барлық материалдық шығынды өтеуге міндеттеген. Бұл шешім соттың еңбек жағдайларын өзгерту рәсімдерін мұқият бақылап, жұмыскерді жұмыстан шығарудың әділеттілігіне баға берген.

Басқа бір сот тәжірибесіндегі істі қарастыратын болсақ, жұмыс беруші тарапынан жұмыскерді еңбек жағдайларын нашарлататын әрекеті еңбекақы мөлшерін оның келісімі болмай өзгертумен байланысты болған (Сот кабинеті, 2022).

Жұмыс беруші тарапынан жұмыскерлердің еңбекақысын төмендетуге қатысты біржақты шешім қабылданып, дегенмен бұл шешім жұмыскерлерге хабарланбаған. Жұмыс берушінің актісі ҚР ЕК 12 бабына сәйкес, жұмыскерлерге алдын ала хабарлана келе, жұмыскер келіспеген жағдайдың өзінде де қабылданатыны туралы көрсетілген норма сақталғанда заңды болып табылатын еді. Бірақ бұл процедура орындалмағандықтан, сот шешімінде еңбек жағдайларын өзгертуге қатысты жұмыс берушінің әрекеті заңсыз деп танылып, жұмыскердің құқықтарын басым шығарған. Бұл сот шешімі еңбек шартына қосымша келісіммен енгізілетін барлық өзгерістер ұлттық заңның аясында орын алуы тиіс екенін меңзейді. Бұл жерде айта кететін жайт, сот тәжірибесінде шетелдіктердің еңбек құқықтарын қорғау немесе олардың еңбек жағдайларының өзгеруі немесе еңбегіне ақы төленбеуі деп бөліп жармайды, олардың барлығы бір тәртіппен қаралып шешіледі.

Келесі сот тәжірибесін талдау барысында, жұмыс беруші ҚР ЕК еңбек жағдайларының өзгеруінен жұмыстан шығару үшін көрсетілген нормалардың барлық талаптарын сақтап жүзеге асырған (Сот кабинеті, 2024).

Нәтижесінде, жұмыскер жұмыс беруші еңбек жағдайларын өзгерумен байланысты ұсынған ұсыныстардың барлығынан қағаз жүзінде бас тартқандықтан, ол ҚР ЕК-нің 58-бабы 1-тармағының 2) тармақшасына сәйкес жұмыстан шығарылған. Сот жұмыс берушінің еңбек заңнамасының барлық рәсімдік талаптарын толық сақтағанын анықтап, жұмыскердің талаптарын негізсіз деп тапты. Осы іс жұмыскердің заң талаптарына сәйкес ұсынылған жаңа жұмысқа ауысудан бас тартуы еңбек шартын тоқтатуға құқықтық негіз болатындығын растайды. Талданған сот актілерінде ЕАЭО-ның басқа мемлекеттерінің азаматтары – тікелей еңбекші-мигранттар бастамашы болған істердің жоқтығы назар аудартады. Бұл бұзушылықтардың жоқтығынан емес, жұмыскерлердің аталған санатының құқықтық сауаттылығының төмендігінен және қабылдаушы елде сот қорғауына қол жеткізудің қиындығынан туындауы мүмкін. Осыған байланысты Еуразиялық экономикалық соттың тәжірибесі қызығушылық тудырады, ол жеке еңбек дауларын қарама-қарсы саласындағы кемсітпеушілік қағидатын түсіндіру үшін бағдарлар қалыптастырады.

Келесі сот шешімінде, жұмыскердің еңбек жағдайларын өзгерту арқылы бірақ құқықтарын өрескел бұзу арқылы барлық әрекет оның келісімінсіз біржақты жұмыс беруші тарапынан орын алған (Сот кабинеті, 2023).

Бұл істе сот жұмыскердің еңбек құқықтарының бұзылуынан оның әлеуметтік жағдайының (жұмыскердің қарауында болатын отбасылық міндеттемелерінің орындалмауы) да нашарлауын басшылыққа алған. Істің-мән жайы анықтала келе, сот жұмыскердің жұмыс орнын қалпына келтірген, нәтижесінде бұл істе еңбекші мигранттарға да қолданылатын өздерін ғана емес, олардың отбасы мүшелерін де қорғау басшылыққа алынған. Бұл шешім формалды түрде сақталған рәсімдер жұмыскердің нақты келісін және оның өмірлік жағдайларын есепке алуды алмастыра алмайтынын дәлелдейді.

Басқа бір сот тәжірибесінде жұмыс беруші тарапынан өндірістік қажеттілік жағдайында жұмыскер лауазымы төмен жұмысқа уақытша алмастырылған. Бірақ, жұмыскер еңбек жағдайының өзгеруімен келіспей, жұмыстан шығуға өтініш білдіру арқылы өз құқықтарын бұзылды деп есептеп сотқа шағымданған (Сот кабинеті, 2022).

Сот бұл істің мән – жайын қарастыра келе, жұмыс беруші ҚР ЕК өндірістік қажеттілікке байланысты барлық талаптардың сақталғанын анықтап, сотпен талап арыз қанағаттандырылмаған. Дегенмен, ҚР ЕК 41 бабының нормасына сәйкес, жұмыскерді басқа жұмысқа өндірістік қажеттілік бойынша ауыстырса да, бұрынғы орташа жалақысы сақталады

делінген, яғни бір жағынан лауазымы төмендетілсе де жалақысы төмендетілмейді, бірақ басқа еңбек жағдайлары өзгеруі мүмкін болғанымен.

Сонымен, ҚР сот тәжірибесін талдай келе, еңбек жағдайларын өзгертумен байланысты еңбек даулары туындаған кезде, соттар нақты мән – жағдайды анықтап, екі жақтың да тепе теңдігін сақтай отырып, еңбек заңнамасы аясында қарастырады.

М.Х. Хасенов, жұмыскерлердің құқықтарының бұзылуын тиімді қарастыратын және қалпына келтіру соттың құзыретінде екенін атап өтеді. Сонымен бірге, сот тәжірибесіне талдау жасай келе, ҚР жылда бірнеше жүзге жуық жұмыстан заңсыз босатылған жұмыскер сот шешімі арқылы өз лауазымына қайта орналасу құқығына ие болатындығын айтады (Хасенов, 2019).

ЕАЭО мүше мемлекеттерінің азаматтарына еңбек бостандығы қағидатының сақталуы мен құқық қолдану тәжірибесінде орындалуына әр елдің Конституциясымен кепілдіктер берілген назарға аударып, ЕАЭО жұмыс бабымен кірген азаматтардың бірнеше есе көп екеніне және ЕАЭО сотында қарастырылған еңбек қатынастары және еңбек миграциясына қатысты қарастырылған сот істері бойынша соттың оң қорытынды бергенін, бірақ ол істердің аздығына назар аударамыз (Журунова, 2022).

ЕАЭС сотының ресми сайтында 2015 – 2026 жылдың статистикалық деректерін қарайтын болсақ, 30 - жуық еңбек көші-қоны мен ЕАЭС органдарындағы еңбек қатынастарын қарастырған, оның ішінде 8 - іс еңбек көші-қонымен байланысты, атап айтатын болсақ, еңбекші мигранттардың отбасын әлеуметтік қорғау тұрғысынан медициналық сақтандыру, зейнетақымен қамсыздандыру мәселелеріне арналған (Суд ЕАЭС, 2026).

Дегенмен, ЕАЭО сотының құзіретіне жеке еңбек дауларын қарау кірмейді, сондықтан қазіргі уақытта ЕАЭО аумағында орын алатын еңбек даулары жалпы тәртіпте жоғарыда аталған еңбек заңнамаларының нормаларымен реттеледі. ЕАЭО аумағында еңбек дауларын қарау мәселесі бірізділікті қамтамасыз етеді деп есептейміз.

Қорытынды. ЕАЭО мүше мемлекеттерінде еңбекші мигранттардың еңбек құқықтарын қорғаудың процессуалдық құқықтық мәселесі қарастырыла келе, ЕАЭО сотында жеке еңбек дауларының қарау құзіретіне жатпайтыны, ол даулар әр мемлекеттің өз ішінде жалпы азаматтық іс жүргізу тәртібімен қаралатыны зерттелді. Сонымен қоса, ЕАЭО мүше мемлекеттерінің еңбек заңнамасында еңбек дауларын қарайтын органдардың әртүрлі бағытта жұмыс жасайтын ерекшеліктері қарастырылды. Нәтижесінде еңбек дауларын қарайтын органдардың ведомстволық бағыныстылығына талдау жасалып, азаматтардың конституциялық құқықтарының шектелмеуіне назар аударылды. «Зерттеу қорытындысы бойынша мыналар ұсынылады:

1. ЕАЭО шеңберінде мигранттар қатысатын еңбек дауларын сотқа дейін қараудың үлгілік процестік регламентін әзірлеу;
2. Еуразиялық экономикалық комиссияның базасында үш тілде (орыс, қазақ, армян) процестік мерзімдер мен өтініш нысандарын түсіндіретін ақпараттық-кеңес беру порталын құру;
3. мигранттардың еңбек құқықтарын қалпына келтіру үшін мерзімді өткізіп алудың дәлелді себептерінің тізбесін, мемлекетаралық орын ауыстырудың объективті қиындықтарын ескере отырып, біріздендіру.

Аталған шараларды іске асыру еңбекші-мигранттар үшін сот төрелігінің нақты қолжетімділігін арттыруға және ортақ еңбек нарығындағы әлеуметтік шиеленісті төмендетуге мүмкіндік береді.»

Әдебиеттер

- Балашов, 2008 — Балашов А.И. Трудовые споры и порядок их разрешения: учебное пособие. — СПб.: Филиал ГУ ВШЭ, 2008. — 116 с. ISBN 978-5-91185-023-4. [Russ.]
- Декларация, 1948 — Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясы. Біріккен Ұлттар Ұйымы Бас Ассамблеясының 1948 жылғы 10 желтоқсандағы № 217 А (III) резолюциясымен қабылданған. [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/O4800000001> (жүгінген күні: 24.05.2025). [Kaz.]
- Еңбек кодексі, 2015 — Қазақстан Республикасының Еңбек кодексі. Қазақстан Республикасының Кодексі 2015 жылғы 23 қарашадағы № 414-V ҚРЗ. [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1500000414>(жүгінген күні: 26.05.2026). [Kaz.]
- Журунова, 2022 — Журунова М.К. ЕАЭО еңбек бостандығы қағидатын сақтауға конституциялық кепілдіктердің құқық қолдану

- практикасының кейбір мәселелері // ҚР заңнама және құқықтық акпарат институтының Жаршысы. 2022. № 3 (70). Б. 235–244. [Kaz.]
- Заң, 2005 — Қазақстан Республикасының 2005 жылғы 21 қарашадағы № 87 Заңы «Экономикалық, әлеуметтік және мәдени құқықтар туралы халықаралық пактіні ратификациялау туралы». [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z050000087> (жүгінген күні: 24.05.2025). [Kaz.]
- Заң, 2014 — Қазақстан Республикасының 2014 жылғы 14 қазандағы № 240-V ҚРЗ Заңы «Еуразиялық экономикалық одақ туралы шартты ратификациялау туралы». [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1400000240> (жүгінген күні: 26.05.2026). [Kaz.]
- Конвенция, 1971 — International Labour Organization. Workers' Representatives Convention (Convention No. 135). Adopted 23 June 1971. 883 UNTS 111. [Электрон. ресурс]. URL: <https://www.lawinsider.com/dictionary/ilo-convention-135> (accessed: 18.02.2025). [Eng.]
- Конституция, 1993 — Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями, одобренными 01.07.2020). [Электрон. ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (: 26.05.2026). [Russ.]
- Конституция, 1994 — Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 1996, 2004 и 2022 годов). [Электрон. ресурс]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=v19402875> (дата обращения: 26.05.2026). [Russ.]
- Конституция, 2015 — Конституция Республики Армения. Принята 06.12.2015. [Электрон. ресурс]. URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> (дата обращения: 26.05.2026). [Russ.]
- Конституция, 2021 — Конституция Кыргызской Республики. Принята референдумом 11 апреля 2021 года. [Электрон. ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru> (дата обращения: 26.05.2026). [Russ.]
- Конституция, 2026 — Қазақстан Республикасының Конституциясы. 2026 жылы 15 наурызда республикалық референдумда қабылданды. [Электрон. ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2600000000> (жүгінген күні: 26.05.2026). [Kaz.]
- Мрих, 2017 — Мрих А.С. Трудоправовая интеграция государств Европейского союза и Евразийского экономического союза: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2017. — 206 с. [Russ.]
- Родионов, 2024 — Родионов А.О. Процессуальные гарантии работников по законодательству государств – членов ЕАЭС при рассмотрении индивидуальных трудовых споров // European and Asian Law Review. 2024. Т. 7. № 4. С. 74–83. DOI: 10.34076/2782166820247474. [Russ.]
- Сот кабинеті, 2022а — Қостанай қаласының қалалық сотының № 3910-23-00-2/1807 іс. [Kaz.]
- Сот кабинеті, 2022б — Петропавл қаласының № 2 сотының № 5912-24-00-2/130 іс. [Kaz.]
- Сот кабинеті, 2023а — Алматы қаласының Медеу аудандық сотының № 7517-24-00-2/12927 іс. [Kaz.]
- Сот кабинеті, 2023б — Семей қаласының қалалық сотының № 2-11618-17 іс. [Kaz.]
- Сот кабинеті, 2024 — Астана қаласы Сарыарқа аудандық сотының № 7113-18-00-2/1647 іс. [Kaz.]
- Суд ЕАЭС, 2026 — Суд Евразийского экономического союза. Судебные документы. [Электрон. ресурс]. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/documents/?PAGEN_1=7&SIZE_N_1=20 (: 26.02.2026). [Russ.]
- Трудовой кодекс, 1999 — Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 года № 296-3 (по состоянию на 01.01.2026). [Электрон. ресурс]. URL: <https://prg.kz/document/?doc;d=30414859> (: 28.05.2026). [Russ.]
- Трудовой кодекс, 2001 — Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ (по состоянию на 01.03.2026). [Электрон. ресурс]. URL: <https://prg.kz/document/?doc;d=30396420> (: 28.05.2026). [Russ.]
- Трудовой кодекс, 2004 — Трудовой кодекс Республики Армения от 14 декабря 2004 года № 3Р-124 (по состоянию на 09.10.2025). [Электрон. ресурс]. URL: <https://prg.kz/document/?doc;d=31424454> (: 28.05.2026). [Russ.]
- Трудовой кодекс, 2025 — Трудовой кодекс Кыргызской Республики от 23 января 2025 года № 23 (по состоянию на 01.01.2026). [Электрон. ресурс]. URL: <https://prg.kz/document/?doc;d=39188508> (: 28.05.2026). [Russ.]
- Хасенов, 2019 — Хасенов М.Х. Что не так с судебной практикой по трудовым спорам? [Электрон. ресурс]. URL: <https://online.zakon.kz/Document/?doc;d=34884563> (: 28.02.2025). [Russ.]

References

- Balashov, 2008 — Balashov A.I. Trudovye spory i porjadok ih razresheniya: uchebnoe posobie [Labor Disputes and the Procedure for Their Resolution: Study Guide]. St. Petersburg: HSE Branch, 2008. 116 p. ISBN 978-5-91185-023-4. [in Russ.]
- Deklaraciya, 1948 — Adam kuyktarynyn zhalygya birdei deklaraciya [Universal Declaration of Human Rights]. Adopted by Resolution No. 217 A (III) of the United Nations General Assembly on 10 December 1948. [Elektron. resurs]. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/O4800000001> (data obrashcheniya: 24.05.2025). [in Kaz.]
- Enbek kodeksi, 2015 — Kazakhstan Respublikasynyn Enbek kodeksi. Kazakhstan Respublikasynyn Kodeksi 2015 zhylgy 23 karashadagy № 414-V KRZ [Labour Code of the Republic of Kazakhstan]. [Elektron. resurs]. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1500000414> (data obrashcheniya: 26.05.2026). [in Kaz.]
- Hasenov, 2019 — Hasenov M.H. Chto ne tak s sudebnoi praktikoi po trudovym sporam? [What Is Wrong with Judicial Practice in Labour Disputes?]. [Elektron. resurs]. URL: <https://online.zakon.kz/Document/?doc;d=34884563> (data obrashcheniya : 28.02.2025). [in Russ.]
- International Labour Organization, 1971 — Workers' Representatives Convention (Convention No. 135). Adopted 23 June 1971. 883 UNTS 111. [Electronic resource]. URL: <https://www.lawinsider.com/dictionary/ilo-convention-135> (accessed: 18.02.2025). [Eng.]
- Konstituciya, 1993 — Konstituciya Rossiiskoi Federacii [Constitution of the Russian Federation]. Adopted by nationwide vote on 12 December 1993; amended on 1 July 2020. [Elektron. resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashcheniya : 26.05.2026). [in Russ.]
- Konstituciya, 1994 — Konstituciya Respubliki Belarus' [Constitution of the Republic of Belarus]. With amendments adopted by referenda of 1996, 2004 and 2022. [Elektron. resurs]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=v19402875> (data obrashcheniya: 26.05.2026). [in Russ.]
- Konstituciya, 2015 — Konstituciya Respubliki Armeniya [Constitution of the Republic of Armenia]. Adopted on 6 December 2015. [Elektron. resurs]. URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> (data obrashcheniya: 26.05.2026). [in Russ.]
- Konstituciya, 2021 — Konstituciya Kyrgyzskoi Respubliki [Constitution of the Kyrgyz Republic]. Adopted by referendum on 11 April 2021. [Elektron. resurs]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru> (data obrashcheniya: 26.05.2026). [in Russ.]
- Konstituciya, 2026 — Kazakhstan Respublikasynyn Konstituciyasy [Constitution of the Republic of Kazakhstan]. Adopted by republican referendum on 15 March 2026. [Elektron. resurs]. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2600000000> (data obrashcheniya: 26.05.2026). [in Kaz.]
- Mrih, 2017 — Mrih A.S. Trudopravovaya integraciya gosudarstv Evropeiskogo soyuza i Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza: sravnitel'no-pravovoi analiz [Labour Law Integration of the European Union and the Eurasian Economic Union: A Comparative Legal Analysis]. Candidate of Law Dissertation. Ekaterinburg, 2017. 206 p. [in Russ.]
- Rodionov, 2024 — Rodionov A.O. Processual'nye garantii rabotnikov po zakonodatel'stvu gosudarstv-chlenov EAES pri rassmotrenii individual'nyh trudovykh sporov [Procedural Guarantees of Employees under the Legislation of EAEU Member States in Individual Labour Disputes] // European and Asian Law Review. 2024. Vol. 7. No. 4. P. 74–83. DOI: 10.34076/2782166820247474. [in Russ.]

- Sot kabineti, 2022a — Qostanai qalalyq soty. Is No. 3910-23-00-2/1807. [in Kaz.]
- Sot kabineti, 2022b — Petropavl qalasy No. 2 soty. Is No. 5912-24-00-2/130. [in Kaz.]
- Sot kabineti, 2023a — Almaty qalasy Medeu audandyq soty. Is No. 7517-24-00-2/12927. [in Kaz.]
- Sot kabineti, 2023b — Semei qalalyq soty. Is No. 2-11618-17. [in Kaz.]
- Sot kabineti, 2024 — Astana qalasy Saryarqa audandyq soty. Is No. 7113-18-00-2/1647. [in Kaz.]
- Sud EAES, 2026 — Sud Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza. Sudebnye dokumenty [Court of the Eurasian Economic Union. Judicial Documents]. [Elektron. resurs]. URL: [https://courteurasian.org/courtcases/eaeu/documents/?PAGEN₁=7&SIZE_{N1}=20\(dataobrashcheniya:26.02.2026\).](https://courteurasian.org/courtcases/eaeu/documents/?PAGEN_1=7&SIZE_N1=20(dataobrashcheniya:26.02.2026).) [in Russ.]
- Trudovoi kodeks, 1999 — Trudovoi kodeks Respubliki Belarus' [Labour Code of the Republic of Belarus]. No. 296-Z of 26 July 1999. [Elektron. resurs]. URL: [https://prg.kz/document/?doc;d=30414859\(dataobrashcheniya:28.05.2026\).](https://prg.kz/document/?doc;d=30414859(dataobrashcheniya:28.05.2026).) [in Russ.]
- Trudovoi kodeks, 2001 — Trudovoi kodeks Rossiiskoi Federacii [Labour Code of the Russian Federation]. No. 197-FZ of 30 December 2001. [Elektron. resurs]. URL: [https://prg.kz/document/?doc;d=30396420\(dataobrashcheniya:28.05.2026\).](https://prg.kz/document/?doc;d=30396420(dataobrashcheniya:28.05.2026).) [in Russ.]
- Trudovoi kodeks, 2004 — Trudovoi kodeks Respubliki Armeniya [Labour Code of the Republic of Armenia]. No. ZR-124 of 14 December 2004. [Elektron. resurs]. URL: [https://prg.kz/document/?doc;d=31424454\(dataobrashcheniya:28.05.2026\).](https://prg.kz/document/?doc;d=31424454(dataobrashcheniya:28.05.2026).) [in Russ.]
- Trudovoi kodeks, 2025 — Trudovoi kodeks Kyrgyzskoi Respubliki [Labour Code of the Kyrgyz Republic]. No. 23 of 23 January 2025. [Elektron. resurs]. URL: [https://prg.kz/document/?doc;d=39188508\(dataobrashcheniya:28.05.2026\).](https://prg.kz/document/?doc;d=39188508(dataobrashcheniya:28.05.2026).) [in Russ.]
- Zakon, 2005 — Kazakhstan Respublikasynyn 2005 zhylygy 21 karashadagy № 87 Zany «Ekonomikalyk, aleumettik zhane madeni kukyktar turaly khalykaralyk paktti ratifikaciyalau turaly» [Law of the Republic of Kazakhstan on Ratification of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights]. [Elektron. resurs]. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z050000087> (data obrashcheniya: 24.05.2025). [in Kaz.]
- Zakon, 2014 — Kazakhstan Respublikasynyn 2014 zhylygy 14 kazandagy № 240-V KRZ Zany «Euraziyalyk ekonomikalyk odak turaly shartty ratifikaciyalau turaly» [Law of the Republic of Kazakhstan on Ratification of the Treaty on the Eurasian Economic Union]. [Elektron. resurs]. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1400000240> (data obrashcheniya: 26.05.2026). [in Kaz.]
- Zhurunova, 2022 — Zhurunova M.K. EAEO enbek bostandygy kagidatyn saktauga konstituciynalyk kepildikterdin kukyk koldanu praktikasyndagy keibir maseleleri [Some Issues of Law Enforcement Practice of Constitutional Guarantees for the Principle of Freedom of Labour in the EAEU] // QR Zannama zhane kukytky akparat institutynyn Zharshysy. 2022. No. 3 (70). P. 235–244. [in Kaz.]

Редактор: Мырзабекова А.М. Верстка: Сексенова Ж.М. Подписано в печать: 30.06.2026 г.
Издание: ТОО Международный университет Астана 010000, Казахстан, г. Астана, пр. Кабанбай
батыра, 8, тел.: +7 (7172) 47-62-10 (214), e-mail: vlj@aiu.edu.kz